

ӘШЛИ УИВЕР

УБИЙСТВО В
БРАЙТУЭЛЛЕ

чай, кофе
и убийства

Annotation

Свадьба светской красавицы и знаменитого плейбоя должна была стать главным событием Лондона 1932 года... а стала грандиозным скандалом. Ведь жениха нашли убитым, а брата невесты Джила Трента арестовали по обвинению в этом преступлении.

Инспектор Джонс, ведущий дело, так уверен в виновности Джила, что даже не рассматривает другие версии. И тогда собственное расследование начинают довольно необычные детективы-любители: бывшая возлюбленная Трента – Эймори Эймс, когда-то разбившая ему сердце, и ее муж Майло – счастливый соперник подозреваемого...

- [Эшли Уивер](#)

-

-

- [Глава 1](#)

- [Глава 2](#)

- [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)

- [Глава 5](#)

- [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)

- [Глава 8](#)

- [Глава 9](#)

- [Глава 10](#)

- [Глава 11](#)

- [Глава 12](#)

- [Глава 13](#)

- [Глава 14](#)

- [Глава 15](#)

- [Глава 16](#)

- [Глава 17](#)

- [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Выражение признательности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Эшли Уивер

Убийство в Брайтуэлле

Ashley Weaver
MURDER AT THE BRIGHTWELL

Печатается с разрешения литературных агентств Taryn Fagemess Agency и Synopsis Literary Agency.

Серия «Чай, кофе и убийства»

© Ashley Weaver, 2015

© Перевод. Е. В. Шукшина, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

*Моим
родителям, Дэну и
Диэнн Уивер,
за их
неиссякаемую
любовь и
поддержку*

Глава 1

Кент, Англия, 1932 г.

Невероятно тяжкое испытание быть замужем за человеком, которого любишь и ненавидишь в равных пропорциях.

В конце июня, когда я в одиночестве обедала в столовой, внезапно нарисовался Майло. Он, видите ли, вернулся с юга.

– Привет, дорогая, – чмокнул он меня в щеку, плюхнулся на соседний стул и принялся намазывать тост маслом, как будто мы виделись не два месяца, а два часа назад.

Я отхлебнула кофе.

– Привет, Майло. Как любезно с твоей стороны, что навестил.

– Хорошо выглядишь, Эймори.

Я могла бы сказать о нем то же самое. Время, проведенное на Ривьере, явно пошло ему на пользу. Гладкая, загорелая кожа подчеркивала яркую голубизну глаз. Развалившись на стуле в своем темно-сером костюме он, как всегда, даже в самой дорогой, безупречно сшитой одежде держался непринужденно и легко.

– Не ждала тебя так скоро.

Последнее его письмо, экспромт, информирующий меня о его местонахождении, пришел три недели назад. В нем Майло давал понять, что вернется скорее всего в конце июля.

– В Монте-Карло стало так скучно. Пришлось уехать. А что оставалось?

– Ты прав, лучше осточертевшей рулетки, шампанского и красивых женщин может быть только бодрящий визит домой, где в компании с женой можно наслаждаться тостами и кофе.

Я машинально налила ему кофе, без молока, два сахара.

– Знаешь, Эймори, кажется, я по тебе скучал.

От его улыбки у меня невольно перехватило дыхание. Майло умел ошеломлять, ослеплять людей, внезапно одаряя их своим вниманием. Именно в этот момент в дверях появился наш камердинер Граймс.

– К вам посетитель, мадам. В будуаре.

Майло он словно и не заметил. Впрочем, давно уже было ясно, что Граймс не входит в число обожателей моего мужа. В обращении с хозяином он соблюдал ровно ту меру уважения, которая лишь позволяла этой очевидной неприязни не выходить за рамки приличий.

– Спасибо, Граймс. Сейчас приду.

– Хорошо, мадам.

Граймс исчез так же бесшумно, как и появился. От Майло не укрылось то обстоятельство, что камердинер высказался в достаточной степени туманно, чтобы нельзя было понять, кто ко мне пришел. Намазывая маслом второй тост, он повернулся ко мне и с улыбкой спросил:

– Мой неожиданный приезд помешал тайному свиданию?

Отложив салфетку, я встала со стула.

– У меня нет от тебя тайн, Майло. – В дверях я развернулась, ответив ему не менее ослепительной улыбкой. – Если бы у меня был любовник, я бы непременно поставила тебя в известность.

В коридоре я остановилась перед большим позолоченным зеркалом, желая убедиться, что встреча с заблудшим мужем не покорежила наружность так же, как и нутро. Отражение невозмутимо смотрело на меня – спокойные серые глаза, прибранные темные локоны. Я почувствовала себя несколько увереннее.

Мне давно стало ясно: к Майло нужно готовиться. Увы, он нечасто шел мне навстречу, заблаговременно сообщая о своем приезде.

Опуская ручку двери, я задумалась, а кто же, собственно, пришел. Неопределенность сообщения Граймса объяснялась присутствием моего мужа, а вовсе не посетителем, и я бы не удивилась, увидев за прочной дубовой дверью столь частого гостя, как, например, кухню Лорел. Однако в комнате, мне пришлось изумиться второй раз за сегодняшнее утро. На диване ар-деко сидела вовсе не кузина Лорел, а мой бывший жених.

– Джил.

– Привет, Эймори.

Он поднялся с дивана, и мы обменялись внимательными взглядами. С Джилмором Трентом мы были знакомы с детства и в конце концов обручились, а через месяц после помолвки я встретила Майло. Не могло быть на свете двух более разных мужчин. У Джила были светлые волосы, у Майло темные. Джил был спокоен и

успокаивал других своим видом; непоседливый Майло заводил всех окружающих. На фоне очаровательной непредсказуемости Майло солидность Джила казалась скучной. Джил воспринял новость без лишних эмоций и искренне пожелал мне счастья – иначе он не умел; больше мы не виделись. Вплоть до сегодняшнего дня.

– Как ты? – спросила я, сделав шаг вперед, чтобы пожать протянутую руку.

Рукопожатие было теплым, крепким – знакомым.

– Да, в общем, неплохо. А ты? Выглядишь прекрасно. Ничуть не изменилась.

Он улыбнулся, в уголках глаз собрались мелкие морщинки, и я вдруг почувствовала себя совсем легко. Все тот же Джил. Я подошла к дивану.

– Садись. Выпьешь чаю? А может быть, позавтракаешь?

– Нет-нет, благодарю. Я и так свалился на твою голову, вломившись без предупреждения.

Джил стоял возле пары кресел, обитых синим шелком, и я опустилась на одно из них, почему-то радуясь, что Граймс выбрал уютный будуар, а не парадные гостиные.

– Глупости. Рада тебя видеть.

Я вдруг поняла, что так оно и есть. Было ужасно здорово видеть Джила. Он избегал общества, и я не раз за пять лет замужества думала, что с ним стало.

– Тоже рад тебя видеть, Эймори.

Он пристально смотрел на меня, видимо, пытаюсь увидеть перемены, произошедшие за эти годы. Несмотря на все заверения, от себя-то я не могла скрыть от себя, что сидящая перед ним женщина совсем не та девушка, которую он когда-то знал.

По неясной для меня причине я подумала, что у него все хорошо. Пять лет изменили Джила совсем немного. Он не утратил своей солидной привлекательности, и хотя был не так ослепителен, как Майло, очень красив. Светло-карие глаза с шоколадными пятнышками сегодня оттенял коричневый твидовый костюм.

– Мне следовало написать тебе, перед тем как прийти, но, честно говоря... Я не был уверен, что ты захочешь меня видеть.

– Почему же? – улыбнулась я, внезапно испытав прилив счастья, оттого что сижу со старым другом, несмотря на все, что произошло. –

В конце концов, плохой девочкой была я. Даже странно, что ты решил зайти.

– Столько воды утекло. – Джил чуть наклонился вперед, и его слова прозвучали очень искренне: – Я говорил тебе и тогда, винить тут некого.

– Мило, Джил, что ты решил это повторить.

Джил держался серьезно, однако уголки губ подергивались, как будто не могли удержать улыбку.

– Конечно. Ведь нельзя заставить себя разлюбить, правда?

– Правда. – Улыбка сползла с моего лица. – Нельзя.

Джил откинулся на спинку стула, и секундная близость ушла.

– Как Майло?

– Прекрасно. Вернулся сегодня с Ривьеры.

– Да, я что-то читал в светской хронике о том, что он был в Монте-Карло.

Я могла только догадываться, что именно. Уже первые полгода замужества научили меня тому, что газетные сообщения о подвигах Майло лучше не читать. На какую-то секунду между нами будто повис призрак моего мужа. Я взяла со стола пачку сигарет и предложила Джилу, зная, что раньше он не курил. К моему удивлению, он достал из кармана зажигалку, поднес кончик пламени к взятой из пачки сигарете и глубоко затянулся.

– Чем ты занимался эти годы? – спросила я и тут же осеклась, испугавшись, что вопрос может оказаться бестактным.

Тень прошлого будто омрачала все, о чем бы мы ни заговорили. Я слышала, что после нашего расставания Джил на какое-то время уезжал из Англии. Может, он не хочет рассказывать о путешествии, в которое отправился, после того как наши пути разошлись. Ведь были времена, когда мы странствовали вместе. Давным-давно, когда мы еще и не думали о женитьбе, наши семьи часто проводили время вместе в поездках за границу, и мы с Джилом быстро стали закадычными друзьями. По зову своего доброго сердца он сопровождал меня, когда я отправлялась на поиски живописных уголков или бродила по древним руинам, а потом, пользуясь тем, что родители до рассвета не вылезали из кафешантанов, мы сидели в гостиничном холле у камина. Иногда я с нежностью вспоминала наши похождения и эти долгие уютные разговоры.

Джил выдохнул облачко дыма.

– Много ездил. Работал.

– Наверно, было очень интересно посмотреть мир. А помнишь, как мы в Египте?..

Джил вдруг подался вперед и энергично растер окурки в хрустальной пепельнице.

– Послушай, Эймори, лучше я сразу скажу тебе, зачем пришел.

Благодаря долгим тренировкам в деле утаивания своих мыслей я сумела удержаться от выражения изумления при столь резкой перемене темы.

– Конечно.

Джил посмотрел мне в глаза.

– Я пришел просить тебя об одолжении.

– Разумеется, Джил. Буду счастлива сделать все, что...

Он поднял руку.

– Послушай, прежде чем скажешь да.

Он был явно взволнован, его что-то тревожило – куда только подевалась обычная сдержанность. Джил встал и подошел к окну, посмотрев на зеленую лужайку, тянущуюся до самого озера, которое служило восточной границей имения. Я ждала, зная, что давить бесполезно. Джил не заговорит, пока не почувствует, что готов. А вдруг он пришел просить у меня денег, подумала я. Семейство Трентов не знало нужды, но последние экономические трудности затронули многих, и немало моих друзей оказались в весьма стесненных обстоятельствах. Если в этом все дело, я буду только рада помочь.

– Мне не нужны деньги. Ты ведь думаешь об этом? – не оборачиваясь, спросил Джил.

Несмотря на напряжение, я рассмеялась.

– Ты по-прежнему читаешь мои мысли.

Тут он обернулся и серьезно посмотрел на меня.

– Мысли твои читать нетрудно, а вот с глазами стало сложнее.

– Скрытность приходит с опытом.

– Вероятно, так.

Джил подошел к дивану и опять сел. За время, что занял этот краткий диалог к нему вернулась его обычная интонация.

– Ты давно видела Эммелину?

Я решила, что гость передумал просить меня об одолжении и возобновил светский разговор. Сестра Джилла была моложе меня на три года и, когда мы с ним были парой, основное время проводила во Франции, где училась, но мы дружили. Однако после расторжения помолвки я разошлась и с ней.

– Пару раз на приемах в Лондоне, – ответила я.

– Она была?.. Ты помнишь человека, который был с ней?

Я попыталась вспомнить последний ужин, где видела Эммелину Трент. Да, в самом деле, был какой-то молодой человек, вроде симпатичный, обаятельный. При этом воспоминании меня кольнуло, хотя я не сразу поняла почему.

– Да, помню. Его, кажется, зовут Руперт.

– Верно, Руперт Хоу. Она собирается за него замуж.

Я молчала. Это, несомненно, еще не все.

– Он плохой человек, Эймори. У меня нет в этом никаких сомнений.

– Вполне возможно, Джил, – мягко сказала я, – но Эммелина выросла.

Эммелине сейчас должно быть двадцать три – больше, чем мне, когда я выходила замуж.

– Дело не в этом, Эймори. Не то что он мне просто не нравится. Я ему не верю, понимаешь. Тут что-то... Сам не знаю... – Джил умолк и посмотрел на меня. – Эммелина всегда тебя любила, ей было важно твое мнение. Я подумал, может быть...

Так он для этого пришел? Как же я могу повлиять на его сестру?

– Если уж Эммелина не считается с тобой, почему ты решил, что она прислушается ко мне?

Джил помолчал. Я видела, он подбирает слова, обдумывая, что и как сказать. Он всегда был таким, всегда думал, прежде чем говорить.

– Завтра на юг, в небольшую деревню под Брайтоном, в гостиницу «Брайтуэлл» отправляется большая компания – Эммелина, Руперт, еще люди, которых, я уверен, ты знаешь. На неделю. Я пришел просить тебя поехать с нами, ну, как бы отдохнуть.

Приглашение меня удивило. Мы не виделись пять лет, и вдруг он является и просит меня поехать с ним к морю.

– Не совсем понимаю... Что я могу, Джил? Почему ты пришел ко мне?

– Я... Эймори... – Он посмотрел мне прямо в глаза. Коричневые пятнышки на радужке потемнели. – Я хочу, чтобы ты поехала со мной... чтобы мы сделали вид, будто ты вернулась ко мне, понимаешь?

Я его поняла так же легко, как понимала раньше. Да и как было не понять? Мне надо поехать с Джилом на море и создать впечатление, что я бросила Майло. Что мое замужество было ошибкой. Эммелина читает светскую хронику, ей наверняка попадались колонки, расписывающие, как мой муж шляется по всей Европе. Она поверит.

И вдруг меня озарило. У меня в самом деле есть основания поговорить с Эммелиной. У Джила не получилось, а мне удастся убедить ее. Джил сказал, что избранник Эммелины ему очень не нравится. И я была уверена, что на то имеются веские причины. Он распознал в этом Руперте то же, на что обратила внимание и я, увидев его на том ужине. Руперт Хоу сильно напомнил мне Майло. Решение пришло почти мгновенно.

– Поеду с удовольствием, – сказала я. – Буду очень рада удержать Эммелину от ошибки, если смогу.

Джил тепло улыбнулся, явно вздохнув с облегчением, и я ответила ему улыбкой. В конце концов, не самая пугающая перспектива – провести неделю на берегу моря в компании старых друзей.

Конечно, если бы я знала, что там произойдет, я бы не столь поспешно предлагала свои услуги.

Глава 2

Джил не остался на обед и засобирался уходить. Я пошла его проводить. По пути мы молчали – естественное молчание, как и полагается заговорщикам. На крыльце, согретом теплым утренним солнцем, Джил взял меня за руку.

– Если не хочешь, просто скажи. У меня нет никакого права о чем-либо просить тебя, Эймори. Я просто знал, что ты поймешь. – Как бы снова надвинулось прошлое – он робко, неуверенно улыбнулся. – А я помню, ты всегда была любительницей острых ощущений.

Была. Джил раздражил мой азарт, мои бредовые фантазии о великих подвигах. Однако жизнь редко соответствует нашим ожиданиям; приключений в последние годы было совсем немного.

– Буду очень рада сделать все, что могу, Джил. Правда.

Он легонько провел пальцем по тыльной стороне моей ладони.

– А что ты скажешь мужу?

– Вряд ли я вообще буду что-то ему говорить, – слабо улыбнулась я. – Скорее всего он и не заметит, что у него уехала жена.

Джил посмотрел в сторону дома, и в глазах его что-то блеснуло.

– Не уверен.

Я не стала оборачиваться, наоборот, потянулась и чмокнула его в щеку.

– Пока, Джил, скоро увидимся.

– Да, скоро.

Отпустив мою руку, Джил направился к своему двухместному спортивному «Кросли». Я смотрела, как автомобиль отъезжал по длинной дорожке, и не двинулась, даже услышав, как вышел Майло.

– Это, кажется, был Джил Трент?

Только тут я обернулась. Вырядившись заправским сельским помещиком – костюм для верховой езды состоял из белой рубашки с синим жакетом и темно-рыжих брюк, заправленных в блестящие черные сапоги, – Майло прислонился к дверному косяку и скрестил на груди руки. Поза его была так же непринужденна, как и интонация.

– Он самый.

Одна темная бровь приподнялась – чуть-чуть.

– Отлично. И ты не пригласила его на обед?

– Он отказался.

Майло слегка стегнул хлыстом по ноге.

– Может, он не ожидал встретить тут меня?

– Вполне возможно. Ты же порхаешь мотыльком, дорогой.

Минуту мы смотрели друг на друга. Если Майло ждал от меня еще каких-то объяснений, ему пришлось умыться. У меня не было ни малейшего желания удовлетворять его любопытство. Пусть хоть раз погадает, какие у меня планы.

– Ты собираешься верхом? – небрежно спросила я, проходя мимо него в темную прихожую.

Его голос догнал меня в полумраке.

– Не присоединишься?

Приглашение заставило меня остановиться, из-за чего я тут же на себя разозлилась. Я обернулась. Свет падал на Майло сзади, в дверном проеме виднелся только силуэт, однако я знала, что он смотрит на меня. Мне хотелось поехать, но ведь на самом деле Майло безразлично, с ним я или нет. Тем не менее он ждал ответа.

– Хорошо, – ослабев, сказала я наконец. – Я быстро переоденусь.

– Жду тебя у конюшни.

Я поднялась в свою комнату, не уставая поражаться странному развитию событий. Подумать только, меня навестил Джил Трент. Ведь прошло столько времени. В том, как он держал себя, было что-то загадочное. А так ли все просто, как он говорит, подумала я. Чем так уж ужасен может быть этот Руперт Хоу? Я снова попыталась вспомнить молодого человека, но тот оставил только слабое впечатление слащавой смазливости. Конечно, нельзя исключить, что Джил взял на себя играть роль чрезмерно заботливого брата, но склонности к преувеличениям за ним раньше не наблюдалось, он никогда бы не вынес столь резкое суждение об избраннике Эммелины беспричинно.

Однако в любом случае наша затея скорее всего обречена на провал. Я не питала никаких иллюзий относительно того, что мне удастся как-то отговорить Эммелину от замужества, если уж она действительно решила соединить свою жизнь с этим человеком. Но казалось, попытаться стоит.

Хотя, если честно, принять предложение Джила меня заставил не один альтруизм. Горькая правда состояла в том, что мне становилось

все труднее не замечать, как я несчастна. Возможно, вплоть до сегодняшнего дня я до конца не признавалась в этом даже себе.

Возвращение Майло или появление Джила, а может, и то и другое будто резко обнажили тот факт, что жизнь стала безрадостной. Хотя я была занята по горло, все мои дела ограничивались местной благотворительностью. В Лондоне последние несколько месяцев царил тяжелая атмосфера, но я была еще слишком молода, чтобы мало-помалу погрузиться в мирную сельскую жизнь. Короче говоря, я сама не знала, чего хочу. Может, поддержав Джилу, я испытаю некоторое облегчение от недавних страданий и чувство удовлетворения от собственной полезности, пусть и мимолетное.

Конечно, нельзя забывать о добром имени. Я согласилась поехать с Джиллом, даже не подумав о возможных последствиях – как на это посмотрят, что скажут и так далее. Теперь у меня появилось время поразмыслить. Я полностью отдавала себе отчет в том, как будет выглядеть наше совместное появление на море, и не важно, сколько там будет общих знакомых. Если я не буду соблюдать осторожность, вполне возможен скандал. Однако я вдруг поняла, что мне это совершенно все равно. Мой выбор никого не касается.

Я надела костюм для верховой езды – бежевые брюки и темно-синий жакет – и осмотрела себя в большом зеркале, отметив, что брюки и хорошего кроя жакет подчеркивают фигуру, а синий цвет оттеняет глаза. Костюм мне купил Майло. У него был безупречный, хоть и дорогостоящий вкус, и то, что весь гардероб полностью гармонировал с моей фигурой и цветом волос, свидетельствовало о его сугубом внимании к деталям, когда речь заходила о прекрасном поле.

Я задумалась, что скажет Майло о моей поездке, но отогнала эту мысль. Сам он делал все, что душе угодно. Почему я должна от чего-то отказываться? Отбросив все сомнения, я спустилась, чтобы отправиться с мужем на утреннюю прогулку.

К конюшне я подошла, когда он выводил оттуда своего Ксеркса, огромного арабского скакуна с бешеным нравом. Один Майло умел обращаться с ним, и возбужденный конь, выйдя на волю, принялся рыть землю копытом и храпеть, предвкушая прогулку с хозяином. Майло заговорил с конем, потрепал его по лоснящейся шее, сверкающей черной гриве такого же иссиня-черного цвета, что и его собственные волосы. На лице его светилась улыбка, которая, однако,

погасла, когда он увидел меня. Мой муж с удовольствием бывал дома, только недалеко от конюшни. Если он по-настоящему что-то и любил, так это своих лошадей.

Грум Джеффри вывел из конюшни мою Палому, ласковую гнедую с белыми ногами и мордой. Ее покладистость не уступала темпераменту Ксеркса. Я легонько погладила ее по носу.

– Привет, старушка. Проедемся?

– Ну что? – поторопил Майло.

Мы уселись на лошадей и помчались быстрой рысью. Я чувствовала, как легкое молчание ослабляет утреннее напряжение. Было тепло, дул слабый ветер, солнце светило в чистом небе, лишь случайное пушистое облачко зависло на горизонте. Почти идиллия. Майло вдруг посмотрел на меня, и его усмешка словно ударила мне под дых.

– Наперегонки?

Я не колебалась ни секунды.

– Вперед, Палома.

Достаточно было легко ударить пятками, и лошадь понеслась по полям, будто заслышав стартовый сигнал Эпсомских скачек. Ксеркса и понукать было не нужно, и мы с Майло полетели бок о бок. Прошла уже целая вечность, с тех пор как мы последний раз вот так катались верхом. Равнина уступила место гряде невысоких лесистых холмов, и дорога пошла на подъем. За полем по холму тянулась тропа, поворачивая на север, затем на восток, подковой, в конце ее высилась голая скала, видная в имении отовсюду. В первые дни нашей совместной жизни мы часто здесь бывали. Но уже по меньшей мере год как я видела скалу только издали.

Мы шли ноздря в ноздю. Ксеркс обладал преимуществом силы, но Палома была легкой и двигалась уверенно. Ксеркс обогнал нас на поле, однако на подъеме Палома вырвалась вперед, и у вершины я опережала Майло на несколько ярдов. Ксеркс рванул, но я уже осадил Палому у огромного дуба, служившего нам финишем, и крикнула:

– Победа!

Меня переполняла радость, я даже рассмеялась. Майло тоже захохотал – странные, знакомые звуки, будто слышишь мелодию, которую когда-то любил, но напрочь забыл.

– Ты выиграла, – признал он. – Вместе со своей ручной лошадежкой.

Он плавно спрыгнул с коня и, закинув повод на ветку дуба, подошел ко мне помочь. Мои ноги уже коснулись земли, но его рука еще оставалась у меня на талии, и мы посмотрели друг на друга. Нас обдала секундная вспышка жара и нездешнее ощущение, что все опять по-прежнему, что мы все еще любим друг друга. А все-таки я не была уверена, что Майло вообще меня когда-нибудь любил.

Привязав Палому, я прошла следом за Майло по пологой тропе, ведущей к вершине холма. Внизу раскинулся Торнкрест – солидная усадьба и ухоженные уголья, которые обожал мой свекр. Надо сказать, Майло содержал это большое, красивое поместье в отличном состоянии. Невнимательный муж, он был прекрасным землевладельцем.

Майло подошел ко мне, однако не настолько близко, чтобы мы коснулись друг друга. Чудесный вид, муж рядом пробудили во мне воспоминания о временах, которые я хотела бы забыть. Нет, неправда. Не хочу я забывать. Но помнить очень больно.

Не знаю, чем была вызвана моя печаль, только мне показалось, она как-то связана с визитом Джила. Хотя и стараясь гнать подобные мысли, за последние годы я не раз вспоминала Джила, представляя, как все могло бы получиться.

– Славный день для прогулки верхом, – сказала я.

Это была правда, но прозвучало плоско и тяжелым комом повисло в воздухе. Майло, если и заметил возникшее между нами странное отчуждение, ничем не дал этого понять.

– Да, хотя тропа сильно заросла. Надо будет поговорить с Нельсоном.

Я промолчала. Почему-то обычное самообладание мне изменило. Нам с Майло всегда было легко, и, даже отдалившись друг от друга, мы сохраняли при общении непринужденность, пусть и несколько искусственную. Однако сейчас было совсем не то, как будто дошло до какого-то предела, только я не вполне понимала, предела чего. Майло, казалось, не заметил, что мне стало не по себе, что в каком-то предощущении у меня бешено забилося сердце. Он всегда был так спокоен, так уверен в себе, и потому визит Джила не произвел на него ни малейшего впечатления.

– На Ривьере замечательно, – продолжил он, как всегда, небрежно, без интереса рассмотрев лист, сорванный с дерева, прежде чем отбросить его. – Хотя довольно прохладно, не по мне. Я подумал, может, мы съездим туда в августе, когда как следует прогреется.

– Нет, – вдруг вырвалось у меня.

Я даже не сразу поняла, что уже ответила, и тут мне стало ясно: пора расставить все точки над *i*.

– Нет? Ты не хочешь в Монте-Карло? – удивился Майло.

– Не хочу. Потому что, знаешь, я уезжаю.

– На пикник с Лорел? – улыбнулся Майло. – Но тогда, полагаю, к августу ты вернешься.

– Ты не понял меня, Майло. – Я сделала глубокий вдох, постаравшись сбросить напряжение и придать своему голосу спокойствие и уверенность. – Я уезжаю и не знаю, когда вернусь.

* * *

Ужинали мы по отдельности.

Мне показалось, Майло удивился моим словам, однако не возразил и не задал ни одного вопроса. Я сказала необходимое, а именно что на какое-то время уезжаю, села на Палому и в одиночестве поскакала обратно. Майло за мной не поехал, поэтому я не могла сказать, когда он вернулся домой.

Большую часть дня я отбирала вещи для поездки и составляла список поручений для Граймса на время моего отсутствия. Хотя это позволило отвлечься, список был ни к чему. Граймс – настоящее сокровище. Не дожидаясь просьбы, он принес мне в комнату поднос, и, больше для того чтобы доставить ему удовольствие, я чуть-чуть поела и выпила много крепкого чая.

В поездку я отправлялась без горничной. Элоиза, прослужившая у меня три года, недавно несколько неожиданно ушла – собралась замуж. У меня пока не было возможности посмотреть желающих занять ее место и теперь уже не будет до возвращения. Граймс предложил мне прислать кого-нибудь помочь по крайней мере со сборами, но я сказала, что управлюсь сама. Это в самом деле было не нужно. Сборы дали мне время привести в порядок мысли. Что

касается путешествия в одиночестве, я решила, что ничего страшного тут нет. Элоизе, хоть она и милая девушка, катастрофически не хватало такта.

Уже почти стемнело, когда раздался стук в дверь. Я сразу поняла, что это Майло. Граймс стучал тише, словно почтительнее. В этом стуке была вся уверенность Майло в себе, как будто постучать в дверь чужой комнаты – пустая формальность и она распахнетя вне зависимости от согласия хозяина.

– Входи.

Он вошел и закрыл за собой дверь. Стоя к нему спиной, я продолжила укладывать вещи. От меня не укрылось то любопытное обстоятельство, что мы вдвоем очутились в моей комнате. К супружеской постели мы не приближались уже несколько месяцев. Как-то вернувшись из поездки ночью, Майло, чтобы не будить меня, улегся в соседней комнате. Придя поздно и на следующий день, он снова отправился туда. Ни один из нас не сказал по этому поводу ни слова, и Майло просто поселился по соседству. Мы научились ловко обходить вопрос о неуклонно увеличивающейся между нами дистанции.

– Укладываешься, как вижу, – сказал Майло, когда я сделала вид, что наконец-то его заметила.

– Да.

Сложив желтое платье, я бросила его в стоявший на кровати чемодан.

– Ты не сказала, куда едешь.

– Это имеет значение?

Майло подошел к кровати и, облокотившись на спинку, стал без интереса наблюдать за сборами.

– И на сколько ты уезжаешь?

Его интонация свидетельствовала о полнейшем безразличии. Я даже не поняла, зачем он, собственно, зашел и интересуется этими подробностями. Я выпрямилась и обернулась к нему. Майло оказался ближе, чем я ожидала. Глаза были удивительно синие, даже в тусклом освещении комнаты.

– Столько заботы, и так вдруг, – легко ответила я. – Знаешь, вообще-то я уже выросла. Справлюсь.

– Ты уверена, что одного чемодана будет достаточно?

– Если мне что-то понадобится, пошлю за вещами.

Майло сел на мою кровать рядом с чемоданом и посмотрел на меня – он был до смешного красив.

– Послушай, Эймори, что это все значит? К чему эта таинственность?

Он говорил так беспечно, что на секунду я задумалась, а будет ли иметь для него значение, если я уеду навсегда.

– Не драматизируй, – сказала я, старательно уходя от ответа на вопрос. – Ты едешь куда угодно и на сколько угодно. Почему мне нельзя?

– Да нипочему, вероятно. Просто я не ожидал, что ты уедешь так скоро после моего возвращения. Дом без тебя опустеет.

Я едва не закатила глаза. В этом весь Майло: ведет себя так, будто только я заинтересована в нашем браке. Вломился в мою жизнь со всей силой своего обаяния, когда это стало удобно ему и неудобно мне. В этом тоже весь Майло.

– Я не знала, когда ты возвращаешься.

– Да, конечно. А еще, полагаю, ты не знала, что уезжаешь сама.

– Что ты хочешь этим сказать?

Он достал из открытого чемодана черную шелковую ночную рубашку и рассеянно попробовал ткань на ощупь.

– Это как-то связано с Трентом, правда? С его сегодняшним визитом.

– Ты не имеешь ни малейшего представления, о чем говоришь.

– И часто он здесь бывал?

– Не очень, – ответила я, лишь чуть-чуть устыдившись своему намеренно туманному ответу.

Майло усмехнулся, каким-то чудом умудрившись остаться в рамках приличий.

– Что бы ты обо мне ни думала, дорогая, я не дурак. Значит, Джилмор Трент прискакал сюда на своем скакуне и, подхватив тебя на лету, наконец-то одержал победу. Ему, однако, потребовалось немало времени.

– Майло, не будь идиотом, – сказала я, выхватывая у него ночную рубашку.

Майло коротко рассмеялся.

– Пожалей меня, Эймори. Ты ведь не собираешься с ним бежать.

Я закрыла чемодан, одновременно защелкнув оба замка, и посмотрела на Майло.

– Я ни с кем никуда не бегу. Просто уезжаю.

Майло встал с кровати, надев на лицо маску скучающей насмешки.

– Пожалуйста, уходи от меня, если тебе так хочется, дорогая. К кому угодно, но не падай опять в объятия Трента. Должна же у тебя быть хоть капля гордости.

Наши глаза встретились.

– Майло, я твоя жена уже пять лет. Сколько, по-твоему, гордости могло у меня остаться?

Глава 3

На следующее утро наш водитель повез меня к вокзалу. Я получила телеграмму от Джила, в которой говорилось, что он сядет на утренний лондонский поезд, встретит меня, когда я сделаю пересадку на следующей станции, и дальше мы поедem вместе.

Я не ждала, что Майло выйдет проводить меня, но все-таки расстроилась, не увидев его перед уходом. Хотя что ж тут расстраиваться, я ведь не надеялась на нежное прощание. Мои слова о том, что наш неудавшийся брак сотворил с моей гордостью, были справедливы, хотя и резки. Майло, разумеется, и бровью не повел. Выслушав их, он рассмеялся этим своим ужасно спокойным и безразличным смехом:

– Что ж, прекрасно, дорогая. Поступай, как знаешь.

И ушел. И все.

По дороге на вокзал я остановилась попрощаться с Лорел и рассказать, куда так внезапно уезжаю. Мы с Лорел вместе выросли и были очень близки. Ей единственной я могла полностью доверять. Мы ненадолго уселись у нее в гостиной.

– Ты едешь к морю с Джилом Трентом? – переспросила она, подняв брови. – Не думала, что ты на такое способна, Эймори.

– Я еще хоть кого удивлю. В моей душе таятся такие запасы легкомыслия, что все только ахнут.

Мы, конечно, шутили, но Лорел довольно точно подвела итог:

– Поможешь ты там своему старому другу или нет, это, разумеется, не улучшит твои отношения с Майло.

– Иногда я сомневаюсь, что их вообще можно улучшить.

Эта мысль мучила меня и когда я добралась до вокзала, но я запретила ее себе, поскольку уже показался поезд. Первое и главное сейчас помочь другу. Джил надеется на меня. Мои семейные мучения длились так долго, что могут еще немножко подождать.

В Тонбридже я пересела на поезд, идущий в южном направлении, и через несколько секунд в купе вошел Джил. Поезд тронулся, и мой бывший жених, широко улыбнувшись, уселся рядом.

– Привет. Рад, что ты решилась, Эймори.

– Я же говорила тебе, что поеду.

Он снял шляпу и бросил ее на пустующее сиденье напротив, пригладив рукой волосы.

– Да, я видел, что ты всерьез. Однако нельзя недооценивать искусительные чары Майло Эймса. – В голосе его послышалась печаль.

– Давай не будем о Майло, ладно?

– У меня нет ни малейшего желания обсуждать твоего мужа. Но я бы не хотел, чтобы это отразилось на тебе. Он пришел в бешенство?

– Нет, не пришел, – вздохнула я. – По-моему, для него вообще не имеет значения, что я уехала.

Джил с минуту помолчал, а потом спросил:

– Ты от него ушла?

– Не знала, что мужчины тоже предпочитают мелодраму. Да нет, строго говоря, не ушла. Не совсем, как мне кажется. Я сказала, что еду к морю.

– И что едешь со мной?

Я взяла журнал, который читала до появления Джила, и открыла на первой попавшейся странице, собираясь закончить этот разговор.

– Майло вовсе не дурак. Он просто притворяется вертопрахом, потому что все находят это очаровательным. Конечно, он связал твой приезд и мой отъезд.

– И не пытался тебя отговорить?

– Нет, не пытался.

Джил покачал головой и усмехнулся.

– Тогда он не так умен, как ты думаешь.

Поезд прибыл на нашу станцию уже после обеда, погода стояла чудесная. Ярко светило солнце, теплый воздух пахнул морем и солью. Выйдя на платформу, я сделала глубокий вдох и на мгновение почувствовала радость, которую испытывала в детстве, приезжая к морю, – полнейшее счастье и довольство.

– Наш автомобиль.

Джил подвел меня к блестящей машине, которую за нами подали из гостиницы. Мы отъехали от вокзала и двинулись по плавно поднимающейся дороге мимо живописной деревни.

– Вот и «Брайтуэлл», – сказал через секунду Джил, указывая на вершину холма.

Очаровательная белая гостиница разместилась на скале над морем – вытянутое, солидное и вместе с тем элегантно здание. Да и все вокруг было солидное, прочное и тем не менее гостеприимное. «Брайтуэлл» был под стать что принцам, что пиратам. Здесь не грех было остановиться, не рискуя прослыть страшным мотом. Ведь в наши дни при виде излишнего расточительства многие строго хмурят брови.

Мы с Джилом вышли из автомобиля и по дорожке прошли в гостиницу. Внутри все было так же приятно глазу, как и снаружи. Стойка администратора располагалась прямо напротив входа в просторный вестибюль. Пол был выстелен блестящим белым мрамором. Свет, падающий из высоких окон, отражаясь от желтых стен, наполнял пространство теплым сиянием. Обитые белым и разными оттенками синего кресла и диваны были расставлены с продуманной небрежностью. Общий эффект довершала пара искусно размещенных кадок с комнатными растениями.

Когда Джил взял ключи, я почувствовала, что могу провести здесь вполне счастливую неделю.

– Батюшки, неужели это Эймори Эймс? – раздался высокий, несколько визгливый голос.

Я обернулась и увидела женщину в невероятной шляпе и пестром наряде. Она спланировала на нас будто попугай на бреющем полете.

– О, дорогая! – в один голос воскликнули мы с Джилом.

Это была Ивонна Роланд собственной персоной, кошмар всего лондонского общества.

– Эймори, моя дорогая Эймори! – Ивонна схватила меня за руки и одарила поцелуями в дюйме от каждой щеки, окутав облаком талька и розового масла. – Сколько лет!.. Пожалуй, еще был жив мой последний муж... А может, и раньше... Бедный мой Хэрольд! Как вы, дорогая? – И не дождавшись ответа, она повернулась к Джилу: – И Джилмор Трент тоже тут! Как я рада вас видеть! Да вы приехали вместе! – Она снова схватила меня за руку. – Как чудесно! – Вдруг ее осенило, она прищурилась, взгляд переметнулся с меня на Джила и обратно. – Но, дорогая, я думала, вы замужем... Как его звали? Чертовски привлекательный мужчина...

– Я приехала повидаться с друзьями, – неопределенно ответила я.

На лице Ивонны появилась лукавая улыбка.

– А-а, понимаю! Что ж, можете на меня положиться, я сама скромность... Если бы вы только знали все тайны, что заключены в моем сердце... Я никогда никому не говорила всего, что знаю об Иде Кент, даже после того, как она сбежала с этим мясником. – Миссис Роланд с отвращением поморщила нос. – Грязная история... Но вы и Джил! Очень, очень рада. Ну а теперь простите меня, я шла пить чай на террасе. Увидимся позже.

И, многозначительно подмигнув, Ивонна исчезла.

– Боже милостивый, – вздохнул Джил.

Я кивнула. Эта состоятельная вдова порхала в обществе подобно чрезмерно голосистой птице сумасшедшей раскраски. Она становилась вдовой трижды, с каждым разом, когда под грузом ее шумной и утомительной избыточности таял очередной супруг, увеличивая свое состояние. Я склонялась к мысли, что мужа Ивонны укладывались в гроб исключительно в надежде обрести покой. Однако она была достаточно безобидна.

– По крайней мере, не будет скучно, – улыбнулась я. – Возможно, миссис Роланд будет и не за нас, но, несомненно, с нами.

– Что ж, тогда, думаю, можно подняться и приготовить чай на террасе вместе с ней и остальными, – сказал Джил, легонько коснувшись моего локтя.

Мы двинулись к лифту, находившемуся слева от стойки администратора, и молча поднялись на второй этаж, каждый в своих мыслях. Выйдя из лифта, Джил протянул мне ключи. Когда его рука коснулась моей, я вдруг почувствовала, что все это неспроста. Не важно, что мы поселились в разных комнатах; все равно приехали мы вместе, и от этого становилось несколько неловко. Мы посмотрели друг на друга. Интересно, а Джилу это тоже пришло в голову, подумала я.

– Моя комната через три от твоей, – сказал он. – Встретимся через пятнадцать минут?

– Хорошо.

Джил прошел дальше по коридору, и я зашла в номер. Он оказался просторным, сдержанно-элегантным: толстый ковер на натертом деревянном полу, шелковые обои в цветочек, мягкое, тяжелое постельное белье, все в бледных, со вкусом подобранных тонах. В углу модный диван и два обитых шелком кресла. У стены письменный

столик. Как и в вестибюле, мебель, казалось, говорила: я очень дорогая, но я тут просто стою, не обращай на меня внимания.

Я сняла шляпу и перчатки и, бросив их на стул, подошла к окну. Комната выходила на море, и, раздвинув прозрачные занавески цвета слоновой кости, я пришла в восторг от бескрайней гладкой синевы. Вид был определенно романтический, и, припомнив испытанное мною в вестибюле смутное ощущение того, что я что-то делаю не так, я задумалась, правильно ли поступила, приехав сюда. Сомнения были отброшены быстро. Все правильно, ничего страшного.

Я переделалась, сменив темно-серый дорожный костюм от портного на воздушное белое в красных цветах шифоновое платье с мягким ремешком, который свободной петлей закрепила на бедре. Сполоснув лицо холодной водой, я снова нанесла немного косметики и разгладила волосы, пришедшие в некоторый беспорядок дорогой. Надев легкую белую матерчатую шляпу с элегантными полями и крупного плетения лентой, я решила, что готова пить чай с сестрой Джил и кем там еще, и, вдруг сообразив, что понятия не имею, кого мне предстоит увидеть, почувствовала себя довольно глупо. Конечно, прежде чем лететь к морю, надо было все как следует продумать, но теперь, по всей вероятности, уже поздно что-либо предпринимать.

Джил тоже освежился, и, встретившись, как было условлено, мы пошли по длинному золотистому коридору. На долю секунды я задумалась, что бы представляла собой моя жизнь, выйди я замуж за Джил. Были бы мы счастливы? Кто знает.

– Я бы, признаться, поспал, – сказал Джил, когда мы вошли в лифт. – Но, наверно, сообщить о нашем приезде, выпив чаю, тоже неплохо.

– Несомненно. Это даст возможность скандалу разрастись еще до ужина.

Он улыбнулся, но я почувствовала его смятение.

– Ты ведь не против маленького скандальчика, Эймори?

Последние мои сомнения рассеялись, и я улыбнулась в ответ.

– Что за беда? Живем один раз, в конце концов.

Выйдя из лифта, мы по светлому коридору и уютному холлу прошли к застекленным дверям в западной части здания. Огромная терраса была залита ярким светом – восхитительное зрелище. Джил объяснил, что она идет вдоль всего западного фасада, поворачивает на

юг, откуда открывается вид на море, и тянется еще по восточному фасаду. Кроме того, спустившись по примостившейся к скале деревянной белой лестнице, можно попасть на нижнюю террасу.

– Там довольно красиво, но сегодня сильный ветер. Полагаю, большинство гостей предпочтут пить чай на верхней террасе.

– Джил!

Обернувшись на это восклицание, мы увидели Эммелину Трент, которая издали махала нам рукой. Джил взял меня под локоть, и мы подошли к ней. Она встала поздороваться. Как и Джил, эта худенькая, милая девушка очень мало изменилась с тех пор, как я видела ее последний раз. У нее тоже были светлые волосы и карие глаза. Широко улыбаясь, Эммелина обняла брата и протянула мне руку для пылкого рукопожатия.

– Моя дорогая Эймори! Я так рада тебя видеть. Не знала, что ты приедешь. Как здорово!

– Спонтанное решение. Очень приятно видеть тебя, Эммелина.

С сияющим от счастья и гордости взглядом она указала на человека, сидевшего возле нее.

– Вы встречались, по-моему? Ты должна помнить моего жениха, Руперта Хоу. Руперт, Эймори Эймс.

Молодой человек встал. Он был именно таким, каким я его запомнила: высокий, красивый, холеный, с темно-каштановыми волосами и тоже карими глазами, но взгляд, брошенный на меня и уж тем более на Джилла, был холоден.

– Очень рад, миссис Эймс. – Ослепительные зубы обнажились в натренированной, слишком вежливой улыбке.

Я, надо сказать, никакой радости не испытывала. Сразу было видно, что Руперт придает слишком большое значение своим манерам, слишком осознает свою привлекательность. Наверное, он все-таки не очень похож на Майло. Как если бы наши мысли, каждая двигаясь по собственной траектории, сошлись в одной точке, Эммелина спросила:

– Ты с мужем?

Я замялась, и повисло неловкое молчание.

– Нет, – ответила я наконец. – Нет, мы с Майло... Я приехала по приглашению твоего брата.

Эммелина покраснела.

– О, мне очень жаль. – Она пихнула Джила локтем. – Ты ничего не сказал мне! Прости, Эймори. Я не знала...

– Ничего страшного, – легко отозвалась я. – Все быльем поросло.

Я обратила внимание, как внимательно посмотрел на меня Руперт Хоу. Прежде чем я успела подумать, что это означает, позади раздался голос:

– На улице слишком ветрено. Как можно пить тут чай.

Обернувшись, мы увидели Оливию Хендерсон, молодую особу, которую я знала дольше, чем мне бы того хотелось. С этой дочерью известного банкира мы нередко встречались на приемах, хотя знакомы были не очень близко. Мне всегда казалось, в ней чрезмерно много снобизма, хотя, когда улыбка смягчая брезгливость, согревала зеленые глаза, Оливия становилась весьма симпатичной.

– Куда лучше перейти в гостиную, – продолжила она. – Я только что уложила волосы.

– Успокойся ты, не сдует тебя, – заметил Руперт.

Оливия, поправляя безупречную прическу, стрельнула сузившимися глазами, но ничего не ответила. Я собиралась поздороваться с ней, но она бросила на нас с Джилом мимолетный взгляд и уселась, не произнеся ни слова.

Постепенно подтягивались другие члены компании, и я обратила внимание, что среди нынешних друзей Трентов нет тех, с кем мы общались пять лет назад. Конечно, глупо было бы ожидать, что ничего не изменится, и все-таки я немного расстроилась.

– Эймори, познакомься, мистер и миссис Эдвард Роджерс, – сказал Джил, представляя меня подошедшей паре.

Супруги поздоровались, и я поразились, насколько они разные: как будто кинозвезду вел под руку сельский священник.

– Как поживаете? – вяло сказал мистер Роджерс.

Он был молод, серьезен, по роду занятий, как я узнала позже, юрист. Эдвард Роджерс быстро осмотрел меня карими глазами и, видимо не обнаружив ничего для себя интересного, расположился пить чай. Анна Роджерс была платиновой блондинкой с простоватым лицом, однако ее манера двигаться притягивала взоры всех присутствующих мужчин, особенно когда она шла по террасе в облегающем розовом платье. Миссис Роджерс тепло поздоровалась, смерив меня оценивающим, хотя и не враждебным взглядом.

– Восхитительное платье, – сказала она мне, опускаясь на стул рядом с мужем и размешивая четыре куска сахара в чашке, которую поставил перед ней Роджерс. – Спасибо, дорогой, – бросила она ему, потрепав по руке, и тот тепло улыбнулся в ответ.

Они в самом деле довольно странно смотрелись вместе, но из меня неважный эксперт в области счастливых браков.

Следующими на террасе появились Нельсон Хэмилтон с женой Ларисой и направились прямо к нам с Джилом, причем мистер Хэмилтон шел так быстро, что супруга осталась позади. Пока Джил представлял нас, я пыталась припомнить, могла ли когда-нибудь видеть их в Лондоне, но тщетно.

– Очень рад, миссис Эймс, – сказал Хэмилтон, пожав мне руку горячими пальцами.

Он окинул меня взглядом с ног до головы, так что я могла ответить ему тем же. Хэмилтон был старше остальных, лет сорока пяти, с седеющими темными волосами и ухоженными усами. Я сразу заметила, что он весьма общителен, охотно улыбается и обладает непринужденной, почти фамильярной манерой. Словом, из тех, кто сразу вызывает симпатию, которая, однако, довольно быстро проходит.

– Моя жена Лариса. – И Хэмилтон несколько небрежно кивнул на женщину, стоявшую чуть позади.

Подобное представление показалось ему достаточным, и он завел с Рупертом какой-то деловой разговор, подробности которого скоро потонули в общем гомоне. Миссис Хэмилтон коротко проследила за ним и повернулась ко мне.

– Очень рада познакомиться с вами, миссис Хэмилтон.

– Я тоже, – ответила она.

Как часто бывает, эту женщину, не обладавшую *joie de vivre*^[1] ее супруг, видимо, привлекла именно его энергичность. Лариса Хэмилтон была очень спокойной, говорила тихо. Она была по меньшей мере лет на пятнадцать моложе мужа и красива, однако не отличалась победительностью, как бы не осознавая своей красоты. У нее был какой-то несчастный вид, и мне почему-то вспомнился один из образов Офелии у Уотерхауса. Милая улыбка, смягчавшая черты лица, похоже, не придавала ей уверенности в себе. Если я верно догадалась, муж запугал Ларису Хэмилтон до смерти. Несколько раз я подметила, как она вздрагивала, когда за спиной раздавался его хохот.

К нашим столикам приблизился еще один джентльмен, и я сразу узнала восходящую звезду британской сцены Лайонела Блейка. Его Гамлет вызвал целую бурю и стал, пожалуй, самой обсуждаемой театральной премьерой после гастролей ньюйоркца Джона Бэрримора несколько лет назад. Мистер Блейк оказался весьма импозантным мужчиной с темными волосами и пронзительным взглядом зеленых, необычного оттенка глаз.

– Я уже давно собираюсь на ваш спектакль, – сказала я ему, когда нас представили. – Говорят, вы удивительный актер.

– Вы слишком любезны, миссис Эймс, – ответил он. – Боюсь, эти оценки преувеличены.

Блейк придвинул мне стул, и я села. Его движения отличались легкостью и изяществом, которые нетрудно было представить на сцене, и еще я обратила внимание, что говорит он старательно, будто повторяет заученный текст.

Последней на террасе появилась рыжеволосая Вероника Картер, о которой я много слышала, хотя и не была с ней знакома. Дочь известного промышленника, несмотря на слухи о крушении его финансовой империи, судя по всему, жила на заработанное отцом и имела в жизни одну-единственную цель – развлечения. Она была сногшибательно одета, избыточно подчеркивая красоту, которая без чрезмерного макияжа, пожалуй, стала бы ярче. Не так давно все колонки светской хроники расписывали скандал с участием мисс Картер и, как утверждалось, вполне женатого члена парламента. Все, что я о ней слышала, не вызывало у меня особой симпатии. И новая знакомая довольно быстро подкрепила это впечатление. Когда мы наконец уселись пить чай, она взглянула на меня холодными голубыми глазами, гармонировавшими с ее чашкой китайского фарфора, и спросила:

– Мисс Эймс, не правда ли? Мне знакомо ваше имя. Мы встречались?

– Миссис Эймс, – поправила я. – Но нет, мисс Картер, не думаю.

Она искусно закусила алую губу, словно задумавшись.

– Где же я слышала ваше имя? Дайте подумать. Я уверена, что... Ну конечно! Всего месяц назад я познакомилась с джентльменом по фамилии Эймс. На Ривьере. Невероятно красивый мужчина.

– Мой муж Майло.

Если со стороны могло показаться, что я произнесла эти слова как бы несколько скучая, то только потому, что мне действительно стало скучно. Было до неловкости очевидно, что Вероника пытается спровоцировать неприятную сцену, будто бы я удивилась, узнав, что Майло вел себя предосудительно.

– О, простите, – приподняв тонкие подрисованные брови и изобразив насмешливое удивление, произнесла моя собеседница. – Я не поняла, что он женат.

Я холодно улыбнулась.

– Не извиняйтесь. Он и сам иногда об этом забывает.

Повисло молчание. Вероника Картер была искренне изумлена моим равнодушием. Она, несомненно, ждала резкой отповеди от ревнивой жены. Джил смущенно закашлял, а Лайонел Блейк широко улыбнулся.

Под убаюкивающий шум моря и звон фарфора разговор перешел на какие-то банальности и скоро стал удручающе пустым. Тем не менее чувствовалось напряжение, хотя здесь собрались люди, которые проводили вместе немало времени, которые условились встретиться в этой приморской гостинице, чтобы вместе отдохнуть. Может, они просто не очень друг друга любят. Такое часто бывает среди состоятельных людей. Дружба дружбой, но свояк свояка видит издалека. Я мечтала вовсе не о такой компании, однако моя задача помочь Джилу. А побыть на море в самом деле очень здорово.

Мы сидели на террасе, пили чай и терпели друг друга. И никто, конечно, не догадывался о том, что один из нас не доживет до следующего вечера.

Глава 4

Вечером вся гостиница осветилась. Судя по всему, к ужину в «Брайтуэлле» подходили серьезно, как к настоящему светскому рауту – черные галстуки, танцы и, как полагается, шампанское. Я надела приталенное платье сиреневого шелка с широкими прозрачными рукавами и легкими тюлевыми вставками, весьма выгодно подчеркивавшее высокую стройную фигуру, если позволено так говорить о себе. Джил в вечернем костюме выглядел просто потрясающе – подтянутый, широкоплечий. Он был из тех мужчин, что рождены для смокингов.

Зал, в котором проходил ужин, был элегантен, изыскан и лишен даже намека на вульгарность. Стены изумительного розово-желтого цвета обрамляли панели, на удивление успешно сочетающие черты чопорного викторианского стиля и изящного ар-деко. На круглых столах, покрытых белыми шелковыми скатертями, мерцали хрусталь, серебро и обрамленный серебром фарфор.

Места можно было выбирать самим, и мы с Джилом сели вместе с мистером и миссис Хэмилтон – они расположились слева от меня – и Эммелиной и Рупертом, которые разместились справа от Джила. Эммелина демонстрировала все признаки безумной влюбленности. Горящие глаза следовали за Рупертом по пятам. При любой возможности она дотрагивалась до него, терлась плечом, стискивала руку и явно гордилась тем, что такой красивый и очаровательный мужчина принадлежит ей. Я-то хорошо знала симптомы болезни, что зовется любовью.

Руперт был очень внимателен к невесте. Он улыбался, шептал ей что-то на ушко, однако в нем ощущалось какое-то беспокойство. Казалось, на него что-то давило, будто мыслями он был не здесь. И я задумалась о том, насколько глубоки его чувства к Эммелине.

– Чудесный вечер, не правда ли? – негромко сказала сидевшая рядом со мной Лариса Хэмилтон.

Я согласилась. Ее светло-голубое платье с гофрированными рукавами и низом было очаровательно, о чем она от меня и слышала.

– Спасибо. Его выбирал Нельсон. – Лариса разгладила платье на коленях. – У него очень точный глаз.

Это-то я уже заметила. В настоящий момент он положил этот свой глаз на Анну Роджерс, которая как раз вплыла в столовую в вышитом бусами сиреневом платье длины, пригодной лишь для того, чтобы избежать полного скандала. Мистер Роджерс шел следом, вроде бы не замечая эффекта, производимого его женой на присутствующих джентльменов.

– Симпатичная компания подобралась, правда, Руперт? – спросил Хэмилтон, когда Роджерсы уселись за стол, и достал из кармана сигареты.

– В самом деле, – согласился Руперт, протянув Хэмилтону зажигалку, и обратился к Эммелине, достаточно громко, чтобы его слышала половина стола: – Хотя было бы еще симпатичнее остаться наедине. Не могу дождаться, когда мы сможем ездить одни.

Эммелина вспыхнула и улыбнулась, а Джил несколько напрягся. Он старался это скрыть, но было совершенно очевидно, что выбор сестры ему очень не по душе.

– Нельсон любит голубой цвет, а мне нравится тон вашего платья, – неожиданно возобновила миссис Хэмилтон разговор, прервавшийся некоторое время назад.

– Да, вы выглядите потрясающе, миссис Эймс.

Это был Лайонел Блейк, занявший место за соседним столом.

– Спасибо вам обоим. И пожалуйста, зовите меня Эймори. Обращаюсь ко всем.

– Эйн-Мери, какое необычное имя, – протянула Вероника Картер, сидевшая наискосок от нашего стола и смотревшая на меня сквозь дым сигареты, которая небрежно свисала между ее пальцами.

Она впервые обратилась ко мне с начала ужина, и в сочетании с насмешливым тоном мое неправильно произнесенное имя создавало впечатление, что она вовсе не ослышалась.

– Эймори, – поправил Джил.

Вероника ничего не ответила, и ее изящное лицо снова исказила угрюмая гримаса.

– Эймори Эймс, – повторила миссис Хэмилтон. – Удивительное имя. Очень мелодичное. Какая удача, что фамилия вашего мужа так подходит к вашему имени.

Я хотела было ответить ей длинной историей, но передумала и просто поблагодарила:

– Спасибо.

Дело в том, что, строго говоря, я не брала фамилию Майло. Я урожденная Эймори Эймс. Когда я познакомилась с Майло Эймсом, который вовсе не был мне никаким родственником, это совпадение его крайне забавляло. Мы поженились, и я будто застряла в чистилище, нося уже не вполне собственное имя и все-таки не до конца мужнино. Станным образом это обстоятельство было типично для наших отношений в целом.

Ужин был великолепным: легкий суп, отлично сваренный морской язык, жареная баранина под мятным соусом, свежий салат, за которыми последовали таявший во рту пудинг, сыр, крекеры и сладкий ароматный кофе. Разговор был легким, необязательным, приятным. Затем компания начала разбиваться на пары для танцев.

Подобно многим престижным отелям Лондона, «Брайтуэлл» нанимал на лето оркестр. Когда он затянул начальную мелодию «Я весь твой», Джил встал и протянул руку:

– Потанцуем, Эймори?

– С удовольствием.

Он вывел меня на танцплощадку. Прежде чем принять исходную позицию, прежде чем наши тела соприкоснулись, мы оба помедлили. Ненадолго память перенесла меня в тот вечер, когда мы танцевали с ним в последний раз – на нашей помолвке. Я была так влюблена тогда, так уверена в будущем. Как же глупа юность, сколько в ней уверенности и блаженного неведения.

Оркестр в самом деле был очень хорош, музыка плавно плыла по залу, слова именно этой песни особенно подходили к случаю. Мы с Джилом не разговаривали, а просто танцевали, погрузившись в воспоминания. Я чувствовала себя необычно счастливой, чего со мной не случалось уже долгое время. Когда танец закончился, мы оба сделали шаг назад, лишь один шаг, продолжая смотреть друг другу в глаза.

– Эймори... – начал Джил.

– Не возражаешь, старина?

К нам неторопливо подошел Руперт Хоу. Вопросительно приподняв брови, он протянул мне руку. Джил с заметным раздражением во взгляде отступил, а я, приняв руку Руперта, позволила себе оказаться в его объятиях. Опять заиграла музыка, и к

микрофону подошел певец. Как ни неприятно мне было признавать это, Руперт танцевал превосходно.

– Замечательная музыка, – заметила я, чтобы прервать молчание.

– Конечно, не Генри Холл со своим оркестром, но сойдет, – ответил Руперт. – Во всяком случае, можно танцевать. Я заметил, как на вас смотрят мужчины, миссис Эймс. Вы сегодня будете нарасхват.

– Не вижу для этого оснований, – не поддалась я на его лесть. – Здесь столько женщин, богатый выбор.

Руперт коротко рассмеялся.

– Только с ними такая тоска, с большинством. Исключая вас, разумеется. – Руперт любезно улыбнулся. – Роджерс воображает себя звездой общества, но ее лучшие годы уже позади, а Хэмильтон просто серая мышь, надолго не зацепит. Вероника Картер далеко не так прекрасна, как думает о себе, а Оливия... Ну, скажем, мы с Оливией уже не так хорошо понимаем друг друга, как раньше.

Как деликатно, подумала я с раздражением. Если у них с Оливией было прошлое, жестоко с его стороны хвастаться этим, особенно в данной ситуации. Я посмотрела на Оливию Хендерсон, которая сидела за нашим столом и почти весь вечер молчала. Конечно, я плохо ее знала, но мне показалось, она чем-то угнетена. Возможно, не смогла забыть нежные чувства так же легко, как Руперт.

– А ваша прекрасная невеста? – поинтересовалась я.

Что-то на секунду вспыхнуло в глазах моего партнера, он будто на мгновение забыл об Эммелине. Затем Руперт улыбнулся, и я удивилась теплоте этой улыбки.

– Само собой разумеется, я обожаю Эммелину.

– Правда? – Я старалась говорить легко. – Впрочем, у меня не было в этом никаких сомнений. Очаровательная девушка.

– Просто прелестная, – подхватил Руперт. Моя шпилька не произвела на него ни малейшего впечатления. – Как мило, что вы цените те же восхитительные качества в ее брате.

О, так у нас начался раунд словесного фехтования?

– Мы с Джилом были друзьями много лет назад.

– Насколько я понимаю, больше, чем друзьями. Поразительно, право, что вы сумели сохранить такие хорошие отношения... несмотря на неудачный брак.

Я улыбнулась, не желая отступить под напором этой дерзости.

– Не всем выпадает счастье, как вам, обрести свою настоящую половину.

Музыка закончилась, и я сделала шаг назад. Руперт слегка поклонился, и ухмылка искривила его красивое лицо.

– Благодарю вас за доставленное удовольствие, миссис Эймс.

Мне не удалось найти в себе силы ответить ему любезностью.

Оставшуюся часть вечера, танцевав по очереди с мистером Роджерсом, Лайонелом Блейком и мистером Хэмилтоном, я была избавлена от необходимости отражать чары Руперта Хоу. Роджерс поведал, что он адвокат, в основном специализирующийся на уголовных преступлениях. Во время танца он вяло рассказывал о своей работе, которая, казалось, навевала на него такую же тоску, как и на меня.

– Знаете, в наши дни не очень много интересных преступлений, – сказал он ближе к концу танца. – Как правило, глупые люди совершают глупости.

– Правда? Я, по правде сказать, полагала, что преступники умнеют вместе с прогрессом.

– Ерунда. Сегодня, со всеми этими современными новшествами, почти невозможно улизнуть. Взять хотя бы дело Криппена. Даже двадцать лет назад он не ушел от возмездия. Его взяли, когда он телеграфировал на корабль, на котором собирался удрать. А сегодня этого добра еще больше. Вы думаете, что преступники способны учиться, но это не так. Скорее всего, по той же причине, о которой я уже упоминал: глупые люди совершают глупости.

Следующий танец я танцевала с отменно вежливым, безупречных манер Лайонелом Блейком. Обладая природным изяществом, он и танцевал прекрасно, и у меня мелькнула мысль, что, если Блейку надоест сцена, он может сделать неплохую карьеру в музыкальном кино. Когда мы кружили по залу, он рассказывал мне о пьесе, в которой скоро должен был появиться, – таинственное убийство в сельской усадьбе.

– Боюсь, пьеса не слишком хороша, – печально улыбнулся актер. – Но главный попечитель театра мой близкий друг. Когда он спросил меня, возьмусь ли я за роль, я не смог отказаться.

– Пьеса, может, и не хороша, но вы будете восхитительны, – попыталась я подбодрить его. – Мне говорили о вас с придыханием. Я уверена, если вы в ней сыграете, пьеса будет иметь огромный успех.

Блейк отвел глаза, словно его смутил мой комплимент, и быстро заговорил о погоде. Я не ожидала такой скромности в привлекательном артисте, особенно пользующемся большой известностью, как мистер Блейк. Но, возможно, у меня сложилось о нем неверное впечатление.

Следующим моим партнером стал мистер Хэмилтон. Он был верен себе, и я заметила не один его исполненный неподдельного интереса взгляд, устремленный на мое декольте.

– Вы давно знакомы с Трентами? – спросила я, пытаюсь переключить его внимание.

– С Рупертом и Эммелиной мы подружились в Лондоне. Как-то все время сталкивались в одних и тех же местах. Знаете, ведь мы с Рупертом вроде как земляки. А с мистером Трентом я не очень хорошо знаком. Зато мне известно, что они с Рупертом не слишком высокого друг о друге мнения. Впрочем, это видно невооруженным глазом. – И Хэмилтон рассмеялся, будто выдал отменную шутку.

Похоже, я не единственная заметила напряжение между Джилом и Хоу.

– А вы бывали прежде в «Брайтуэлле»? – спросила я, когда у моего партнера опять поплыл взгляд.

– Нет, никогда. Руперт с Эммелиной предложили присоединиться к ним, и мы решили, что звучит неплохо. У Ларисы, правда, нелепая водобоязнь, но я убедил ее, что все это глупости. Я знал, стоит приехать сюда, ей понравится.

Я покосилась в сторону миссис Хэмилтон, которая смотрела на нас. Мне показалось, Лариса от всего этого не в восторге. Интересно, она замечала блуждающие взгляды своего мужа, подумала я. Мне хотелось надеяться, что Лариса Хэмилтон в конце концов отойдет и получит удовольствие от приятного вечера, но секунду спустя, когда Руперт Хоу пригласил ее на танец, вид у нее был такой же натужный, как и раньше.

– Эймори, вы сегодня просто божественны! – воскликнула миссис Роланд.

Ее партнер был примерно на фут ниже, но они умудрялись отлично держать ритм под исполняемую оркестром песню «Между

синим глубоким морем и дьяволом».

– Благодарю вас, миссис Роланд. Вы тоже выглядите потрясающе.

Так оно и было. Ей очень шло длинное ярко-синее платье, вышитое серебряными бусинами, которые легко постукивали в такт музыке.

– Сразу столько красавцев, правда? Не удивлюсь, если по прошествии этой недели здесь можно будет лопатой сгребать разбитые сердца, – подмигнула мне Ивонна Роланд, и тут партнер утянул ее прочь.

Трудно было с ней согласиться. Из того, что я пока увидела, опасность выйти отсюда с разбитым сердцем угрожала одной Эммелине.

Похоже, танец вконец утомил Хэмилтона. Вернувшись к столу, он, прежде чем достать из кармана сигареты, отер лицо платком. Руперт Хоу, вернувшись к столу вместе с Ларисой, предложил ему зажигалку, и Хэмилтон с удовольствием затащился, переводя взгляд с одной красотки на другую. Его жена молча сидела рядом.

Это действительно был приятный вечер, но, когда он близился к концу, я валилась с ног. Долгий день утомил меня и душевно, и физически. Я пожелала всем спокойной ночи, и Джил проводил меня до номера.

– Я очень рад, что ты поехала, Эймори, – сказал он, когда мы остановились у моей двери.

В коридоре, освещенном мягким желтым светом бра на стенах, оклеенных желтыми в полоску обоями, больше никого не было. Сама обстановка невольно порождала близость, и я почувствовала, что лучше держаться подальше от того, о чем молчал Джил, не сводивший с меня теплого взгляда карих глаз.

– Мне кажется, ты прав насчет Руперта Хоу, – начала я, чтобы сменить тему. – По-моему, это не тот человек, на которого можно полностью положиться. Что-то есть в нем такое...

– Да, рад, что ты тоже это заметила.

– Боюсь, чтобы убедить Эммелину, потребуется больше, чем просто интуиция. Можешь мне поверить, она очень увлечена.

– Как бы я хотел найти способ от него избавиться, – вдруг сверкнул глазами Джил.

– Завтра я поговорю с ней. В качестве предостережения поведаю о тяготах замужней жизни.

Джил с надеждой посмотрел на меня:

– Думаешь, поможет?

– Понятия не имею.

Он вдруг резко кивнул:

– Ладно, время покажет. Увидимся утром.

– Спокойной ночи, Джил.

Я прошла в номер, заперла дверь и какое-то время задумчиво стояла посреди комнаты. Меня не покидало ощущение, что ни мне, ни кому-либо другому не удастся убедить Эммелину Трент расстаться с Рупертом Хоу. Весь секрет его обаяния был как на ладони, но покровы любви способны творить чудеса даже с самыми неприятными людьми. Гиблое дело, как я и предсказывала. Скорее всего, Джилу это тоже было известно. Но меня восхищало то, что он не оставлял попыток.

Вздыхнув, я прошла в спальню, на ходу сбросив туфли. Ноги погрузились в толстый ковер. Выскользнув из платья, я перекинула его через спинку стула и стянула чулки, просто оставив их на полу. До утра потерпят, а завтра я все здесь уберу. Я даже радовалась, что осталась без горничной. Если бы у меня и было время перед отъездом найти замену Элоизе, вряд ли я бы захотела, чтобы чужой человек становился свидетелем моих нынешних приключений. Слишком они чреватые пересудами.

Я надела черную ночную рубашку, поверх нее набросив свободный пеньюар. Несмотря на усталость, я поняла, что не очень хочу спать, и, взяв книгу, уселась в кресло. Открыв окно, чтобы впустить ветер и слышать море, я начала читать. Кресло было удобным, и мерный шум волн на пару с вялой прозой сделали свое дело. Я задремала, однако через несколько минут вдруг проснулась от голосов под окном.

– Я говорю серьезно.

Я тут же узнала сердитый шепот Джила.

– Ничуть не сомневаюсь. Но чего именно вы от меня ждете?

Скучающая наглость, с какой был задан этот вопрос, позволила мне сделать вывод, что второй голос принадлежит Руперту Хоу. Скорее всего, они стояли на углу гостиницы, а ветер относил их голоса в мою

комнату. Закрыв окно, я лишь привлеку ненужное внимание, а потому я притаилась, стараясь не слушать. Однако из этого ничего не вышло.

– Я хочу, чтобы вы оставили в покое мою сестру. Уезжайте отсюда и больше не возвращайтесь.

В ответ послышался резкий, презрительный смех.

– Вы в самом деле думаете, что я так и поступлю?

– О, я в этом уверен. На таких, как вы, всегда можно навесить ценник.

– Поберегите нервы... и деньги. Я никуда не уеду.

– Я вас предупреждаю...

– А я предупреждаю вас, – невозмутимо перебил Руперт. – Я сохранил ваши письма, в которых вы настоятельно требуете от меня порвать с Эммелиной, угрожая самыми плачевными последствиями. – В его голосе слышалась неприкрытая издевка. – Они, несомненно, вызовут у вашей сестры неподдельный интерес.

– Хоу...

– Что же касается очаровательной миссис Эймс, убежден, ей тоже будет любопытно кое-что узнать.

– Не впутывайте ее сюда.

– Вы ее сюда привезли, а не я.

– Это вас вообще не касается.

Голоса вдруг умолкли, и я решила, что на террасу вышел кто-то из постояльцев, может, парочка, решившая прогуляться при луне. Вероятно, Джил с Рупертом отошли, так как их голоса отнес ветер.

Эта перепалка меня, мягко говоря, встревожила. Конечно, Джил делал все возможное, чтобы уберечь сестру, но я бы на его месте действовала иначе. Джил был очень груб. Однако Руперт Хоу держался просто по-хамски, а, как говорится, подобное надо лечить подобным.

Я подождала несколько минут, убедилась, что молодые люди действительно ушли, закрыла окно и, все еще пребывая в задумчивости, выключила свет. В спальне я скинула пеньюар и, проскользнув между гладкими простынями, еще долго ворочалась с боку на бок, прокручивая в голове услышанный разговор. Что мне было бы интересно узнать? О чем говорил Руперт Хоу? Все понемногу запутывалось, и я не могла избавиться от ощущения, что в этой поездке к морю мне предстоит пережить куда больше, чем я

предполагала. Несмотря на гнетущие мысли, усталость взяла свое, и я погрузилась в тревожный сон.

Глава 5

Утро занялось солнечное, свежее. Я не выспалась, меня всю ночь преследовали тяжелые сны, хотя подробности по пробуждении забылись. Однако, когда я собиралась на завтрак, теплое, заливающее комнату солнце, казалось, отогнало давешние события далеко-далеко. Может, все не так уж и плохо, как мне представилось на какой-то момент. В конце концов, не секрет, что Джил и Руперт придерживаются разных точек зрения на будущее Эммелины. Вполне возможно, их разговор и не повлечет за собой серьезных последствий. И когда я спускалась, чтобы встретиться с Джилом, предстоящая неделя в «Брайтуэлле» рисовалась мне уже не в таком черном свете.

Через вестибюль я прошла в столовую, расположенную в южной части здания. Окна солнечного, светлого помещения выходили на террасу, из них открывался потрясающий вид на море. Небо было ярко-голубое, трапезе сопровождали чайки и шум разбивающихся о скалу волн. Чудесная панорама, чудесное утро. Когда я подошла к столу, Джил улыбнулся:

- Доброе утро. Прекрасно выглядишь, посвежела.
- Спасибо.

Комплимент был мне приятен. В попытке удержать хорошее настроение я надела желтое платье, и яркий цвет оживил некоторую бледность – от нее, несомненно, можно будет избавиться, проведя пару дней на солнце. Хотя я никогда не жаловалась на цвет лица, мне все-таки хотелось выкроить здесь время, чтобы чуть-чуть его подкорректировать.

Подойдя к ломящемуся от яств буфету, я заполнила тарелку. Кухня была замечательная, как и накануне вечером. Гостям предлагалось все, что только можно предложить на завтрак, – сосиски, бекон, яйца, жареная фасоль, различные пудинги, поджаренный хлеб, почки, копченая рыба, помидоры, грибы и разнообразные фрукты. Я съела больше, чем, вероятно, было полезно.

Мне очень нравилось в «Брайтуэлле». Можно было подумать о том, чтобы приехать сюда еще, желательно, конечно, без отягчающих обстоятельств. Ведь, несмотря на прекрасное утро, в воздухе, казалось, еще висело напряжение.

За столом я заметила изменения, произошедшие с Джилом за ночь. Казалось, он плохо спал. У него были усталые глаза, и даже улыбался он, не разжимая губ. Ему, несомненно, не давал покоя разговор с Рупертом Хоу. Мне показалось, лучше не упоминать тот факт, что я невольно стала его свидетельницей. Если Джил захочет мне о нем рассказать, то, конечно, сделает это сам в свое время.

– У тебя такой вид, будто прогулка по берегу пойдет тебе на пользу, – предложила я, наевшись до отвала и отодвинув тарелку.

Джил улыбнулся в ответ, хотя и несколько встревоженно.

– Весьма заманчивая перспектива, однако, боюсь, у меня кое-какие дела. Правда, ненадолго. Скоро освобожусь и с удовольствием прогуляюсь. Заодно наговоримся.

– Все утрясется. Правда, Джил.

Он посмотрел на меня отстраненным взглядом, словно мысли его были далеко-далеко.

– Да, ты права, конечно.

Я взяла кофейник, налила ему ароматного дымящегося кофе и хотела уже положить два куска сахара, но он движением руки остановил меня:

– Только молока, пожалуйста.

– О, разумеется. Прости, забыла.

После завтрака мы расстались с Джилом, сохранявшим довольно озабоченный вид. Я бы с радостью помогла ему, но не знала, чем могу быть сейчас полезна. Да, в этой истории я согласилась быть его партнером, но статусом доверенного лица уже не обладала. Непринужденность между нами оказалась весьма непрочной. И я еще раз задумалась о том, как нехорошо с ним поступила. К счастью, он, кажется, простил меня, и я надеялась, что в один прекрасный день мы снова станем настоящими друзьями.

А пока мне оставалось только развлекать себя. Я поднялась в номер и надела персиковый купальный костюм с вырезом на спине, белые пляжные развевающиеся брюки и свободную крепдешиновую накидку с широкими полосами белого, персикового и бирюзового цветов, увенчав всю эту композицию белой соломенной шляпой и сумкой в цвет. Отражение в зеркале подтвердило, что вид у меня вполне приемлемый, и я отправилась вниз, воспользовавшись боковым

выходом, который вел к той части террасы, что смотрела на море. Отсюда длинная лестница спускалась к пляжу. На террасе я первым делом заметила миссис Хэмилтон. Она пила чай, напоминая потерявшуюся маленькую девочку, которую никто не ищет.

– Добрый день, – сказала я, остановившись у ее столика.

– Добрый день.

Улыбаясь, Лариса Хэмилтон выглядела не такой застенчивой, будто простое движение губ придавало ей уверенности.

– Прекрасное утро.

– Замечательное. – Лариса посмотрела на море. – Хотя волны сегодня довольно беспокойные.

Я бы не назвала их слишком бурными, хотя, возможно, такое впечатление создал у нее шум, сильным эхом отдающийся от подножия скалы. Но ведь Хэмилтон говорил, что его жена не любит море.

– Вы совсем одна?

– Нельсон пошел на пляж. – Миссис Хэмилтон кивнула на полоску берега внизу.

Чуть перегнувшись через ограду, она могла бы наблюдать за постояльцами у кромки воды. Неужели ей неинтересно, чем там занимается ее муж, подумала я.

– Мне самой не хочется. Я решила выпить чаю. А потом, наверно, найду укромное местечко и почитаю. Мне сказали, здесь удобные холлы. Я люблю быть одна.

Значит, я правильно поняла, Лариса Хэмилтон не в восторге от поездки к морю. Ее, конечно же, уговорил муж. В этой семье все решения, несомненно, принимает он. И, похоже, Хэмилтон всецело одобряет склонность жены к одиночеству. Как будто читая мои мысли, Лариса улыбнулась:

– Я ничего не имею против, правда. Люблю сидеть одна и читать. У меня с собой последний роман Уорика Дипинга.

– Иногда неплохо побыть наедине с собой, – согласилась я.

– Да, мне, бывает, пеняют на угрюмость, но я просто не очень хорошо умею общаться, особенно с малознакомыми людьми.

– Это так понятно.

Лариса снова улыбнулась, словно обрадовавшись человеку, который ее понял, и сказала:

– Надеюсь, вам понравится на пляже.

– А я надеюсь, вы получите удовольствие от чая и книги, – искренне ответила я, прежде чем пройти дальше к берегу.

Белые деревянные ступени, начинавшиеся в конце террасы, вели вниз к небольшой площадке на вершине скалы, откуда еще ниже спускались сразу два лестничных марша: правый – к прибрежной тропинке, левый – к террасе, частично заходившей под скалу. О ней вчера говорил Джил.

Я спустилась по правой лестнице. Отходившая от нее извилистая каменистая тропинка вела к пляжу. Вероятно, многие гостиницы могут похвастаться более удобным доступом к воде, но «Брайтуэлл» вовсе не обязан был снисходить до извинений. И в самом деле частный пляж, которым могли пользоваться постояльцы, сполна искупал все неудобства спуска. Он раскинулся у подножия скалы, справа и слева был огорожен выступающими далеко в море камнями, образуя тем самым уединенное место. Добраться сюда можно было только из гостиницы или по воде.

На пляж подтянулось уже немало постояльцев, и я заметила нескольких участников вчерашнего ужина. Эммелина разместилась в шезлонге недалеко от тропинки. Позади нее сидел и читал шевеля губами Лайонел Блейк. Наверное, учит роль, мельком подумала я. Вероника Картер лежала на солнце в открытом купальном костюме. У нее был довольно темный загар, и я усомнилась в том, что она действительно рыжая от природы. Цвет кожи был совсем другой, чем у большинства известных мне рыжеволосых людей. Оливия Хендерсон в ярком сине-зеленом пляжном костюме сидела под зонтиком, с презрением взирая на происходящее.

Увидела я и Нельсона Хэмилтона, который беседовал с Анной Роджерс, надевшей облегающий розовый купальный костюм. Анна положила руки на бедра, белые волосы сияли в солнечном свете. Где же ее муж, мельком подумала я, но решила, что он не из тех, кто любит предаваться праздности на морском курорте. Поодаль, вдоль берега в надувшемся на ветру, как парашют, ярко-красном платье одиноко брела Ивонна Роланд.

Наслаждаясь теплым ветром, треплющим волосы под шляпой, я сошла с тропинки на усыпанный галькой пляж. Скалы отражали шум разбивающихся волн. Эммелина сидела одна – Руперт резвился в воде

около берега, демонстрируя свою прекрасную фигуру во всей красе. Она подняла на меня глаза.

– Привет, Эймори. Иди сюда, посиди со мной. – И Эммелина указала на пустующий рядом шезлонг. – Если, конечно, ты не собралась купаться...

– О, не сразу. Прежде чем броситься в ледяную воду, надо согреться.

Я опустила в шезлонг и, скинув туфли, прижала ноги к теплой гальке. Взрыв смеха заставил нас обернуться, и мы увидели, что большая волна сбила Руперта с ног. Отирая лицо, он поднялся, с него ручьями стекала вода. Эммелина улыбнулась, не отрывая взгляда от возлюбленного.

– Руперт такой красивый, правда?

– Да, очень. – Я решила пойти напролом: – Впервые увидев его, я вспомнила Майло.

Эммелину, казалось, это удивило.

– Вот как? Почему?

– Смуглый, легкий, обаятельный, элегантный, ну, и все такое прочее.

Эммелина принялась рассматривать свои руки.

– Мне очень жаль, что вы с Эймсом... Наверно, так нельзя говорить, но я ужасно рада видеть тебя вместе с Джилом.

– Я боялась, вы оба дуетесь на меня после всего, что случилось.

– Нет, что ты! Джил никогда не держал на тебя зла, Эймори. По-настоящему никогда. – Эммелина посмотрела на меня, в ее глазах светилась искренность. – Мне его было так жалко... Но я радовалась за тебя. Помню, как-то встретила вас с Майло в Лондоне, после того... после того как вы расстались с Джилом. У тебя был невероятно счастливый вид, такой влюбленный. А он смотрел на тебя просто с обожанием.

Пожав плечами, я зачерпнула горсть маленьких круглых голышей и стала просеивать камешки сквозь пальцы.

– Может, какое-то время... Но долго это не бывает.

– Не бывает?

– Боюсь, что нет. Понимаешь, такие мужчины, как Майло, больше всего на свете любят самих себя. Женитьба подарила ему новые ощущения, а потом понадобились другие развлечения.

Я кинула на землю оставшиеся камешки и стряхнула с ладони приставший песок. Не знаю, в какой мере мои слова были правдой, но они преследовали определенную цель. Я приехала сюда не копать в своем браке, а заставить Эммелину трезво взглянуть на ее матримониальные планы. Однако перебарщивать не стоило. И я улыбнулась:

– Но что мы все о грустном! Такой замечательный день.

– Да, – согласилась Эммелина, однако в ее взгляде, снова устремившемся на жениха, появилось нечто новое.

Мы принялись болтать о пустяках, а вскоре к нам присоединился Руперт.

– О чем беседуют леди? – спросил он, вытирая лицо и натягивая рубашку.

Я встала.

– Небольшой дамский тет-а-тет, мистер Хоу. Вам, боюсь, будет совсем неинтересно. Но оставляю вас с вашей невестой. Пойду прогуляюсь.

– Эймори, выпьем после обеда чаю? На нижней террасе? – предложила Эммелина.

Задрав голову, я посмотрела на высокорасположенную террасу.

– Конечно. Увидимся.

И, оставив их, я пошла по берегу. Когда я проходила мимо, Лайонел Блейк оторвал голову от книги и пожелал мне доброго утра. Его зеленые глаза на фоне моря и скал сверкали, как у кошки. Я улыбнулась также, отвечая на более чем сдержанное приветствие Оливии и Вероники – первая лишь приподняла брови, а вторая чуть изогнула уголки губ. Полная взаимность. Затем наступил черед Нельсона Хэмилтона и Анны Роджерс. Его взгляд заскользил по мне, будто лодка, подыскивающая уютное место для причала.

– Искушаетесь, миссис Эймс? – спросил он. – Мы с Анной только из воды.

– Нет, благодарю вас. Думаю немного пройтись.

– Что ж, тогда позже, – подмигнул мне Хэмилтон.

Какой же противный. Чем дальше, тем меньше он мне нравился и тем больше становилось жаль его жену.

Таким образом, я поздоровалась со всеми, чудом улизнув от Ивонны Роланд, и, расслабившись в одиночестве, с удовольствием

пошла по берегу. Я шла довольно долго, но наконец прибрежную полосу перерезала выступавшая в воду скала, и я была вынуждена повернуть обратно. Солнце уже стояло высоко и припекало не на шутку. Решив охладиться в воде, я сняла брюки, накидку, достала из сумки купальную шапочку и, упрятав под нее выбивавшиеся пряди волос, зашла в воду. Когда я выходила из моря, наступило время обеда и пляж опустел.

По длинной белой лестнице я потащила обратно к гостинице. Очутившись в конце концов наверху, я поняла, что после всех этих физических упражнений совсем выбилась из сил и хочу спать. Наевшись как следует за завтраком, я решила пропустить обед, немного отдохнуть, а затем спуститься к чаю.

Несколько позже, после непродолжительного сна почувствовав себя лучше и надев легкое платье с бледным цветочным рисунком, я постучала в дверь Джилла надеясь, что он присоединится к компании на террасе, но мне никто не ответил. Наверно, надо поискать его внизу. Выйдя из лифта в холл, первым делом я увидела Эммелину. Она махнула мне рукой и подошла. На лбу у нее залегла небольшая складка.

– Мы должны были встретиться с Рупертом двадцать минут назад, – сказала она, – но его нигде нет. Звонила в номер, там тоже никто не отвечает.

Она была встревожена несоразмерно поводу, но я прекрасно ее понимала. В самом начале моей семейной жизни, когда для меня перестали быть тайной кое-какие особенности Майло, я тоже очень переживала, если он пропадал.

– Может, Руперт уже на террасе?

– Может быть, конечно, но он четко сказал, что будет ждать меня в холле.

Я, разумеется, удержалась и не стала говорить, что мужчины вроде Руперта Хоу часто не делают то, что говорят. Несомненно, не самая утешительная мысль, но оттого не менее верная.

Пройдя через холл, мы вышли на террасу. Почти за всеми столиками сидели постояльцы, разомлевшие на предвечернем солнце, но Руперта среди них не было. За одним столиком я увидела Хэмилтонов, и мы подошли к ним.

– Хоу? – переспросил мистер Хэмилтон. – После обеда я его не видел. Лариса тоже. Ведь так, дорогая?

– Я?.. Нет, – тихо ответила та.

Я стиснула зубы. Бедной женщине даже не дают толком высказаться.

Лайонел Блейк, сидевший неподалеку, подтвердил, что Руперта на террасе не было.

– Я пришел сюда первым, раньше всех остальных. Мистера Хоу я не видел.

– Может, он уже спустился? – предположила Эммелина. – Наверно, мы не поняли друг друга, и он ждет меня там.

– Тогда его будет видно отсюда. – Я указала на ограду, откуда открывался восхитительный вид на море, а заодно и на лестницу.

Мы прошли к каменному ограждению, за которым вниз уходил головокружительный обрыв. После обеда поднялся сильный ветер, и вряд ли кому-нибудь пришло бы в голову пить чай на маленькой нижней террасе, прижатой к скале и продуваемой сильными порывами ветра с моря. Эммелина перегнулась через ограду, но вдруг отшатнулась – под ней зашатался камень.

– Господи, надо же.

Мною овладело нехорошее предчувствие. Эммелина отошла от ограждения, не успев посмотреть вниз. Я перегнулась через ограду в другом месте, так что мне стала видна нижняя терраса и на ней бесформенное тело.

Руперт.

Глава 6

Следующий час прошел как в тумане. Я увела Эммелину, кто-то из гостиничного персонала побежал к скале. Сделать уже ничего было нельзя, Руперт Хоу был мертв. С Эммелиной, разумеется, случилась истерика, послали за доктором. Я зашла в холл, чтобы побыть одной, до того как власти пожелают выслушать мой рассказ о случившемся, сколь бы скудными сведениями я ни располагала. Скорее всего, Руперт слишком низко перегнулся через ограждение. Возможно, выпал какой-то камень, и он не удержался...

Холл, хоть и оформленный в спокойных желто-бело-синих тонах, ничуть не успокаивал. Потрясение оказалось очень сильным. Да, Руперт Хоу мне не нравился, однако разбиться, упав на каменную террасу – такого я не пожелала бы ему даже при самом худшем раскладе. Новость распространилась быстро, но меня щадили и не дергали. Наконец подошел Джил.

– Эймори, ты в порядке?

Он было потянулся обнять меня, но передумал и взял за руку. Я даже удивилась, почувствовав от тепла его ладони мгновенное облегчение, и глубоко вздохнула.

– Это все ужасно, Джил. – Хотя внутри у меня все дрожало, голос был на удивление ровен. – Ничего страшнее в жизни не видела.

– Я закажу тебе что-нибудь выпить.

Я покачала головой:

– Нет, спасибо. Со мной все в порядке.

Не отпуская мою руку, Джил подсел на диван.

– Эммелина отдыхает. Я от нее. Врач дал ей что-то. Бедная моя сестренка. Ей так тяжело.

– Она очень его любила, – осторожно заметила я.

Я даже не могла себе представить, что сейчас переживает Эммелина. Я едва знала Руперта, и то меня всю трясло.

– И все-таки лучше так, – еле слышно отозвался Джил.

Прежде чем я успела ответить, кто-то произнес мое имя:

– Миссис Эймс?

В холл вошел мужчина лет пятидесяти в сером костюме, среднего роста, средней комплекции, явно уверенный в себе, из тех неброских

людей, кто сразу приковывает внимание. Я встала.

– Да.

– Инспектор Джонс, Департамент уголовных расследований.

– Уголовных? – удивленно переспросила я.

При чем здесь Департамент уголовных расследований? По моим сведениям, там не слишком интересуются несчастными случаями.

– Именно так, – кивнул инспектор и посмотрел на Джила. – А вы, сэр?

– Джилмор Трент. Моя сестра Эммелина была помолвлена с мистером Хоу.

– Мои соболезнования.

– Благодарю.

– Ну а теперь, мистер Трент, надеюсь, вы не будете возражать, если я побеседую с миссис Эймс наедине.

Безупречная вежливость инспектора не могла затушевать заметные повелительные интонации, вызвавшие у Джила ненужное раздражение.

– Это так необходимо, инспектор? Эймори... Миссис Эймс только что перенесла тяжелый удар.

Инспектор метнул на меня вопросительный взгляд карих глаз и снова обратился к Джилу:

– Мне кажется, она вполне способна это выдержать, мистер Трент.

Я заметила, как губы Джила вытянулись в жесткую ниточку, и потрепала его по руке.

– Все в порядке, Джил. Я поговорю с инспектором и найду тебя. Думаю, мне не помешает чашка крепкого чая.

– Хорошо.

Инспектор улыбнулся Джилу не сказать чтобы очень нежной улыбкой.

– С вами я хотел бы поговорить чуть позже, мистер Трент.

– Как вам будет угодно.

Джил вышел из холла, не произнеся больше ни слова, и я обратилась к инспектору:

– Итак, чем я могу вам помочь?

Он жестом указал на диван, с которого я поднялась.

– Присядем, не возражаете?

Я снова села на бледно-голубой диван, а инспектор снял шляпу, обнажив темные седеющие волосы, и устроился на стуле напротив, достав из кармана пиджака блокнот с карандашом.

– Если вы не против, расскажите мне, пожалуйста, как можно точнее, что сегодня произошло.

Я изложила всю цепь событий, начав с того, как Эммелина ждала в холле Руперта Хоу, и закончив тем, как я увидела с террасы его тело. Инспектор слушал мой рассказ, не перебивая, и что-то помечал в блокноте.

– В ограждении был незакрепленный камень. Может, он потерял равновесие, – предположила я. – Все это так ужасно...

Инспектор оторвал взгляд от блокнота и посмотрел на меня сочувственно и вместе с тем твердо.

– Ужаснее, чем вы думаете, миссис Эймс. Судя по всему, мистер Хоу был убит.

– Убит?

Меня будто пронзило стрелой. Содрогнувшись от негодования и чего-то еще – страха? – я втянула ртом воздух, пытаюсь взять себя в руки. Невозмутимый инспектор пне сводил с меня взгляда. Было такое ощущение, будто он проверяет мою реакцию.

– Не понимаю, инспектор, – проговорила я наконец. – Я... Я думала, он упал.

Уже произнося эти слова, я почувствовала, что прозвучали они не очень-то убедительно, даже для меня. Выходит, каким-то краешком сознания я могла допустить, если не предположить, что это был не несчастный случай?

– Вы видели тело? Вблизи, я имею в виду?

– Нет, я...

– Вы знали мистера Хоу?

– Шапочно.

– И каково ваше впечатление о нем?

– Честно? – Я выдержала взгляд инспектора. – Мне он был неинтересен. Конечно, мне жаль, что его больше нет.

Инспектор Джонс опустил голову.

– Честность высоко ценится в такой работе, как моя. А что именно вам было в мистере Хоу... неприятно?

– Просто он не принадлежал к породе симпатичных мужчин. Ничего существенного. Мне казалось, они с Эммелиной не подходят друг другу. Мне... Пожалуй, это не мое дело.

– Вы можете себе представить, что у кого-то был резон поквитаться с ним?

– Конечно, нет.

Я вдруг поняла, что инспектор очень внимательно на меня смотрит. В нем было что-то, выбивающее почву из-под ног, какая-то невозмутимая сила. Думаю, в умении вызывать у преступника беспокойство он большой мастер. Я и сама чувствовала себя как на иголках. Следующий вопрос, заданный тем же почти равнодушным тоном, застал меня врасплох:

– Вы поселились здесь под собственным именем. Вы приехали без мужа?

Этого я не ожидала.

– Не понимаю, какое это имеет отношение к смерти мистера Хоу, – ответила я, пожалуй, более лаконично, чем предполагается в ходе беседы с инспектором Департамента уголовных расследований.

Джонс посмотрел мне прямо в глаза. Мое раздражение не произвело на него ни малейшего впечатления.

– Я просто пытаюсь воссоздать точную картину, миссис Эймс. Отдельные пятна на холсте создают общую картину.

Я вздохнула:

– Да, инспектор, муж не поехал. На самом деле, поскольку вы, несомненно, уже установили кое-какие факты, я нахожусь здесь по приглашению мистера Трента.

– Я в самом деле уже установил кое-какие факты. – Он, однако, лихо работает, этот инспектор. Интересно, что он еще установил. Долго ждать ответа на этот вопрос не пришлось. – Вы тем не менее живете в разных комнатах.

– А как же, – не самым любезным образом отозвалась я. По моему убеждению, сложившаяся ситуация не предполагала необходимости в столь назойливых и двусмысленных вопросах. – Между нами пока ничего не было.

– Тем не менее вы не носите обручальное кольцо.

Я окаменела.

– Я сняла сегодня все кольца, поскольку купалась в море.

Обе части этой фразы соответствовали истине, однако не были связаны друг с другом. Я действительно купалась, но кольца сняла не поэтому. Я вообще не надевала их после приезда, хотя они лежали в шкатулке в моем номере. Почему-то я решила не оставлять их дома.

– Понятно. Но вы с мистером Трентом близкие друзья.

– Да, мы знакомы много лет.

– А мистер Хоу? Они были хорошо знакомы с мистером Трентом?

К чему эти вопросы про Джилу с некоторым беспокойством подумала я? – Я только недавно познакомилась с мистером Хоу, – осторожно ответила я. – И не имела возможности наблюдать их вместе.

– Конечно.

Меня насторожило выражение лица инспектора. Интересно, понял ли он, что я сознательно ухожу от ответа?

– Сегодня после обеда вы проводили время с мистером Трентом?

– Я... Да. То есть мы расстались после завтрака, договорившись встретиться на чай.

– Но когда вы с мисс Трент искали мистера Хоу на террасе, мистера Трента вы там не видели.

На долю секунды я замялась.

– Нет, не видела.

Нацарапав что-то в блокноте инспектор и захлопнул его.

– Думаю, пока все, миссис Эймс. Полагаю, вы будете где-то поблизости, если у меня возникнет нужда еще побеседовать с вами.

– Разумеется. – Я встала, и он последовал моему примеру, снова поместив на голову шляпу. – С радостью сделаю все, что смогу, – сказала я и тут же осеклась. А не придется ли мне пожалеть об этих словах?

Джонс кивнул и двинулся к выходу, но мне нужно было получить от него ответ на один вопрос.

– Инспектор? – Он обернулся. – Вы уверены, что это было убийство?

Джонс помедлил, как будто размышляя, сколько мне можно сказать, а затем осторожно ответил:

– Да, миссис Эймс. Во-первых, кто-то принял меры, чтобы на нижней террасе никого не было. Там, где лестница разветвляется,

висела табличка «Закррито для проведения ремонтных работ». Если бы не вы, тело обнаружили бы намного позже.

– Но у этой таблички может быть множество объяснений. Излишняя предосторожность, к примеру.

Инспектор покачал головой:

– Персоналу об этом ничего не было известно.

– Но сама по себе надпись еще не исключает несчастный случай.

– Верно, но, видите ли, мистер Хоу упал прямо на террасу, на каменный пол, ударившись затылком. Медицинский эксперт склонен считать, что имел место перелом шейных позвонков, он умер почти сразу. И ничто не указывает на то, что, падая, он бился о скалу.

Все эти жуткие детали не проливали света на суть дела.

– Я все-таки не понимаю, каким образом это доказывает, что он не просто потерял равновесие и упал.

– Простое падение не объясняет синяк вот здесь. – Инспектор дотронулся до левого виска. – Видимо, появившийся вследствие удара, нанесенного тупым предметом.

Я открыла рот, но сказать ничего не смогла. Инспектор приподнял шляпу.

– Всего доброго, миссис Эймс. Полагаю, еще увидимся.

Случившаяся трагедия тяжелым грузом легла на всю нашу компанию, но, как и полагается крепким, выносливым представителям высшего сословия, мы все оделись и явились на ужин. Я выбрала платье темно-серого шелка с короткими приспущенными рукавами. Яркие наряды показались мне неподходящими к случаю. Пришли все, кроме Эммелины, которая осталась в номере. До ужина я заглянула к ней, но она спала. Не знаю, что там дал ей врач, но отключилась она надолго. Едва ли это лучший выход. Как ни страшна правда, пожалуй, лучше взглянуть ей в глаза, чем валяться в полубессознательном состоянии.

За ужином я села возле Джила. Он был молчалив, серьезен, но сохранял невозмутимое спокойствие, которое меня всегда в нем восхищало. Рядом с Джилом я и сама несколько успокоилась.

У Оливии Хендерсон был такой вид, будто ей впору выпить что-нибудь покрепче воды, которую она по глоточку отхлебывала из стакана. В лице не было ни кровинки, и я обратила внимание, что всякий раз, как она подносила ко рту стакан, у нее тряслись руки.

Вспомнив намеки Руперта, я подумала, что, может, она до сих пор любит его. Сидевший рядом с Оливией Лайонел Блейк пытался ее подбодрить, говорил мягко и даже получил в награду две-три улыбки. Я надеялась, ее это несколько отвлечет.

Говорили негромко, и, конечно же, никто из нас не танцевал. Глядя на скользящие по залу пары, которых не коснулось наше несчастье, я с трудом могла себе представить, что всего лишь вчера мы были столь же беззаботны. Смерть Руперта, по-видимому, не стала слишком большим потрясением для остальных постояльцев «Брайтуэлла»; вероятно, их успокоили официальной версией о несчастном случае. Они, конечно, сочувственно нам покивали и довольно невозмутимо продолжили отдыхать.

Полицейский, оставленный в гостинице на дежурстве, отбивался от журналистов, и я надеялась, что слухи про расследование, проводимое Департаментом уголовных расследований, особо далеко не разнесутся. Правда, вряд ли подобную историю можно утаить надолго. А уж какими беспощадными умеют быть газетчики, мне было прекрасно известно.

Я еще не до конца пришла в себя после очень тяжелого дня. Даже если на секунду забыть о страшной смерти Руперта, меня все еще тревожили откровения инспектора. До самого ужина я просидела в комнате, и в голове крутилась тысяча вопросов. Казалось невозможным, чтобы кто-то вдруг захотел убить Руперта Хоу. Люди не убивают друг друга на отдыхе – как заведенная, твердила я. Однако, похоже, все-таки убивают.

Я обвела глазами сидящих за столом, пытаюсь представить, что это сделал один из нас. Но я даже не знала, догадывался ли кто-либо о том, что полиция подозревает убийство. Инспектор не просил держать в тайне наш разговор, но мне почему-то ни с кем не хотелось его обсуждать, по крайней мере сейчас. Я даже Джилу ничего не сказала, испытывая при этом чувство вины. Хуже того, терзалась от нерационального ощущения, что опростоволосилась. Джил просил меня о помощи, а все обернулось так ужасно, что никто и вообразить не мог.

Кстати, о Джиле. У меня не получалось отогнать тревогу, вызванную вопросами инспектора о его отношениях с Рупертом. Друзьями их назвать было нельзя, и скорее всего это секрет

Полишинеля. Так инспектор уже знает об этом или просто собирает информацию?

Если совсем честно, разговор Джила с Рупертом, подслушанный накануне ночью, не выходил у меня из головы. Просто тот факт, что они ссорились, а теперь Руперт мертв. Я ни на секунду не могла представить такой кошмар, чтобы Джил оказался способен убить Руперта Хоу. Хотя и прошло много времени, я слишком хорошо его знала. И все-таки тот разговор не давал мне покоя, и где-то в душе притаилось смутное ощущение тревоги. В голове начало стучать, и я надавила пальцами на воспаленные глаза.

– Тебе нехорошо, Эймори? – прошептал Джил, дотронувшись под столом до моей руки. – Ты неважно выглядишь.

– Чувствую себя тоже, – призналась я. – Шок, наверное. Жуткий был день.

– Тебя проводить в номер?

Я покачала головой:

– Вряд ли я усну. Не сейчас. Мне бы не хотелось оставаться одной.

Это была правда. От беспрестанных попыток упорядочить скачущие мысли устала голова. И в данный момент я нуждалась в утешении близких.

– Тогда, может, выйдем на террасу?

– Пойдем. Свежий воздух не помешает.

Мы извинились и, пройдя через застекленные двери, тянувшиеся вдоль всего зала, вышли на восточную часть террасы. К ночи похолодало, терраса опустела. Отсюда не было видно море, для этого нужно было пройти в самый конец, а луну затаили облака. Мы с Джилом отошли от света, прямоугольником падающего из дверей, и нас окутал темно-синий мрак. Я глубоко вдохнула соленый воздух и прислушалась к шуму разбивающихся о скалы волн. Было что-то бесконечно успокаивающее в этом морском гуле, и на мгновение показалось, что ничего не случилось.

– Мне очень жаль, что тебе тут плохо, – сказал Джил, облокотившись на перила.

Даже в темноте я видела, что он внимательно на меня смотрит. Я коснулась его руки.

– Я в порядке, Джил, правда. Просто ужасно, что это произошло. Мне страшно за Эммелину.

Он опустил взгляд на мою руку, задержавшуюся на его локте.

– Прости, что на тебя все это свалилось, Эймори. – Кончиками пальцев он погладил мне запястье. – Но должен признаться, я рад, что ты здесь.

Когда он погладил мою руку, все мгновенно изменилось. Я посмотрела на него и уже не могла отвести взгляд.

– Правда, Джил? – тихо спросила я.

Он кивнул, протянул руку, чтобы отвести за ухо выбившуюся прядь волос, и рука осталась у меня на шее.

– Очень рад.

Он был очень близко и смотрел мне в глаза. Почти сразу я поняла, что сейчас Джил меня поцелует, и, когда он наконец наклонился, я все еще размышляла, позволить ли этому случиться. Его губы были в дюйме от моих.

– Джил...

– А, вот вы где.

Когда за нами послышался спокойный глухой голос, луна словно по условленному сигналу вышла из-за облаков. Джил убрал руку, и я обернулась, прекрасно зная, кого сейчас увижу.

– Майло. – Я была довольна, что голос не выдал испытанного мною изумления. – Что ты здесь делаешь?

Глава 7

Майло послал мне улыбку, в лунном свете блеснули зубы.

– Вижу, вы меня не ждали.

– Никогда не знаешь, в какой момент ты появишься, – легко ответила я. Однако этикет никто не отменял, и, испытав удовольствие от маленькой шпильки по адресу заблудшего мужа, я указала на мужчину, который только что пытался меня поцеловать: – Надеюсь, ты помнишь Джила Трента.

– Прекрасно помню, – любезно улыбнулся Майло. – Как поживаете, Трент?

– Неплохо, – лаконично ответил Джил.

Джил стоял совсем близко от меня, и я почувствовала, как он напрягся. Понятное дело, появление нового действующего лица его не обрадовало, и скорее всего он немало смущен. Вряд ли поцелуи с чужими женами у Джила в порядке вещей.

– Отлично. – Майло достал из кармана серебряный портсигар и закурил. – А вы, кажется, неплохо здесь устроились.

– Ты так и не ответил, Майло, – вставила я, прежде чем Джил успел что-то сказать. В такие моменты мужчины могут быть форменными идиотами.

Майло снова перевел на меня глаза, в темноте отливавшие серебром.

– Прости, дорогая. Боюсь, я забыл вопрос.

– Что ты здесь делаешь?

– До меня дошли слухи, будто у вас тут кто-то умер. – Он выдохнул струю дыма. – С удовольствием отмечаю, что вы не позволили себе слишком распереживаться по этому поводу.

– Знаете, Эймс... – Джил уже двинулся на Майло, но я жестой остановила его.

– Это в самом деле очень тяжело, дорогой. Эммелина, сестра Джила, ты должен ее помнить, была помолвлена с молодым человеком.

– Мои соболезнования. – Слова Майло прозвучали искренне, как всегда, но, как всегда, нельзя было точно сказать, что он думает.

– Да, думаю, мне стоит ее поведать, – отступился Джил.

Не сказав больше ни слова и даже не посмотрев на меня, он прошел мимо Майло в здание. Я осталась наедине с мужем. Какое-то время мы молча смотрели друг на друга. Обычное бесстрастное выражение на лице Майло могло свести с ума кого угодно. Он просто спокойно курил, как будто мы тихим вечером сидели дома в уютной гостиной.

– Кто тебе рассказал? – наконец спросила я.

– Слухами земля полнится. – Майло бросил сигарету, потушив ее ногой. – Я, конечно, очень беспокоился о тебе.

– Так ты примчался мне на помощь?

Я даже не пыталась скрыть издевку в голосе. Все это было очень странно, а его якобы беспокойство определенно подозрительно.

– Разумеется. Пойдем в гостиницу, дорогая?

– Подожди. – Я подошла к нему. – Я хочу понять, зачем ты приехал. Когда ты решил ехать, новости еще не могли просочиться в газеты.

– Ладно, – кивнул Майло, – я действительно читал в вечерних газетах о том, что в «Брайтуэлле» сегодня произошел несчастный случай, но приехал не только поэтому.

– Я так и думала.

– Решил поболтать с тобой кое о чем. Я тут подумал, что, если уж ты решила связаться с Трентом, то могла бы делать это поаккуратнее.

Я удивилась таким его думам, но даже не попыталась опровергнуть обвинение. Все равно отпираться бесполезно.

– Ты никогда особо не заботился об аккуратности. Не понимаю, почему я должна поступать иначе.

– Разница между нами в том, дорогая, что ты всегда дорожила своей репутацией. – Из кармана смокинга Майло извлек сложенный лист бумаги. – Это появилось в газетах сегодня утром.

Я взяла вырезку, подошла к пятну падавшего из дверей света и прочла следующее:

Разумеется, немногих удивит тот факт, что некой леди просто все надоело. Жена известного бонвивана, недавно вернувшегося из Монте-Карло, отправилась к морю в компании с человеком,

которого в свое время бросила, чтобы выйти замуж за этого самого бонвивана. По всей видимости, мы вправе предсказать бракоразводный процесс, за которым через непродолжительное время последует свадебная церемония.

Я отшвырнула газету Майло:

– Какая мерзость.

– Полностью разделяю твои чувства.

– Интересно, как они узнали, что я именно на море. Только вчера уехала.

Майло пробежал глазами газетную заметку и приподнял брови.

– А я в самом деле бонвиван?

– Дорогой, это совсем не смешно.

– Я и не смеюсь, дорогая. Ты полагаешь, мне было весело, когда я увидел, какое вы тут с Трентом нашли применение лунному свету? – Майло посмотрел на меня взглядом, который можно было бы назвать совершенно неприличным, если бы он не был моим мужем и не имел полного права смотреть на меня как угодно неприлично. – Хотя его трудно винить. Ты так красива сегодня, Эймори.

Я постаралась не думать о том, когда он в последний раз смотрел на меня с таким страстным блеском в глазах.

– Майло, ей-богу, сегодня я неподходящая жертва для твоих чар. Ты проделал долгий путь, чтобы ткнуть меня носом в газетную сплетню? После всех гадостей, которые они пишут про тебя, странно, что такая мелочь вызвала твой интерес к моим делам.

– Делаю? Так их много? – сухо спросил Майло. – Значит, бедного Трента тоже водят за нос?

– Это утомительно, в конце концов. У меня был такой тяжелый день. Я ухожу. Спокойной ночи.

– Как он погиб?

Не столько сам вопрос, сколько тон, каким он был задан, заставил меня остановиться. Что-то в нем было еще помимо полного безразличия. Я обернулась.

– Его хватились перед чаем. Мы с Эммелиной отправились на поиски... Я увидела его вон оттуда. Он лежал на нижней террасе. – Я

подошла к Майло и зачем-то понизила голос. Не могу понять, почему я вдруг почувствовала потребность довериться ему. – Я думала, это несчастный случай, но инспектор, который был здесь сегодня, утверждает, что это убийство.

Крайняя степень изумления Майло выразилась в том, что он приподнял бровь.

– Убийство? – Уголки его губ дернулись, что должно было означать язвительную усмешку. – Ну, дорогая, похоже, эта морская прогулка принесет тебе больше, чем ты от нее ожидала.

* * *

Я боялась, после всего случившегося не сомкну глаз, но старая присказка про то, что сон милее отца и матери, лишней раз подтвердилась, и я проснулась, когда утреннее солнце пробивалось в комнату, и даже не могла вспомнить, как отключилась. Я приняла душ, надела относительно темное, шитое у портного платье с поясом изумрудно-зеленого цвета и спустилась к завтраку.

Из нашей компании в столовой почти никого не было. Лишь Хэмилтоны и Роджерсы, сидя за одним столом, беседовали приглушенными голосами. Компанию им составлял Лайонел Блейк, который, правда, особого участия в разговоре не принимал.

Джила я не увидела и решила, что он у Эммелины. Мне было очень тревожно за нее, особенно теперь, когда выяснилось, что причиной смерти Руперта стал не несчастный случай. Ближайшие несколько месяцев, но прежде всего ближайшие дни станут для нее тяжелым испытанием.

Майло, разумеется, не показывался. Даже напрягли самое необузданное воображение, его нельзя было назвать ранней пташкой, и он, конечно же, еще нежился в постели. Его комната располагалась на моем этаже, уж не знаю, случайно или нет.

Я села за отдельный стол, но поближе к остальным, чтобы не создавать впечатления, будто избегаю их общества. В отличие от вчерашнего утра я, не испытывал никакого голода, налила чаю, взяла тост и немного фруктов. Только я поднесла чашку ко рту, как ко мне

из-за соседнего столика перегнулась Анна Роджерс, положив руку на локоть.

– Вы видели Эммелину?

– Нет. А вы?

Она покачала головой, отчего ее платиновые локоны подпрыгнули.

– Джил говорит, она совсем плоха. По-моему, врач дал ей какое-то сильнодействующее средство.

– Надеюсь, она сегодня выйдет.

– Ужасная история, – покачала головой Анна. – Не могу поверить, что бедного Руперта больше нет. Его так все любили.

– Ну, положим, не все, – усмехнулся Хэмилтон. – Готов поспорить, Трент не рыдал ночью в подушку.

– Нельсон, – мягко упрекнула миссис Хэмилтон, – какие страшные вещи ты говоришь.

– Тем не менее верные, – оборвал ее Хэмилтон, но развивать эту тему не стал.

Даже если он знал, что за кошка пробежала между Джилом и Рупертом, то не собирался в настоящий момент этим делиться.

– Ничего этого не случилось бы, если бы они поставили нормальную ограду, – заметил мистер Роджерс. – По всей видимости, данное заведение пока не сталкивалось с обвинениями в преступной халатности. В случае если Эммелина – по прошествии приличествующего трауру срока, разумеется, – обратится ко мне с просьбой рассмотреть...

– О, Эдвард, – замахала на него вилкой жена, – не сейчас.

Роджерс явно рассердился на ее нестрогое внушение, но умолк. Нельсон Хэмилтон, перед тем как сунуть в рот половину яйца, громко хохотнул:

– Только бы не упустить работку, да, Эд?

Лариса Хэмилтон, все время разговора сохранявшая настороженное выражение, которое, как я поняла, было для нее естественно, негромко сказала:

– Я уверена, Нельсон, мистер Роджерс имел в виду не это.

– А что, вполне здравая мысль, – продолжил Хэмилтон, словно и не услышав жены. – Чистой воды халатность.

Значит, они не в курсе, что это убийство. Интересно, почему инспектор Джонс сказал об этом мне. В сложившейся ситуации я предпочла пока не предавать эту версию гласности и задумалась, кто еще мог знать о сложных отношениях между Джилом и Рупертом. Когда факт убийства станет известен, все быстро начнут соображать, у кого кроме них самих могла иметься причина разделаться с ним, и эту враждебность при желании можно будет истолковать именно как такую причину. Конечно, неприязнь еще не обязательно мотив для убийства. И тем не менее факт остается фактом: Руперт убит ударом в голову, который нанес кто-то, с кем он, возможно, повздорил на террасе.

Я ни на секунду не допускала, что это Джил. Но, как ни крути, если Джил был в такой ярости, что ударил Руперта, это могло произойти той ночью, когда они вели неличеприятный разговор под моим окном. Нет, я не могла представить, что он имел такие страшные последствия. Однако это не рассеивало моих страхов по поводу того, что подумают остальные. И вдруг меня осенило. Если бы мне удалось установить, что Руперт делал перед смертью, то с Джила можно будет снять подозрение. И тогда я избавлюсь от все усиливающегося чувства тревоги.

– А кто-то видел Руперта на террасе вчера после обеда? – как бы невзначай спросила я, вилокй гоняя по тарелке ломтик яблока.

– После пляжа я его не видела. Мы с Эдвардом завалились спать, правда, дорогой? – Анна Роджерс ослепительно улыбнулась мужу, и тот вспыхнул.

– Как я уже говорил, я его не видел, – поспешил вставить Хэмилтон, как будто защищаясь.

– Я видела его в холле, когда все возвращались с пляжа, – вдруг сообщила миссис Хэмилтон, покосилась на мужа и, словно опасаясь, что он не даст ей договорить, быстро закончила: – Он сказал, что условился с кем-то встретиться.

Любопытно. Вчера, я точно это помнила, она подтвердила вслед за мужем, что они Руперта не видели.

– Я... мне только сейчас это пришло в голову, – добавила Лариса, будто прочитав мои мысли.

Я задумалась. Скорее всего это Хэмилтон велел ей молчать.

– Я подумала, что они с Эммелиной собрались пить чай, – продолжила между тем Лариса, – но, может быть...

– Это, конечно же, ерунда, – резко оборвал ее Хэмилтон.

– Да, разумеется, ты прав, – откликнулась Лариса, но в ее обращенном на меня взгляде и я увидела немой вопрос.

Я решила поговорить с ней позже, когда поблизости не будет мужа.

– Насколько я знаю, ночью приехал ваш супруг, – послышался вдруг резкий голос Вероники Картер.

Я обернулась и увидела, что она, подойдя к столу, устремила на меня холодные голубые глаза.

– Да, совершенно неожиданно, – безразличным тоном ответила я.

Недобрая улыбка появилась на чуть слишком ярких губах Вероники, и мне показалось, глаза ее сверкнули.

– Как некстати.

Терпеть не могу грубости, но в этот момент я могла бы подобрать для мисс Картер пару-тройку метких словечек.

– Ваш муж? – переспросила Анна Роджерс. – А я думала... – Она осеклась, и повисло неловкое молчание.

– Так, значит, вы уедете? – Этот вопрос задал Лайонел Блейк, великодушно избавив меня от необходимости разъяснять свои семейные обстоятельства. До сих пор он не проронил ни слова, хотя слушал с явным интересом.

– Не знаю. А вы? – обратилась я ко всем.

Теперь мой вопрос вызвал неловкую паузу.

– Мы тоже не знаем, – промямлила наконец Анна Роджерс. – Звучит ужасно бесчувственно, но, пожалуй, мы останемся здесь до конца.

– Номера оплачены, – пожал плечами Роджерс, накалывая на вилку кусочек копченой рыбы.

– По-моему, это чудовищно, – негромко произнесла Лариса Хэмилтон. – Я бы хотела вернуться домой... Чем скорее, тем лучше.

– Глупости, Лариса. – Мне показалось, ее муж заговорил несколько громче, чем было необходимо, тем более что они сидели рядом. – Руперт был душой нашей компании. Он бы наверняка хотел, чтобы мы остались. Какой смысл укладывать пожитки и мчаться домой.

– Вероятно, Эммелина поедет с... ну, с телом, когда здесь все закончится, – сказала Анна Роджерс. – До похорон еще несколько дней, мы успеем вернуться в Лондон.

– Жизнь продолжается, а? – чуть ли не с вызовом сверкнул глазами Хэмилтон.

Вроде бы больше говорить было не о чем, и я встала из-за стола.

– С вашего разрешения, пойду приму аспирин. Голова разболелась.

Когда я выходила из столовой, мне очень хотелось думать, что, если бы беда случилась со мной, мои друзья печалились бы чуточку больше.

Глава 8

Некоторое время спустя я тихонько постучалась в комнату к Эммелине, и прежде чем дверь открылась, услышала негромкие голоса. В щель просунулась голова Джила.

– Привет, Эймори, – довольно прохладно поздоровался он.

– Привет, Джил, – ответила я так, будто этого не заметила. – Как Эммелина?

Он бросил быстрый взгляд через плечо в комнату.

– Не важно.

– Пусть она войдет, Джил, – послышался слабенький, потухший голос Эммелины.

Джил отворил дверь, и я прошла в темную комнату. Задернутые гардины не пропускали лучи солнца. Эммелина, белая как стена, с опухшими, красными от слез глазами, сидела на диване, закутавшись в одеяло. Я подседа к ней и взяла ее безжизненную, холодную руку. Джил уселся на соседнем стуле.

– Эммелина, мне так жаль, – произнесла я. – Я знаю, сейчас не найти слов, которые принесли бы тебе облегчение, но мне правда очень-очень жаль.

Ее глаза тут же наполнились слезами.

– Я не знаю, что мне делать, – прошептала она. – Я... я... не знаю, как без него жить...

Я стиснула ее руку.

– Не думай об этом, дорогая моя. Сосредоточься на том, чтобы вернуть силы. Живи пока одним днем. Больше ты сейчас ничего не можешь сделать.

Она покачала головой:

– Даже один день – это страшно много без Руперта. Я так его любила...

Слова потонули в рыданиях, сотрясших ее хрупкую фигуру. Я как могла попыталась ее утешить. Наконец плач утих, и Эммелина от утомления уснула. Встав с дивана, я укрыла ее одеялом.

– Бедная девочка. – Я только покачала головой и пошла к выходу.

Джил встал меня проводить. Посередине комнаты я неожиданно для себя самой остановилась.

– Джил... Мне нужно кое-что тебе сообщить.

– Да? – глухо откликнулся он.

Мне показалось, он слегка напрягся, будто бы готовясь услышать то, что слышать не хотел.

– О Руперте. Инспектор Джонс... короче, он говорит, что Руперта убили.

Произнося эти слова, я всматривалась в лицо Джила. Оно не искривилось, не дернулось. Он дважды быстро мигнул, словно не мог скрыть удивления.

– Он так сказал?

– Да.

– И он уверен в этом?

– Похоже на то.

– А что еще он говорил?

Джил задавал вопросы спокойно, но за его спокойствием я почувствовала нетерпение и почти пожалела, что завела этот разговор.

– Только то, что, перед тем как Руперт упал, кто-то ударил его по голове.

Джил опять сморгнул, даже немного вздрогнул.

– Инспектор кого-то подозревает?

Я замаялась. Нет, об этом Джонс не говорил. Он спрашивал меня про Джила, но если Джил об этом узнает, то может совершенно понапрасну запаниковать.

– Наверно, еще слишком рано, вряд ли он мог прийти к каким-то определенным выводам.

Джил резко выдохнул и пробормотал, точно разговаривая сам с собой:

– Он не может ничего знать наверняка.

Я нахмурилась. Вообще-то я ждала совсем другого. Я полагала, Джил будет потрясен, возможно, не поверит, примерно как я. А получилось, что я будто подтвердила его тайные мысли. Или так... или он что-то знает.

– Не говори Эммелине, – попросил Джил, оглянувшись на спящую сестру. – Ей и так слишком тяжело, не хватало еще плохих новостей.

– Рано или поздно она все равно узнает, – осторожно заметила я.

– Да, наверно, ты права... – Он замолчал и принялся рассеянно оглядывать комнату, словно задумался о чем-то совсем другом.

– За завтраком я спросила, может, кто-то что-то видел. Если со всеми поговорить, кто знает...

Джил внезапно впился в меня взглядом.

– Не надо, воздержись от расспросов.

– Но я только...

– Ничего хорошего из этого не выйдет. Поверь мне, Эймори.

Я удивилась такой резкой реакции.

– Джил, у тебя... Тебе что-то известно?

Он взял себя в руки и улыбнулся натужной улыбкой.

– Откуда мне может быть что-то известно? – Джилу почти удалось, чтобы этот риторический вопрос прозвучал нейтрально, буднично. – Я просто хотел сказать, что расследование неизбежно будет неприятным, и я бы очень не хотел, чтобы ты оказалась в нем замешана.

Джил говорил не все, далеко не все и явно не собирался распахивать мне душу.

– Наверно, ты прав, – кивнула я, надеясь, что тяжелый разговор окончен.

Джил Трент вздохнул с заметным облегчением, что смутило меня еще больше. Что же такого он не хочет говорить?

– Эймори, подожди. – Он остановил меня, придерживая за локоть. – Я... Мне нужно спросить. Что здесь делает Майло? Что он задумал?

– С Майло всегда все непонятно.

– Мне не нравится, что он здесь, тем более сейчас. – И Джил пристально посмотрел на меня.

– И как, по-твоему, я его отсюда выпровожу?

Все это начинало меня раздражать. Не я же позвала сюда Майло. Его появление было таким же неожиданным – и неприятным – для меня, как и для Джила. Он убрал руку.

– Прости. Я знаю, что ты тут ни при чем. Я просто...

На радужке у него проступили темные пятнышки, как бывало всегда, когда он волновался. И меня вдруг захлестнула волна нежности к Джилу и еще чувство вины за все, во что он из-за меня вляпался. Джилу плохо не из-за Майло – из-за меня. И поэтому я чувствовала себя так ужасно.

– Не надо, не объясняй ничего, Джил. Мы все сейчас на пределе. Я знаю, как ты относишься к Майло.

Он улыбнулся, и улыбка показалась искусственной.

– Все-таки он твой муж. Я ведь не имею права... относиться к нему так, как отношусь.

На мгновение наши глаза встретились. Мы стояли очень близко. Ощущая терпкий запах его одеколona, я подумала, что сейчас он снова попытается меня поцеловать. Но Джил, задев меня локтем, потянулся, громко щелкнув замком в тяжелой тишине комнаты, открыл дверь и еле слышно произнес:

– Лучше иди.

Я кивнула:

– Потом поговорим, Джил. Думаю, нам обоим есть что сказать друг другу, когда все немножко уляжется.

– Да.

Я вышла из комнаты Эммелины и на лифте спустилась в холл. Я не знала, куда идти, просто не хотела к себе – сидеть там и пережевывать одни и те же мысли. В голове моей их роилось столько, что было не до тихого уединения. Убийство, Майло, Джил – все перемешалось в огромный клубок.

Поведение Джила было загадкой – и это еще мягко сказано. Судя по его реакции на мои слова, он знает больше, чем говорит, по крайней мере догадывается о большем, и это вызывало тревогу. Его настоятельная просьба не совать нос в расследование лишь подкрепила мою решимость приняться за дело. Джил что-то сильно беспокоит, и, если он не доверяет мне, может, удастся сложить мозаику самой.

Столько всего надо обдумать... Мне вдруг захотелось ощутить морской бриз на лице и услышать шум волн. Прогулка по берегу наверняка принесет облегчение.

Двери лифта открылись, я, занятая своими мыслями, вышла в холл и, едва не упав в объятия инспектора, излишне поспешно отпрянула, понадеявшись лишь, что у Джонса не создастся впечатления, будто я его избегаю. Не хотелось бы наводить полицию на подобные мысли.

– Миссис Эймс, – в меру вежливо поздоровался Джонс. – Именно вы-то мне и нужны.

– Эймори, да ты пользуешься огромным успехом, – слышался у меня за спиной протяжный голос Майло.

Я обернулась к нему, ничуть не обрадовавшись, что он выбрал именно этот момент для появления.

– Привет, Майло.

– Привет, дорогая. – Он чмокнул меня в щеку, на мгновение замер и, потянувшись к моему уху, прошептал: – Ты пахнешь мужским одеколоном.

– Правда? Очень странно, – ответила я и снова обратилась к Джонсу: – Инспектор, это мой муж, Майло Эймс. Майло, следователь инспектор Джонс из Департамента уголовных расследований.

– Мистер Эймс. – Инспектор протянул руку, и Майло пожал ее.

– Всегда рад приятному знакомству с представителями органов правопорядка, – любезно улыбнулся Майло. – Сегодня о полиции столько говорят.

Его тон едва ли мог придать этим словам смысл комплимента.

– А я слышан о вас, – невозмутимо ответил инспектор Джонс. – Если не ошибаюсь, миссис Эймс говорила, что не ждала вас.

Уголки губ Майло насмешливо дернулись.

– Без сомнения, не ждала.

– Насколько я понимаю, вы хотели поговорить со мной наедине, – вставила я.

– Да, я просил бы вас о беседе с глазу на глаз, если вы будете так любезны. И если у вашего мужа это не вызовет возражений. – Инспектор взглянул на Майло тем же не слишком вопросительным взглядом, каким одарил Джилла, когда собирался беседовать со мной в первый раз.

Майло элегантно пожал плечами:

– Я начинаю привыкать к тому, что у моей жены своя жизнь.

– В самом деле... Хотя... – Инспектор замолчал и на секунду задумался. – Не вижу причин, почему бы вашему мужу не принять участия в разговоре. Может, пройдем в ту гостиную?

Я решительно не понимала, зачем инспектору понадобился Майло, но категорических возражений у меня не имелось. Поэтому единственным человеком, вовсе не горевшим желанием общаться с инспектором, был сам Майло. Убийство представляло для него минимальный интерес. Тем не менее он двинулся за нами в гостиную.

Джонс жестом предложил нам пройти в комнату, затем зашел сам и закрыл двери.

Я уселась на зеленый диван, а Майло с равнодушным видом опустил белое кресло. Лично мне гостиная сразу не понравилась: в моем представлении она вобрала в себя все очарование допросных, хотя я не особо хорошо знала, как они выглядят. Инспектор остался стоять.

– У меня к вам всего пара вопросов, миссис Эймс, – сказал он, доставая блокнот, и мне удалось рассмотреть листочки с пометками, выполненными энергичным, но аккуратным почерком. – Медицинский эксперт пришел к выводу, что мистер Хоу был убит между двенадцатью и четырьмя часами пополудни. Вы видели его вчера в этот промежуток времени?

Я покачала головой:

– Последний раз я видела его утром на пляже.

– В котором часу?

– В десять, может, в половине одиннадцатого.

– Были интересные разговоры?

Я задумалась.

– Нет, ничего такого, что навело бы на мысль о каких-то последствиях. Руперт был в воде. Я остановилась перемолвиться с Эммелиной, потом он к нам подошел, мы коротко поговорили, и я отправилась дальше.

– Что вы можете сказать о субботнем ужине?

– Мистер Хоу на нем присутствовал. Мы с ним говорили очень мало, станцевали всего один танец.

– И вам не показалось, что он был... встревожен?

– Вовсе нет. Руперт производил впечатление человека, полностью довольного собой.

– Что вы имеете в виду?

Вопросы инспектора становились все короче, а их тон все настойчивее. Я не поняла, следует ли придавать этому какое-то значение.

– Я имею в виду человека, у которого есть все, что душе угодно, и который считает, что все это причитается ему по праву.

Инспектор секунду помолчал, оторвавшись от блокнота и посмотрев на меня карими глазами. Я увидела в них одобрение, хотя,

может, мне только показалось.

– Почему вы решили посмотреть вниз, на террасу?

– Эммелина сказала, что они собирались пить там чай. Она решила, что, возможно, Руперт не стал дожидаться ее в холле, где они договорились встретиться, а уже спустился.

– Когда вы его увидели, он лежал лицом вверх?

– Я ведь стояла на самом верху. Не помню, чтобы видела лицо, просто распростертое тело.

– Но вы сразу поняли, что это именно Руперт Хоу. – Отлистав несколько страниц блокнота, инспектор сверился с ранее сделанными пометками. – Как утверждает управляющий, вы сказали, что Руперт Хоу упал со скалы.

– Прекрасная работа, инспектор, – сухо вставил Майло. Джонс перевел на него взгляд, и на мгновение я порадовалась, что мой муж обладает такой железобетонной невозмутимостью. – Еще чуть-чуть, и вы получите ее признание. Хотя если бы Эймори метила в чью-либо башку, то, несомненно, в мою. Я прав, дорогая?

– Майло, ей-богу...

– Я просто устанавливаю факты, – спокойно заметил инспектор Джонс. – По моему мнению, у миссис Эймс не было ни убедительного мотива, ни физической силы для убийства мистера Хоу.

– Как любезно, – огрызнулась я.

– И все-таки мне хотелось бы знать, как вы поняли, что на каменном полу террасы лежит именно Руперт Хоу.

Я попыталась вызвать в памяти ту злополучную террасу – зрелище, которое так старалась забыть. Значит, я перегнула через ограду...

– Теперь, когда вы спрашиваете, мне трудно сказать, почему я сразу это поняла. Может быть, я ожидала увидеть именно его.

– Что ж, логично. А вы приехали... в котором часу, мистер Эймс?

– О, моя очередь! – улыбнулся Майло. – Вечером, около девяти.

– Прямо из Лондона?

– Нет, из Кента, из нашего поместья.

– Каким поездом?

– Не помню. Во всяком случае, после обеда. Наверняка где-то валяется билет, если он вас интересует.

Инспектор черкнул что-то в блокноте.

– Отлично. Еще один маленький вопрос, миссис Эймс. Как вы думаете, у кого мог иметься мотив избавиться от мистера Хоу?

Мне показалось, я увидела во взгляде Джонса нетерпение, как будто он ждал конкретного ответа.

– Право, мне... – И опять я неожиданно и с неприятным чувством вспомнила подслушанный разговор Руперта с Джилом. Я убедила себя, что он не имел последствий. И тем не менее... Нет, решила я, не буду о нем рассказывать, по крайней мере пока не разберусь во всем сама. Это было бы непорядочно по отношению к Джилу. Оставалось только надеяться, что больше этого разговора не слышал никто. – Я решительно не представляю, кому из нашей компании могло понадобиться убивать мистера Хоу.

– Гостиница забита почти до отказа. – Майло еще раз переключил внимание представителя закона на себя. – Что, насколько понимаю, дает вам энное количество подозреваемых – куда больше, чем в детективных романах.

На лице инспектора показалась скупая улыбка.

– Я полагаю, крайне маловероятно, чтобы совершенный незнакомец взял на себя труд – как вы сказали? – метить в башку Руперта Хоу. Нам не удалось установить никаких его связей с постояльцами «Брайтуэлла», кроме вашей компании. Так что, по всей видимости, это кто-то из знакомых.

– Вы уверены, что это был не несчастный случай? – спросила я, догадываясь, что вопрос совершенно праздный. Уж чего-чего, а деловой хватки у инспектора Джонса не отнять.

– Боюсь, тут даже нечего обсуждать, миссис Эймс. Мистеру Хоу, вне всяких сомнений, был нанесен удар тупым предметом. Медицинский эксперт убежден, что такого рода травму не могло причинить падение. Завтра мы проводим дознание. Вы дадите показания?

– Никаких особых показаний я дать не могу, инспектор. Тем не менее буду рада рассказать то, что знаю.

– Очень хорошо, – кивнул Джонс. – Тогда до завтра.

– Да. – Я встала. – Если это все, думаю, пойду подышу свежим воздухом.

– Вы собираетесь на прогулку? – спросил инспектор. – После всего, что случилось, наверно, будет лучше, если мистер Эймс

составит вам компанию.

– Не стоит его беспокоить, – сказала я, коротко взглянув на Майло. – Для разного рода физической активности ему еще рановато.

– Глупости, – не моргнув глазом, отозвался Майло. – Во исполнение рыцарского долга я вполне готов к любого рода физической активности.

– Сомневаюсь, что мне понадобится твоя галантная защита, но, если хочешь, пойдём.

Я двинулась к двери, и Майло не спеша поднялся с места.

– Приятно было познакомиться, инспектор, – произнес он. – Весьма назидательная беседа.

– Полностью с вами согласен, мистер Эймс, – отозвался инспектор. – Надеюсь, вам здесь понравится.

– Ну, конечно, это не Лазурный берег, не так ли? Но, осмелюсь предположить, и здесь найдутся кое-какие развлечения.

– Не сомневаюсь. – Инспектор перевел задумчивый взгляд на меня и затем обратно на Майло. – Что ж, всего хорошего, мистер Эймс. Миссис Эймс.

– Симпатяга, – заметил Майло, когда инспектор удалился, конечно же, на поиски дальнейших жертв своих следственных действий.

Джонс, надо признать, отлично умел сбивать с толку. Правда, это скорее ценное качество для человека, выполняющего его работу.

– Весьма шустрый полицейский, мне кажется, – откликнулась я.

И умный, как я могла убедиться. Что-то он нащупал, этот инспектор Джонс, что-то подозревал и пытался подтвердить свои догадки. Мысль почему-то была не из приятных. Я снова вспомнила разговор Джила с Рупертом. Подключив воображение, пожалуй, можно увидеть в нем угрозу со стороны Джила, и это беспокоило меня не на шутку. Не то что я хоть на секунду допускала мысль, что Джил способен на убийство. Просто если я стала его невольной свидетельницей, то другие тоже могли, а они, возможно, истолкуют слова Джила несколько иначе, чем я.

Может, именно это тревожило его сегодня в комнате Эммелины? Но мне почему-то показалось, на то имелись более серьезные причины. И мне так захотелось, причем уже не в первый раз после приезда в «Брайтуэлл», чтобы Джил мне открылся. Хотя, конечно, я давно потеряла право на его доверие. Это, однако, не означало, что я

вообще ничего не могу. Может, стоит еще поговорить с людьми, может, у кого-то есть предположения о том, что случилось. Даже если никто ничего не видел, вдруг какие-то догадки... или тайные мотивы.

– Мне нужно переодеться, – объявил Майло.

– Прости?

– Прежде чем мы отправимся на берег, мне нужно снять вот это.

Синий костюм превосходно сидел на Майло, но был бы весьма неуместен на пляже.

– Ни на какой берег мы не пойдем, – сказала я.

– Вот как?

– Вот так. Я передумала.

– Замечательно. Значит, я свободен?

Нечто неуловимое в его голосе дало мне понять, что ему не терпится уйти. Как морской отлив, который вечно утаскивал его от меня. Спокойное море с сильными подводными течениями. Я чуть не рассмеялась этому абсурдному сравнению. Если бы Майло мог подслушать мои мысли, он бы, несомненно, проехался на этот счет.

– Да, иди, – непринужденно кивнула я в унисон его вечной невесомости и двинулась в сторону террасы глотнуть свежего воздуха.

– Эймори...

Я обернулась.

– Прежде чем уйти, можно сначала предложить тебе дельный совет? В качестве заботливого мужа, так сказать.

– Какой?

Неужели он может посоветовать что-то полезное, подумала я и почему-то понадеялась, что может. Майло подошел ко мне, в его глазах блеснуло лукавство. И прежде чем он заговорил, я поняла, что он опять валяет дурака.

– Боюсь, этот запах – ну, этот, что на тебе, – никуда не годится. Твоя обычная гардения подходит тебе куда больше.

Глава 9

На улице мне в лицо ударил теплый соленый воздух, который, конечно же, развеет приставший одеколон Джила. Я постояла некоторое время, не сводя глаз с расстелившегося моря и стараясь отогнать ощущение неудовлетворения после встречи с Майло.

Терраса, как и накануне утром, была почти пуста, большинство постояльцев спустились на пляж. И снова Лариса Хэмилтон сидела в одиночестве с чашкой чая, устремив почти испуганный взгляд на воду. Поскольку рядом не было ее разговорчивого мужа, я подумала, это самый подходящий момент спросить ее, что же там говорил Руперт о какой-то встрече.

– Добрый день, миссис Хэмилтон.

Она отвела взгляд от моря и посмотрела на меня.

– Добрый день.

Я кивнула на стул, что стоял наискосок от нее.

– Можно присесть?

Без малейшего колебания она любезно кивнула:

– Разумеется.

Когда я села, Лариса огляделась, вероятно, опасаясь, как бы нас не увидел ее муж. С момента знакомства становилось понятно, что он – просто нестерпимый хам. Интересно, подумала я, обязательно ли хамство на людях означает грубость у домашнего очага.

– Как сегодня красиво, – сказала я, глядя на волны.

Странно, море всегда дает ощущение чистоты и ясности, даже в самых, казалось бы, нестерпимых обстоятельствах. Однако Лариса Хэмилтон была другого мнения.

– Если честно, меня не особенно привлекает. – Она слабо улыбнулась, но взгляд стал теплее. – Я выросла среди лесов и холмов Дербишира. Равнинные, открытые пространства мне не близки.

Любопытно, подумала я, зачем же она тогда часами сидит на террасе, уставившись на бескрайнюю морскую гладь?

– Я всего один раз была в Дербишире, в детстве, – призналась я. – Лучше всего помню зелень, звенящую зелень, куда ни кинешь взгляд.

Она улыбнулась, и я впервые увидела на ее лице искреннюю улыбку.

– Там чудесно. Для меня нет места дороже. – Лариса Хэмилтон опять посмотрела на горизонт, и улыбка ее угасла. – Здесь так все непохоже на мои родные места. Я всегда ненавидела море... с самого детства.

– Однако тут так славно на минутку передохнуть, особенно после того, что случилось.

– Да, все это ужасно.

– Вы хорошо знали Руперта Хоу?

Лариса покачала головой:

– Нет. Скорее знакомый знакомых. Мы с мужем довольно часто бывали в компании, но я... это не была близкая дружба. – Она снова взглянула на воду. – Мне очень жаль Эммелину.

– А вы знаете, как они познакомились?

– Кажется, Эммелина говорила, в Лондоне, в каком-то театре. Не помню подробностей... Вроде бы Руперт отвадил человека, пожиравшего ее глазами. По-моему, было бы лучше, если бы у них не случилось романа. – На лице Ларисы вдруг проступила печаль. – Наверно, мне не следовало этого говорить.

– Вы были не очень высокого о нем мнения?

– Нехорошо плохо говорить о мертвых, – ответила она, и я поняла, что вопрос закрыт, по крайней мере в данный момент.

– А вы беседовали с инспектором, который тут все разнохивает? – попыталась я сменить тему.

Лариса моргнула, но не отвела взгляда от воды.

– Да, он задал мне пару вопросов.

– Вы сказали ему то, о чем упомянули за завтраком? Что Руперт говорил, будто условился с кем-то о встрече?

– Да, сказала. – Внезапно, когда мы встретились глазами, я увидела в ее взгляде нечто для меня неожиданное – решимость. Вопреки внешней слабости, в Ларисе таилась подспудная сила, о которой я до этой минуты не подозревала. – Нельсон терпеть не может никуда впутываться. Он бы предпочел, чтобы все вели себя так, будто ничего не произошло... Но мне показалось, неправильно было бы умолчать об этом в разговоре с инспектором.

– Конечно. Думаю, это лучшее, что вы могли сделать.

Я прекрасно поняла, что имела в виду Лариса Хэмилтон. Мне тоже было нелегко после случившегося продолжать жить как ни в чем

не бывало.

– Но он, похоже, не придавал этому особого значения.

Я ринулась напролом:

– А что точно говорил Руперт?

– Что он договорился с кем-то встретиться на террасе. Так, мимоходом. Речь шла, я уверена, о том, чтобы выпить чаю с Эммелиной.

– Возможно.

– По крайней мере, точно помню, что тогда я так решила... что он имеет в виду Эммелину. По-моему, он это даже говорил. Ах, если бы вспомнить точно...

Поразмыслив, я решила, что лучше будет сказать Ларисе правду. Тогда я увижу ее первую, подлинную реакцию, она не успеет ее скрыть. Я чуть пригнулась, надеясь, что мне удалось принять заговорщический вид.

– Инспектор убежден, что это не несчастный случай. Понимаете, он считает, что это убийство.

Лариса Хэмилтон посмотрела на меня взглядом, не поддававшимся истолкованию. Страх?

– Убийство? Не может быть.

– Я говорила ему то же самое, но он непоколебим.

– Какой, однако, дурацкий способ убийства, – заметила Лариса с отсутствующим видом.

– Однако вполне эффективный.

Я обратила внимание, что Лариса не задалась вопросом, а кто, собственно, мог убить Руперта. Интересно, кого она подозревает? Был только один способ это выяснить.

– Как вы думаете, кто мог это сделать?

– Не рискну строить догадки, – осторожно ответила Лариса, но что-то в ее голосе придавало мне уверенности, что, если чуть-чуть надавить, она скажет.

– Но подозрения-то всегда есть, правда?

Лариса задумалась, видимо, над тем, как ответить, и когда начала говорить, стало заметно ее смятение. Внутренняя сила, обнаружившаяся всего несколько минут назад, снова уступила место неуверенности.

– Я... Мне подумалось, что, может, это не несчастный случай... Я хочу сказать, не в полном смысле слова... Если он с кем-то поссорился и...

– Да? – не отступала я.

Миссис Хэмилтон вроде бы наконец решилась, однако в этот момент из дверей ее грубо окликнул муж:

– Лариса!

Она вздрогнула и быстро встала.

– Иду, дорогой.

Уходя, она стиснула мне локоть ледяной рукой – я почувствовала это даже через рукав – и тихо, так что я с трудом расслышала голос за шумом ветра, прошептала:

– Я не знаю, кто его убил, миссис Эймс, но меня не удивляет, что это убийство. Нисколько.

Проведя эту беседу, точнее, отложив ее до лучших времен, я задумалась, что же делать дальше. Кто на очереди? Я все еще не знала толком, какую, собственно, роль во всей этой истории собираюсь играть. Моя врожденная практичность и представления о хороших манерах, отшлифованные за долгие годы, я проведенные в строгих пансионах, были за то, чтобы прислушаться к совету Джила и предоставить дело полиции. Но интуиция нашептывала, что нас ждет еще немало бед и потому целесообразнее перейти к наступательным действиям. Хорошо бы выяснить, что думают остальные члены нашей компании. На худой конец, если мне удастся узнать что-нибудь интересное, я смогу сообщить об этом инспектору, когда он в очередной раз явится сюда на поиски добычи.

Вернувшись в холл, я первым делом увидела Лайонела Блейка, что избавило меня от мучительных размышлений, к кому бы пристать.

– Я собираюсь в деревню, миссис Эймс, – сказал он, когда мы поздоровались. – Может, у вас будут какие-то поручения?

Решение созрело мгновенно. Прекрасная возможность воплотить в жизнь мои следственные намерения!

– А можно мне с вами?

Лайонел улыбнулся:

– Конечно. Буду счастлив, если вы составите мне компанию.

– Я только быстро сбегаю за сумкой.

Поднявшись в комнату, я взяла сумочку и легкий жакет. Вдалеке собирались облака, и, по всей видимости, скоро пойдет дождь. Выходя с территории гостиницы, я несколько опасалась, что на нас набросятся журналисты, но, наверно, отсутствие дальнейших сенсаций в сочетании с усилиями полиции погасили их интерес к «Брайтуэллу». Мы беспрепятственно прошли к предоставленному гостиницей автомобилю.

Когда он медленно спускался с холма к деревне, я улучила момент и рассмотрела Лайонела Блейка как следует. Вблизи он выглядел так же привлекательно, как и на расстоянии, – по-моему, редкость для актера. Его красоту можно было назвать непринужденной, уверенной в себе, но не высокомерной. В Блейке не ощущалось того бахвальства, зазнайства, которые я со временем привыкла связывать с представителями театрального мира. Конечно, без штампов тут не обошлось, но мне довелось познакомиться с немалым числом людей из актерской среды, и многие из них обладали именно этими печально известными качествами.

– Как хорошо ненадолго уехать из гостиницы, – сказала я наконец, нарушая такое легкое молчание. – Особенно после ужасной смерти Руперта.

Не самый тонкий заход, но я чувствовала: в данной ситуации то, что надо.

– Да, бедный Руперт, – отозвался Блейк. – Для всех нас, наверно, эта история стала страшным ударом.

– Вы ведь были друзьями? Вам, видимо, особенно тяжело.

– Да, мы дружили, хотя я бы не сказал, что очень тесно. С Рупертом непросто было наладить близкие отношения.

– Как это?

Блейк помедлил.

– Думаю, лучше всего объяснить так: никогда нельзя было сказать, нравится ему человек или нет. Он всегда был дружелюбен, возможно, это было искренне, а возможно, наигранно. – Блейк улыбнулся, как мне показалось, немного печально. – Но я бы не хотел плохо говорить о мертвом.

Просто поразительно, сколько людей считает нужным оговориться подобным образом, прежде чем отрицательно высказаться о Руперте Хоу.

– Вы и не говорили о нем плохо. Я вовсе не собиралась лезть в чужие дела. Просто интересно. Странно, когда такое случается, хочется понять человека, узнать его лучше... когда уже слишком поздно.

– Болезненный, я бы сказал, интерес.

– Возможно. Мне так жаль Эммелину. Она просто убита.

– Надеюсь, она скоро придет в себя. Мисс Трент молода, ее снова посетит любовь.

Суждение вполне практичное и скорее всего верное, но меня несколько удивило, с какой небрежностью Лайонел Блейк отмахнулся от любви Эммелины к Руперту.

– Некоторые утверждают, что по-настоящему любить можно только один раз, – как можно аккуратнее сказала я.

Блейк взглянул на меня с сомнением.

– Некоторые любят по многу раз, – заметил он, и я сразу поняла, о чем речь.

– Вы имеете в виду Руперта? Да, кажется, у него было немало женщин. – Я подбиралась осторожно.

Блейк неопределенно пожал плечами:

– Всякое говорят.

Раз уж я слышала об Оливии Хендерсон, то, наверно, это известно всем. Значит, были и другие? Блейку, судя по всему, не очень хотелось поднимать эту тему, и я, опасаясь, что подобный вопрос будет крайне неприличным, зашла с другой стороны.

– Когда мы с Эммелиной вышли искать Руперта, вы как раз были на террасе и сказали, что не видели его. Вы долго там сидели?

Блейк снова посмотрел на меня своими странными зелеными глазами.

– Вы прямо как полицейский инспектор.

– О господи! – рассмеялась я.

Блейк улыбнулся, но больше ничего не сказал. Машина остановилась на краю деревни. Лайонел вышел и, открыв мне дверцу, спросил:

– Когда поедем обратно?

От меня не укрылся тот факт, что он мне так и не ответил. Поскольку Блейк держался вполне приветливо, мне показалось

странным, что он игнорирует самые невинные вопросы. Эта уклончивость его манер наводила на подозрения.

– Я вас не задержу, – ответила я. – На самом деле мне ничего особенного в деревне не нужно. Просто хотелось на какое-то время уехать из гостиницы.

– Так вы пойдете со мной?

– С удовольствием. – Я двинулась следом за ним. – А куда мы идем?

– Тут недалеко маленький театр. – Блейк кивнул на улицу, отходившую от главной дороги. – Мне говорили, идеальное место для небольшой постановки.

Мы пошли в направлении, указанном Блейком. Деревня была довольно большая и явно процветала за счет отдыхающих. Мы миновали обязательные мясную лавку, почту, аптеку, а также магазинчики, призванные привлечь интерес туристов. Улица была запружена людьми, и в целом деревня оставляла впечатление деятельного досуга.

– А какого рода постановку вы планируете? – спросила я.

– Мой друг, попечитель нашего театра, думает организовать с нашей пьесой гастрольный тур. Он решил, что курорты годятся для этой цели, и попросил меня осмотреться. В гостинице мне сказали, что местный театрик вполне подойдет.

Шли мы не торопясь. Несмотря на собиравшиеся вдали облака, день был приятный, с моря дул легкий ветер. Дом, который искал Блейк, располагался довольно далеко от центра, и по мере того как мы приближались к нему, гул деревенской жизни затихал. Скоро показался и сам театр; его трудно было назвать импозантным, скорее он напоминал заброшенную фабрику – большое квадратное здание с минимальным количеством окон, закрытых деревянными ставнями. Вокруг все заросло травой, которую никто не косил. Мы остановились.

– Это он?

– Да. Не самое удачное расположение, правда? Мне сказали, что во время войны здесь был какой-то завод. Некий местный филантроп решил отремонтировать его на благо родной деревни. Похоже, жители невысоко оценили его усилия.

Блейк подошел ко входу и подергал дверь:

– Заперто.

– Смотритель, конечно же, где-то неподалеку.

Я поискала глазами флигель или коттедж, но ближайшими зданиями были уже собственно деревенские дома.

– Да, вероятно, вы правы. – Блейк сделал несколько шагов назад и задрал голову, осматривая здание. – Придется найти сведущего человека.

– Нам наверняка скажут в деревне.

– Тогда, пожалуй, не стоит тянуть. – Блейк вернулся ко мне и кивнул в сторону деревни. – Пойдемте?

Мы двинулись обратно. Похоже, мне не просто почудилось, Лайонел Блейк в самом деле был сильно чем-то озабочен.

– Полагаете, здание можно будет порекомендовать вашему попечителю? – легко спросила я.

– Зависит от ряда обстоятельств, – туманно ответил Блейк.

– Странный театр. Как бы не вышло так, что ваш друг прогорит.

Блейк вдруг резко остановился и повернулся ко мне.

– Если честно, его финансовые дела сейчас обстоят не блестяще. Он рассчитывал на хорошее место... Ему это в самом деле очень нужно. Он прикинул, что недорогая, но выгодная площадка поможет ему выпутаться. Однако я был бы вам признателен, если бы вы никому об этом не рассказывали.

– Разумеется.

Пройдя деревню, мы подошли к автомобилю в тот момент, когда начал накрапывать легкий дождь.

– Я так и думала, что пойдет дождь, – сказала я, когда Лайонел уселся на сиденье и закрыл дверцу.

– Да, боюсь, надвигается ненастье, – отозвался Блейк, глядя в окно. – Надеюсь, ненадолго. Мне не улыбается безвылазно торчать в этой гостинице в компании Хэмилтонов и Роджерсов.

– Да, – вздохнула я, – не самая заманчивая перспектива.

Вернувшись в «Брайтуэлл», я мечтала ненадолго подняться к себе и передохнуть перед ужином. Мизерные результаты нескольких часов расследования немало меня обескуражили. Лайонел Блейк, конечно, очаровательный попутчик, однако то, что мне удалось из него вытянуть, не особенно приблизило разгадку убийства Руперта Хоу. Но ведь должен же кто-то что-то знать. Я утешилась тем, что за ужином

мне представится возможность задать за общим столом пару ненавязчивых вопросов.

В холле я наткнулась на Роджерсов. Мистер Роджерс читал «Таймс», а Анна листала последний номер «Вог». Несмотря на то, что я наблюдала за этой парой уже довольно продолжительное время, меня все еще поражал контраст между супругами. Они были такие разные, и тем не менее их отношения казались прочными; казалось, они действительно жили друг для друга. Может, правду говорят и противоположности сходятся? Поскольку Блейк поведал мне не очень много, я понадеялась от Роджерсов узнать чуть больше.

– Добрый день, – поздоровалась я.

Оба вскинули головы, и мистер Роджерс стал подниматься со стула.

– Пожалуйста, сидите, – быстро сказала я. – Не хотела вам мешать. Просто подошла поздороваться.

– Кажется, зарядил дождь, – заметил мистер Роджерс, дабы поддержать вежливый разговор, прежде чем снова уткнуться в газету.

Миссис Роджерс, похоже, не прочь была немножко поболтать.

– Вы уже вернулись? – спросила она.

Ручаюсь, ей было страшно интересно, куда я ездила. Хотя мои новые знакомые были достаточно хорошо воспитаны, чтобы скрывать это, я знала: мои не вполне канонические отношения с Джилом и Майло вызвали немало пересудов.

– Да, прокатилась с мистером Блейком в деревню ненадолго сменить обстановку.

– Лайонел такая душка. И красавец, правда?

Муж не удостоил вниманием ее наблюдение. Его вообще было не оторвать от газетной полосы.

– Да, очень милый, – подтвердила я.

– Здесь на этот раз так много красивых мужчин, – продолжила миссис Роджерс.

Последние слова были скорее всего камушком в огород мужа. Может быть, она его так дразнила. И вдруг я поняла, что, хотя миссис Роджерс и нравится привлекать к себе внимание разнообразных красавцев, по большому счету, она любит мужа.

– Должна признаться, не думала об этом, – пролепетала я.

Анна рассмеялась:

– Вы, видимо, уже привыкли к своему мужу, но всем остальным он просто радует глаз.

– Право, Анна, – заметил мистер Роджерс, сложив газету и строго посмотрев на жену, – полагаю, не вполне прилично так говорить.

– Я лишь хотела сделать комплимент, – с невинным видом откликнулась миссис Роджерс, но в ее голосе я услышала торжество – ей таки удалось оторвать мужа от газеты.

– Все в порядке, – улыбнулась я и обратилась к мистери Роджерсу, надеясь придать беседе больше содержательности: – Что-нибудь интересное в «Таймс»?

– Да все как всегда. Опять американские летчики, Амелия Эрхарт, растущая безработица, куча политики и множество смертей. Я надеялся избавиться здесь хотя бы от двух последних, но, похоже, просчитался.

– Бедный мистер Хоу, – вздохнула я. – Вы были с ним близки?

Не самый плавный переход, но, кажется, супруги ничего не заметили.

– Я бы так не сказал, – без выражения ответил мистер Роджерс.

– Мы приехали скорее за компанию с Нельсоном и Ларисой, – добавила Анна. – С ними мы знакомы уже несколько лет, с их свадьбы.

– Так Трентов и мистера Хоу вы знаете не так долго?

– Нет, хотя время от времени мы, конечно, встречались. Джил душка, а Эммелина просто чудное создание. Такая милая, спокойная девушка, но ее так... закрутил Руперт. – Анна замялась, но все же договорила: – Руперт был очень красив и очарователен к тому же. Думаю, она просто не могла в него не влюбиться. Можете себе представить, что это было.

– Вполне. – Я еще как могла себе представить.

– Руперт всегда был очень обходителен, с этим не поспоришь, – произнесла Анна с каким-то вызовом, как будто я ждала, что она скажет что-нибудь плохое.

– Мне очень жаль Эммелину, – тянула я разговор.

Миссис Роджерс снова на мгновение замялась.

– Да, полагаю, сердце ее разбито вдребезги.

– Но она так молода, – просто чтобы не обрывать беседу, подхватила я аргумент Блейка. – Надеюсь, она со временем кого-

нибудь полюбит и забудет этот кошмар. Любовь почему-то помогает забывать прошлое.

Тут мистер Роджерс вдруг поднял на меня неожиданно лукавый взгляд.

– Думаю, вы совершенно правы, миссис Эймс.

Я чуть не пропустила столь тонкий намек. Анна слегка погладила мужа по ноге. Это был знак, и Эдвард Роджерс тут же снова уткнулся в газету.

– Конечно, мы все желаем Эммелине только счастья, – сказала Анна, широко улыбнувшись, и я поняла, что разговор окончен.

– Что ж, пойду переоденусь к ужину, – закруглилась я, не желая быть непрошеным гостем. – Увидимся?

– Разумеется! Было приятно поболтать с вами, миссис Эймс.

Я простилась с ними и пошла к лифту, думая, что мог означать весь этот разговор. Мистер Роджерс, несомненно, хотел что-то дать понять, но жена не позволила ему объясниться. Странно. Куда бы я ни ткнулась, все что-то скрывают.

Я вошла в лифт и, когда двери закрылись, с облегчением вздохнула, что можно просто помолчать. Честно говоря, мне совершенно не хотелось одеваться и проводить вечер с этими скучными людьми. Вероятно, как и все, я могла держаться под давлением необходимости, но это убийство потрясло меня больше, чем хотелось признаваться себе самой.

Я всегда гордилась собственной независимостью, но сейчас мне очень хотелось, чтобы рядом оказался человек, с которым можно было бы поговорить и разделить все тревоги. Именно в такие минуты я острее всего чувствовала бесплодность своего брака. В вихре первой влюбленности я самым жалким образом не приняла во внимание, что жизненные штормы требуют более прочного материала, чем необременительные нежности и остроумные подначки.

По своему обыкновению, мрачные мысли я отложила до лучших времен и, перестав размышлять о том, чего мне не хватает, занялась тем, что имею. Все-таки моим уделом не было полное одиночество. Я уже давным-давно задолжала с письмом кузине Лорел, моей ближайшей подруге, которой поверяла все тайны, однако в настоящий момент мне просто не хватало душевных сил его написать.

Двери лифта открылись, и я вышла на лестницу, чуть не столкнувшись с Вероникой Картер. Мы обменялись прохладным приветствием. Меня всегда изумляло, как между двумя женщинами совершенно без повода – или почти без повода – может возникнуть взаимная неприязнь. Возможно, я необъективна, но в мисс Картер было что-то отталкивающее. Мне казалось, что ее пресыщенный взгляд и поджатые губы излучают прямо-таки ледяное презрение. В остальном же она, надо сказать, была довольно хорошенькая. Пока я осматривала ее, Вероника проделала то же самое со мной, и, очевидно, я понравилась ей еще меньше, чем она мне.

– У вас совершенно измученный вид, миссис Эймс, – с притворным сочувствием произнесла мисс Картер. – Наверно, то, что именно вы увидели Руперта, вас совсем подкосило.

– Это был тяжелый удар, – отозвалась я.

– Очень грустно, правда. Он был такой заводной. Боюсь, мне будет его не хватать.

– Вы тесно дружили?

– Не так, как мне бы того хотелось, – сказала Вероника, и я не поняла, имелся ли в этих ее словах дополнительный смысл. – Я познакомилась с ним раньше, чем Эммелина, и всегда считала обворожительным, но мы вращались в разных кругах.

– О, так вы знаете его дольше, чем Эммелину, – как бы мельком уточнила я.

Вероника вздохнула так, будто я запытала ее своими вопросами, но все-таки ответила:

– Нет, мы с Эммелиной вместе учились в школе. И с Оливией Хендерсон, кстати, тоже. Поэтому мы с Оливией и решили поехать сюда, узнав, что будут Тренты и Руперт.

– Ах, вот оно что. Интересно, как это все друг друга знают.

Увлечшись разговором, мисс Картер немного оживилась, хотя до воодушевления было далеко – но иного я и не ожидала.

– По-моему, у Трентов какие-то дела с Хэмилтонами, поэтому он и поехал. Бедный Нельсон, изо всех сил карабкается вверх. Еще не хватало с ним дружить. По-моему, он просто ужасен, даже слов не хватает. – Значит, у нас с ней все-таки есть нечто общее. – Кажется, Роджерс водит дружбу с Хэмилтоном, поэтому тоже притащился сюда. – Это совпадало с тем, что мне говорили супруги Роджерсы. – А

Лайонела мы где-то подцепили пару месяцев назад. Он оказался таким лапочкой, и, решив отправиться сюда, мы пригласили его поехать вместе с нами. Все думали, что будет очень весело. Кто же мог такое вообразить? – Вероника с презрительным видом сделала круг рукой.

– Особенно тяжело Эммелине, – вставила я.

– Да, я еще успела пару раз зайти к ней, а потом Джил практически ее изолировал.

– Кажется, врачи дают ей успокоительное.

Фарфорово-синие глаза мисс Картер излучали полнейшее равнодушие.

– Да? Ну что ж, наверно, поможет. Хотя здесь такая тоска... Мне будто самой дали успокоительное. Последние дни почти не нужно было снотворное. – Взгляд ее вдруг оживился. – Пока не появился ваш обворожительный муж. Я и забыла, как с ним весело.

– Да, он просто чудо.

И снова, поскольку я не попала на крючок, улыбка мисс Картер увяла.

– В любом случае, – поморщилась она, – смерть Руперта перечеркнула всю неделю. Лучше бы я не приезжала.

Какая невоспитанность с его стороны испортить вам все удовольствие, хотелось мне сказать.

– Не знаю, что он мог там делать, перед тем как упал. Он, конечно же, поскользнулся и оступился, – продолжала между тем Вероника, рассеянно разглядывая свои кроваво-красные ногти.

Я решила провести еще один небольшой эксперимент с реакцией на удивление.

– О, так вы не слышали? – как бы невзначай спросила я. – Инспектор говорит, что это убийство.

В глазах Вероники на долю секунды что-то мелькнуло – удивление или... страх? Затем маска безразличия снова вернулась на свое законное место. Почти так же отреагировала миссис Хэмилтон на террасе – молниеносная тревога, которую та тоже моментально скрыла. Может, обе знают что-то, о чем им не очень хочется говорить?

– Убийство? Не понимаю, как это возможно. Кому понадобилось убивать Руперта?

– Полагаю, следователь инспектор Джонс дорого бы заплатил, чтобы это узнать.

– Что ж, приятно было поболтать, – небрежно бросила Вероника, пригладив блестящие рыжие волосы, – но, боюсь, пора переодеваться к ужину.

– Разумеется.

Вероника Картер уехала на лифте, а я только у своего номера задумалась, что она, собственно, тут делала, если ее комната находится на другом этаже.

Глава 10

Несмотря на прибавление в компании, ужин прошел как обычно. Майло сел за мой стол и разыгрывал заботливого мужа, хотя разговаривать нам было особо не о чем. Вероника Картер уселась напротив и при любой возможности вовлекала его в разговор. Он в самом деле вызывал ее неподдельное воодушевление. Джил к ужину не вышел, и я начинала беспокоиться о нем не меньше, чем об Эммелине. Мистер Хэмилтон прикладывал недюжинные усилия, чтобы развлечь меня.

– Вы сногсшибательны сегодня вечером, миссис Эймс, – заявил он, окинув меня довольно откровенным взглядом.

Шелковое платье цвета слоновой кости с угловым вырезом было довольно скромным, но Хэмилтон будто смотрел сквозь ткань.

– Благодарю вас, – ответила я, выдавив из себя максимум вежливости.

– Я уже подумываю умыкнуть вас у мужа, – продолжил он, театрально понизив голос. Ларису эти намерения, похоже, привели в такой же восторг, как и меня. – Надеюсь, мистер Эймс не слишком ревнив. – Нельсон заговорил громче, получая удовольствие от того, что привлек всеобщее внимание.

– Нисколько, – отозвался Майло, разрезая мясо, и улыбнулся Хэмилтону. – Я женился на Эймори из-за ее денег. А она вышла за меня из-за моих.

Хэмилтон расхохотался.

– Стало быть, насколько я могу судить, вас обоих не постигло разочарование. Правильно, так и надо. Лариса, – он махнул вилкой в сторону сидевшей рядом с ним жены, – тоже вышла за меня из-за денег, но она бы ни за что в этом не призналась.

– Нельсон! – прошипела Лариса, заливаясь пунцовым румянцем. – Я не...

– Конечно, она была тогда красавица, – продолжал Хэмилтон, не замечая, а точнее, игнорируя отчаяние жены. – Так что цену нельзя назвать завышенной.

Услышав эту чудовищную эскападу, я невольно стиснула зубы. Бедная Лариса, казалось, вот-вот разрыдается.

– Чем вы занимаетесь, мистер Хэмилтон? – спросил Майло, меняя тему.

Молодец Майло. Я прекрасно знала, что род занятий Нельсона так же интересен моему мужу, как мне стоматологический анамнез Вероники Картер.

– Если угодно, я всем обязан самому себе, – надулся индюком Хэмилтон.

Переключившись на собственную персону, он забыл о женьшеньке, и румянец Ларисы постепенно уступил место обычной бледности. Когда разговор получил новое направление, все, по-моему, вздохнули с облегчением. Анна Роджерс, пытаясь скрыть хмурое неодобрение – правда, без особого успеха, – оживленно заговорила с миссис Хэмилтон. Я никак не могла понять, какие отношения связывают этих двух женщин. Хотя миссис Роджерс утверждала, что они знакомы много лет, это было не очень похоже на близкую дружбу. Тем не менее создавалось впечатление, будто им друг с другом легко. Я надеялась, в лице Анны Лариса Хэмилтон имеет верного друга. Ей это, несомненно, очень нужно.

– Может, зайдём ко мне после ужина, Лариса, выпьем по глоточку? – предложила Анна Роджерс, стиснув локоть мужа. – Эдварду нужно засесть за какие-то ужасные юридические бумаги, а мне хочется с кем-нибудь поболтать. Можем полистать новые журналы.

– С радостью, – ответила миссис Хэмилтон, и я с удовольствием отметила, что она не спросила у мужа. – Конечно, если мистер Роджерс не возражает.

– Эдвард не возражает, не правда ли, дорогой?

– Конечно, нет, – отозвался тот приветливее обычного, словно следуя негласной инструкции жены быть с Ларисой полюбезнее. – Мы оба будем рады, если вы к нам зайдёте. Анна злится на меня, когда я ее не замечаю, а мне очень трудно сосредоточиться, когда она начинает трещать.

Анна Роджерс рассмеялась, а миссис Хэмилтон улыбнулась, и в ее взгляде снова вспыхнула теплая искорка. Настроение за столом заметно улучшилось, хотя мистер Хэмилтон еще испытывал терпение Майло, повествуя ему о своей невероятной пронырливости, причем говорил все громче, пытаясь перекрыть общий хор.

Я порадовалась, когда ужин подошел к концу: можно было наконец улизнуть в гостиную. Как я и надеялась, она оказалась не занята. Большинство постояльцев остались танцевать. После яркого и шумного зала спокойные холодные тона гостиной, освещенной теплым светом светильников, успокаивали. Я подошла к стоявшему у стены письменному столу и, машинально открыв верхний ящик, увидела аккуратную стопку плотной бежевой бумаги с логотипом гостиницы и пачку конвертов. Усевшись за стол, я вытасила лист бумаги, собираясь написать кузине Лорел. Почему бы не сейчас, в конце концов. Ей я могла довериться полностью, к тому же будет полезно привести в порядок мысли, изложив их на бумаге.

Меня буквально раздавили события последних дней. Я приняла приглашение Джила скоропалительно, ничего толком не обдумав. Настало время признать, что стоило все как следует обмозговать. Правда, не в моей натуре слишком быстро сдаваться. Может быть, именно поэтому я так долго тяну свой явно неудавшийся брак...

Кто убил Руперта Хоу? Этот вопрос не выходил у меня из головы. Пока удалось выяснить немного, пожалуй, лишь то, что убитый не пользовался особым уважением друзей и знакомых. Сдержанно уклончивые ответы практически всех, у кого я спрашивала про Руперта, говорили сами за себя. По большому счету, он никому не нравился.

Похоже, только бедная слепая Эммелина не видела его недостатков. Мне было ее очень жаль. Не важно, что мы все думали о Руперте – она любила его, а теперь его нет. Вопреки прогнозам Лайонела Блейка ей потребуется немало времени, чтобы прийти в себя после этой трагедии.

Мои мысли обратились к Джилу. Он знает больше, чем говорит, никаких сомнений. Но что ему известно? Сам он наверняка пришел бы в ужас, узнав, что именно своим упорным молчанием подтолкнул меня к расследованию.

Нельзя сказать, что у меня не было дурных предчувствий. Если не врать хотя бы себе, следовало признать, что я вторглась на чужую территорию. Хоть это и неприятно, но меня в самом деле не касается, кто убил Руперта Хоу. Джонс производит впечатление очень толкового следователя. Тем не менее его вопросы о том, где находился Джил во время совершения убийства, встревожили меня не на шутку.

Инспектор вполне мог прийти к неверному выводу, а идти на такой риск я бы не хотела. Если существовал хоть какой-то шанс, что мне удастся отвести подозрения от Джилла, я это сделаю.

Конечно, сие похвальное желание вызывало ряд вопросов. Было очень приятно уверять себя, что я хочу помочь Джиллу, хочу сделать все, чтобы его не впутали в историю с убийством жениха сестры. Но я старательно избегала вопроса: почему я это делаю. Кто мне Джилл? Просто друг или больше? И даже теперь, пытаюсь разобраться в наших путаных отношениях, я пришла только к одному выводу: я все еще думала, какой могла бы быть наша жизнь. Пять лет – долгий срок, кое-что изменилось, но многое, очень многое осталось прежним... Вздохнув, я поднесла перо к бумаге и начала писать.

Дорогая Лорел,

Я обещала написать тебе, полагая, что о поездке к морю особенно нечего будет рассказывать. Как я ошибалась! Произошло куда больше, чем я могла себе представить. Уверена, ты уже знаешь о смерти Руперта Хоу, жениха Эммелины Трент. Эту ужасную новость усугубляет то обстоятельство, что он был, представь себе только, убит. И именно я обнаружила тело и завтра должна присутствовать на дознании. Зная, как ты любишь всякие загадки, убеждена, что ты мне позавидуешь. Так вот, не завидууй. В реальной жизни убийство совсем не романтично.

Как будто мало было этих сложностей, на нас еще без предупреждения свалился Майло. Понятия не имею, что у него на уме, но уверена, ничего хорошего из этого не выйдет. Они с Джиллом уже как кошка с собакой, а уголовное расследование не самое удобное время для того, чтобы препарировать наш брак...

Послышался звук торопливых шагов.

– О, простите.

Подняв голову, я увидела в дверях Оливию Хендерсон. Последние два дня она почти не показывалась. За ужином я обратила внимание на ее изможденное лицо. Но сейчас она, казалось, была просто убита – белая как стена, только веки покраснели.

– Я не хотела вам мешать, – тихо сказала Оливия.

Она смотрела чуть не с мольбой, будто нуждалась в преданном друге – так же, как и я. Но странно, что эту роль Оливия Хендерсон отвела мне. Она ведь ни разу не дала понять, что дорожит моим обществом.

– Вы вовсе не помешали, – ответила я, складывая письмо, чтобы закончить его позже. – Я рада с кем-нибудь поговорить, поверьте.

Зайдя в гостиную, Оливия опустилась на диван, сцепив на коленях бледные руки.

– Все совершенно ужасно, правда? – произнесла она.

– Непростые были дни.

Этих моих слов было достаточно, чтобы она залилась слезами.

– Я так несчастна... – Оливия уткнулась в неизвестно откуда взявшийся носовой платок.

Поскольку я выросла в семье, где считалось не принято сдерживать свои эмоции, а затем еще вышла замуж за Майло, бурные проявления чувств были мне незнакомы и, если честно, неприятны. Я под села к Оливии на диван и по мере сил постаралась сыграть роль утешительницы.

– Мне так жаль, что вы расстроены. Я могу что-то для вас сделать?

– Нет, не можете... – Она покачала головой и вдруг посмотрела на меня пристальным взглядом. – Вы когда-нибудь были по-настоящему влюблены, до безумия?

Я колебалась не дольше секунды.

– Однажды мне так казалось.

– Тогда вы, наверно, знаете, каково это, когда теряешь...

За дверями послышались шаги, и, подняв голову, я увидела Джилу. Оливия сжалась и даже как-то сердито вытерла лицо платком.

– Простите, что помешал, – сказал Джил. – Мне уйти?

– Нет. – Оливия встала. – Я как раз собиралась уходить.

И, не глядя ни на меня, ни на Джилу, она вышла из гостиной. Мне трудно было сразу прийти в себя от внезапной, такой неожиданной вспышки доверительности, немало меня озадачившей. Я-то была уверена, что стану последней, кому Оливия Хендерсон решит излить душу, но, возможно, никого другого просто не оказалось рядом.

Несомненно, Оливия имела в виду Руперта. Он рассказывал об их прошлых отношениях с нескрываемым пренебрежением. Судя по всему, ее чувства оказались сильнее. Неужели она так самозабвенно его любила? Если так, согласия между ними быть не могло, ведь он являлся женихом Эммелины. Я припомнила, как печальна была Оливия в первый вечер. Могла ли печаль обратиться в ярость? Стоит подумать.

Джил смотрел на меня, подняв брови.

– Кажется, она несколько взволнована.

– Думаю, да. – Я не стала пускаться в дальнейшие объяснения. Вечером у меня будет уйма времени обдумать все в номере, а сейчас не помешает хороший собеседник. Я указала на диван: – Присядешь?

Джил сел, откинувшись на спинку, но тут же снова подался вперед, ближе ко мне.

– Я должен извиниться перед тобой, Эймори.

– Глупости.

– Нет, правда. Я был резок, так нельзя. Я просил тебя о помощи, и ты любезно согласилась. А когда все пошло наперекосяк, я повел себя отвратительно. Прости.

Он выглядел таким потерянным, что я едва поборолла желание его обнять.

– Не думай об этом. Мы все сейчас на взводе.

– Тут не только это. Твой муж... Черт бы все побрал, Эймори. – Джил вздохнул. – Мне кажется, тебе нужно знать, что я...

– Джил... – Я остановила его, накрыв его руку своей, мечтая услышать то, что он хотел сказать, но не желая, чтобы он продолжал. – По-моему, сейчас не время.

Джил серьезно, но очень тепло посмотрел на меня своими карими, почти золотыми в желтом свете глазами.

– Наверно, ты права, но другого времени может не быть.

– Времени у нас куча. – Я не хотела попусту его обнадеживать, но у меня будто почву выбило из-под ног, а Джил вселял в меня

уверенность, как никто другой. Я не знала об этом, когда расставалась с ним, я поняла это лишь сейчас и была не готова отказаться от него совсем, какие бы ни испытывала чувства к Майло. – Когда все закончится, мы поговорим, Джил. Но тебе тоже нужно знать, что я...

Теперь Трент стиснул мне руку.

– Ничего не говори, Эймори. – Джил слабо улыбнулся. – Давай подождем, когда все закончится.

Глава 11

Следующее утро, на которое было назначено дознание, выдалось подобающе случаю мрачным. Когда я одевалась, в окно стучал дождь. Я позавтракала в номере, не испытывая никакого желания сидеть в компании. Особенно непереносимой казалась мысль о Нельсоне Хэмилтоне.

Дознание – бездушная, формальная констатация завершения человеческой жизни – закончилось удивительно быстро. Оно проходило в пабе и привлекло лишь нескольких местных жителей, одолеваемых любопытством в связи с загадочной смертью в «Брайтуэлле», и пару репортеров, алчущих скандала. Видимо, тех, чей интерес к этой истории был слабее, удержал дома дождь. Появилось также несколько человек из нашей компании, однако мало кто мог сказать что-то дельное.

Эммелина, очень бледная, сидела на жестком деревянном стуле. От горя и усталости она выглядела не просто слабой, а больной. Мне было очень жаль бедную девушку – все ее мечты о счастье испарились в мгновение ока. Когда до нее дошла очередь, она, запинаясь, изложила события вплоть до нашего страшного открытия, сдерживая рыдания лишь усилием воли. Когда Эммелина закончила, Джил проводил ее на место.

Вызвали меня. Я рассказала, как обнаружила тело Руперта Хоу. Говорить особенно было нечего, и я не отняла много времени.

Коронер повторил то, что я уже слышала от инспектора Джонса. Руперт получил удар по голове тупым предметом, а затем его сбросили за ограду. Сам удар был недостаточно сильным, чтобы привести к летальному исходу; его мог нанести как мужчина, так и женщина.

Затем слово взял инспектор Джонс, но почти все, что он сказал, я уже знала. Согласно показаниям, никто не видел, как Руперт выходил из гостиницы. Никто не мог сказать, когда он упал за ограждение.

Вердикт вынесли быстро, он подтвердил то, что нам и без того было известно: убийство, совершенное неизвестным или неизвестными.

Непрекращающийся дождь стучал по зонтам. Растерянные, мы жались к предоставленному гостиницей автомобилю. Я уже собиралась садиться, как вдруг раздался голос инспектора Джонса:

– Миссис Эймс, я хотел бы с вами поговорить.

– Подождете немного? – спросила я у Джила, который как раз подсаживал Эммелину.

Джил посмотрел на инспектора, затем на меня, и глаза его вспыхнули.

– Конечно.

– Если вам будет угодно, миссис Эймс, – предложил инспектор, – могу вас подвезти потом до гостиницы. Мне в любом случае нужно туда после обеда.

– Лучше отвези поскорее Эммелину, – попросила я Джила. – Я скоро буду.

Джил помедлил, но все-таки кивнул:

– Ладно.

Они уехали, и инспектор указал на свой автомобиль, стоявший неподалеку.

– Прошу.

Мы пошли к машине. Мои туфли промокли насквозь. Обувь оказалась совершенно не по погоде, но, собираясь в эту поездку, я взяла с собой очень мало вещей на случай дождя и еще меньше на случай возможных дознаний.

– Впечатлен тем, как вы изложили события, – начал инспектор. – Коротко и ясно. Из вас получился дельный свидетель.

В том, что сказал Джонс, явно имелся какой-то подтекст. Недюжинный ум инспектора, видимо, предпочитал окольные пути.

– Свидетель, собственно, чего?

– Я говорю в целом. Полицейские любят свидетелей, излагающих суть дела без излишнего украшения и избыточных эмоций. Чистая, простая правда всегда прекрасна.

Резко остановившись, я посмотрела на инспектора.

– Вы совершенно правы. И я была бы вам признательна за такую же простоту. Что бы вы ни хотели сказать или спросить у меня, наверно, будет лучше, если вы сделаете это прямо.

Слабое подобие улыбки тронуло губы моего собеседника.

– Хорошо, миссис Эймс. Но, может, сначала спрячемся от дождя?

Мы уже дошли до машины. Инспектор открыл мне дверцу, сел на водительское место, вставил ключ, но мотора не завел, лишь положил руки на руль.

– Если вам угодно, чтобы я двинулся по прямой, я так и поступлю. Мне кажется, вы что-то скрываете.

Я была несколько удивлена этим заявлением, хотя, надеюсь, сумела этого не показать.

– О! И почему же вам так кажется?

– Бросьте, миссис Эймс. Если вы работаете в полиции целую вечность, как я, у вас появляется чутье на такие вещи. Я два раза задавал вам вопрос, знаете ли вы, у кого могли быть счета с Рупертом Хоу. И оба раза, прежде чем ответить, вы замялись. Я хотел бы знать почему.

– Пустяки, не имеющие решительно никакого значения.

– Может, вы позволите мне судить о значении этих пустяков?

Мной овладело смущение. Я искренне считала, что Джил невиновен, но инспектор не обязан думать точно так же. Если я скажу ему, что в ночь накануне убийства слышала, как он ссорился с Рупертом Хоу, дело может кончиться для Джила очень плохо. Но, возможно, лучше сказать правду? Джонс производил впечатление очень дотошного, добросовестного следователя, вряд ли мой рассказ подтолкнет его к ошибочным выводам. А для меня это шанс избавиться от угрызений совести из-за того, что я утаиваю правду от представителя закона. Более того, если я расскажу инспектору все, что знаю, может, он сосредоточит свои усилия в нужном направлении.

– В ночь перед убийством мистера Хоу вышло так, что я... невольно слышала его спор с Джилом... мистером Трентом. Но, как я уже сказала, это сущие пустяки. – Я говорила быстро, будто так вреда от моего разоблачения могло бы выйти меньше.

– Какой спор?

– Джил требовал, чтобы мистер Хоу разорвал помолвку с Эммелиной. Он был не в восторге от их помолвки. Мне он тоже это говорил. Это тайны.

– И что вы слышали? – Меня насторожило то, как инспектор задавал вопросы, – лениво, как бы мимоходом. На сей раз он обошелся без своего вечного блокнота, но, конечно же, делал четкие пометки у себя в голове. – Мистер Трент угрожал мистеру Хоу?

- Джил никогда бы не...
- Он угрожал мистеру Хоу?

Эта мягкая настойчивость выбивала почву из-под ног. Я попыталась вспомнить. В самом деле, Джил угрожал Руперту? Нет, каких-то особых угроз не было.

– Нет. Он сказал, что на таких мужчин всегда можно назначить цену. Всего разговора я не слышала. Понимаете, я задремала и, проснувшись, услышала лишь обрывок. – Это была не вполне правда, но и не явная ложь. – Все это, конечно, ерунда.

– Однако должна существовать причина, по которой вы до сих пор об этом умалчивали.

– Я не хотела навести вас на неверные умозаключения. Да, Джил и мистер Хоу недолюбливали друг друга, но в разговоре не было и намека на угрозу расправы. Кроме того, если бы они действительно тогда разругались, Джил вряд ли стал бы ждать следующего дня, чтобы поквитаться.

На этот логический пассаж инспектор не отреагировал. Долгое время был слышен только стук дождя в лобовое стекло. Затем Джонс спросил:

- В каких отношениях вы состоите с мистером Трентом?

Я несколько напряглась.

- Это скорее личный вопрос, не так ли, инспектор?

- Возможно. Но от этого он не становится праздным.

Несмотря ни на что, я не могла не улыбнуться:

- Вы прекрасно работаете.

Джонс улыбнулся в ответ:

- Мне тоже хотелось бы так думать.

Я вздохнула:

- Когда-то давно мы с Джилом были помолвлены.

Если инспектор и удивился, то не подал вида. Однако не исключено, что он уже об этом знал.

- И кто стал инициатором разрыва?

- Я. Я... познакомилась со своим мужем.

- Понимаю. А нынешнее положение дел?

Я отметила про себя формулировку вопроса.

– Джил попросил меня съездить с ним на море, сделав вид, что я оставила Майло. Не знаю, инспектор, наслышаны ли вы о моем муже,

но у него не самая безупречная репутация. – Сухой кивок дал мне понять, что инспектор прекрасно осведомлен о подвигах Майло. – Джил надеялся, что я смогу послужить Эммелине живым примером. Что она поймет свою ошибку, узнав из первых рук о моих невзгодах. Задним числом все это, конечно, выглядит смешно и совершенно безнадежно.

– А ваш муж не возражал против этого плана?

– Он не имел к нему ни малейшего отношения.

– Иными словами, попросту был не в курсе, – чуть усмехнувшись, резюмировал инспектор.

– Майло крайне редко делится со мной, по каким причинам принимает то или иное решение. Я понятия не имею, зачем он приехал.

– Вот как?

Я пропустила намек мимо ушей. Ревностью Майло не страдал. В конце концов, он сам во всеуслышание заявил об этом вчера вечером. Наиболее вероятным объяснением его появления в «Брайтуэлле» могло служить то, что дома ему просто стало скучно и он решил, что его неожиданный приезд вызовет сенсацию.

– В любом случае, – продолжила я, – Джил просто не мог поднять руку на Руперта Хоу. Вот почему я не решалась рассказать вам об этом разговоре. Боялась тем самым навлечь на него напрасные подозрения.

– Я редко подозреваю людей напрасно, миссис Эймс.

Я не совсем поняла, какой смысл инспектор вложил в эти слова, но упустила возможность спросить, так как он повернул ключ зажигания, завел мотор и повел автомобиль по мокрой дороге к «Брайтуэллу».

В холле гостиницы мы расстались. Я не знала, для чего инспектору понадобилось в «Брайтуэлл», а он ничего не сказал. Вполне возможно, я еще числилась в его списке подозреваемых, хотя мне даже в голову не могло прийти, какой у меня, по его мнению, был мотив убивать Руперта Хоу.

Я сомневалась, правильно ли поступила, рассказав Джонсу о разговоре Джила с Рупертом. Как всякий лояльный подданный Великобритании, я пребывала в убеждении, что надо говорить правду и чтить закон, но, по-моему, от моего молчания не пострадало бы ни то

ни другое. Я знала Джилла и была уверена, что тот разговор не имел никаких последствий. Оставалось лишь уповать, что инспектор Джонс в конце концов решит так же.

Вдруг меня осенило, что нужно немедленно предупредить Джилла. Элементарная порядочность, на случай если инспектор захочет с ним поговорить. Я только надеялась, что Джилл на меня не рассердится.

Сначала я постучала в его комнату, но там никого не оказалось. На негромкий стук в дверь Эммелины я также не получила ответа. В зале было пусто, а заглянув в гостиную, я увидела сидевших на диване Анну Роджерс и Лайонела Блейка.

– О, миссис Эймс! – воскликнула Анна Роджерс. – Вам просто необходимо послушать, как Лайонел читает эти стихотворения и сонеты. Ей-богу, он так талантлив! У него прекрасно выходит акцент. Послушайте его Роберта Бернса!

– С огромным удовольствием, – произнесла я, – только сначала мне нужно найти Джилла. Кто-нибудь его видел?

Миссис Роджерс покачала головой:

– Мы с Лайонелом пришли сюда сразу после обеда.

– Как прошло дознание? – спросил Блейк, откладывая томик со стихами.

– Что сказать... – Я выдержала паузу, якобы не торопясь сообщать новость. – Боюсь, они решили, что это было убийство.

– Убийство! – почти вскрикнула Анна Роджерс. – Только не это. И кто же убийца?

– Отличный вопрос, – сухо заметил Блейк. – Что думает полиция, миссис Эймс?

– Я не очень поняла. Кроме одного – я уверена, мы все входим в число подозреваемых.

Как я и надеялась, Анна Роджерс, разволновавшись, разразилась целой тирадой:

– Не представляю, почему я должна входить в число подозреваемых! Я едва знала Руперта. Ну ладно, мы были друзьями, но не настолько же, чтобы мне вздумалось его убивать! Вот подождите, я немедленно расскажу об этом Эдварду. Я уверена, если кому-то из нас предъявят обвинение, он наверняка знает хорошего адвоката. Но, полагаю, можно догадаться, чьих это рук дело. Может быть, Эммелине наконец надоел его бесконечный флирт с другими

женщинами. А Оливия Хендерсон так и не смогла пережить его измены. – Анна умолкла, видимо, осознав, что сказала слишком много, и с некоторым опозданием добавила: – Хотя я, разумеется, не думаю, будто Эммелина или Оливия и впрямь кого-то убили.

– Разумеется, – саркастически улыбнулся Лайонел Блейк. – Никто из нас не мог бы никого убить.

Не теряя надежды найти Джила, я зашла в столовую и увидела миссис Хэмилтон. Она в одиночестве сидела за столом у окна. Идеальный момент поговорить, ведь нечасто представлялась возможность уединиться с ней подальше от глаз ее мужа. Мы поздоровались, и я сообщила:

– Вердикт дознания – убийство.

Она кивнула, не выказав ни малейшего изумления.

– Вы говорили, что не удивились бы, узнав, что Руперта убили.

Почему вы так сказали?

Лариса нахмурилась:

– Я так сказала?

Я видела, что она на самом деле все прекрасно помнит, и решила попытать счастья:

– А чего вы не сказали, миссис Хэмилтон?

Она обернулась к залитому дождем окну.

– Мне не надо было так говорить. Я не это имела в виду. Просто у многих были основания... выяснить с Рупертом отношения.

– Да, вы упоминали ссору. Что-то конкретное?

Лариса снова посмотрела на меня, и я опять уловила в ее взгляде искорку решимости, как будто она решила выложить все.

– Я просто слышала не очень красивые истории, связанные с... короче, с женщинами. А потом я их увидела, Руперта и Оливию. Эммелина как раз уходила с пляжа переодеться, они шли за ней и беседовали. Я сидела на террасе, читала, они все прошли мимо и скорее всего не заметили. Мне бы и в голову не пришло придавать этому значение, но я точно слышала, как Оливия сказала, что хотела бы встретиться с Рупертом позже, ей, дескать, нужно о чем-то с ним поговорить.

Вот так новость. Значит, Руперт и не думал рвать с Оливией?

– А что он ответил?

– Что посмотрит, сможет ли отлучиться... Однако он явно не горел желанием вести с ней разговоры. Мне показалось, ему не терпится от нее отделаться. Поэтому когда он потом сказал о назначенной встрече, я... ну в общем, я решила, что он собирается пить чай с Эммелиной.

Ерунда, конечно, вовсе не поэтому Лариса Хэмилтон не сказала правды. Я решила, что она просто не хотела поднимать шум. Так, может, в тот день на террасе с Рупертом поссорилась Оливия? Или кто-то другой?

– А кто еще был на террасе, когда они вели этот разговор?

После секундной заминки Лариса ответила:

– На террасу как раз вышел мистер Трент и заговорил с Эммелиной. Кажется, они даже развернулись и посмотрели в сторону Оливии и Руперта, но море очень шумело, понимаете. Они стояли слишком далеко и вряд ли что-то слышали.

Я почему-то решила, что и это неправда. Море шумело вовсе не так сильно, как уверяла миссис Хэмилтон.

– Почему вы молчали об этом? Вы сообщили инспектору?

Она покачала головой.

– Я решила, это не важно. К тому же, может, я ослышалась. И не хотела осложнений. О господи. И так-то все непросто.

В этом с ней нельзя было не согласиться.

– Спасибо, что рассказали, миссис Хэмилтон, – поблагодарила я, в глубине души жалея, что она мне это рассказала.

– Не знаю, было ли это правильно, – ответила она с улыбкой, однако губы ее дрожали. – Но мне стало немного легче.

Мне-то как раз стало тяжелее. То, что я узнала, говорило не в пользу Джила. Если он слышал, как Руперт договаривается о свидании с Оливией, то мог прийти в бешенство. Я украдкой вздохнула. Ситуация не только не прояснялась, но и еще более запутывалась.

Так и не найдя Джила в гостинице, я поднялась к себе. Дождь все лил и лил. Он даже усилился после моего возвращения. Пространство словно замкнулось. Дождь колотил в окна, как бы заперев всех нас вместе с убийцей. Измученная, я легла в постель, надеясь перед ужином немного поспать. Однако роящиеся в голове мысли не позволили забыться. Я снова и снова прокручивала в уме события,

произошедшие с момента приезда сюда. Кому и зачем нужно было убивать Руперта?

Предательский рассудок напомнил, что по сути Джил все-таки угрожал Хоу. И я впервые на секунду допустила возможность, что это может быть Джил. Хотя я сказала инспектору, что никаких угроз не слышала, в словах Джила, сказанных Руперту в ту ночь, содержалось по меньшей мере предупреждение. Но это же просто невозможно. Или все-таки возможно? Нет. Нет, я не верила, что Джил мог стать убийцей, как бы скверно ни складывались обстоятельства.

Значит, кто-то другой. Я мысленно перебрала всю нашу компанию, но, по моему разумению, ни у кого не могло быть веских причин для убийства. Допустим, мистер Хэмилтон производил впечатление человека, способного убить любого, кто встанет у него на пути, но даже столь невысокое мнение еще не повод записывать его в преступники. Анна Роджерс говорила, что у Оливии, до того как он познакомился с Эммелиной, был роман с Рупертом. Оливия хотела с ним встретиться в день его смерти. Возможно, он отклонил ее предложение начать все сначала. А она так оскорбилась, что убила его? Почему бы и нет. Но ее глаза выдавали настоящее, глубокое горе, тут не было никаких сомнений. Вряд ли она могла его убить. Тогда кто? Все безнадежно смешалось...

Вдруг, безо всякой видимой связи, мои мысли обратились к Майло. Интересно, что он собирается здесь делать? Сегодня я его не видела и могла только гадать, что у него на уме. Приезд моего мужа страшно все осложнил, но не похоже, чтобы это заставило его ретироваться. Действовать всем на нервы, всех раздражать и злить — это он любил. Я вздохнула и с еще большим беспокойством, чем ложилась, встала, чтобы принять душ и одеться к ужину.

Глава 12

Первым, кто поздоровался со мной за столом, был мистер Хэмилтон.

– Что это значит, миссис Эймс, что Руперта якобы убили? – обрушился он на меня.

То ли он был в бешенстве, то ли вне себя просто от того, что его не сочли нужным поставить в известность.

– Такой вердикт был вынесен в результате дознания, – ответила я как могла спокойнее.

– Глупости, – заявил мистер Роджерс, перед тем как отправить в рот перепела. – Руперт поскользнулся и упал. Это халатность со стороны гостиницы.

Интересно, он притворяется таким тупым или действительно не способен выйти за рамки пустопорожнего юридического словоблудия?

– У полиции нет сомнений.

Мистера Роджерса это не убедило.

– Не нравится мне все это, – проворчал мистер Хэмилтон. – Решительно не нравится.

Лариса Хэмилтон посмотрела на мужа, затем заметила мой взгляд, слабо улыбнулась и отвела глаза. Она была очень бледна.

Оливия Хендерсон не появилась за ужином, и я решила, что бедняжке совсем плохо. Или она мучается угрызениями совести? Я обвела взглядом зал. Джил тоже не вышел. Страх легким ознобом пробежал по спине. Можно было только надеяться, что ничего не случилось. Возле меня на стул опустился Майло.

– Ты кого-то ищешь, дорогая?

– Ты видел Джила?

– Боюсь, что нет.

– Что вы думаете об этой истории с убийством? – поинтересовался у него мистер Хэмилтон.

– Все это очень скверно, – ответил Майло, раскладывая на коленях салфетку.

Я не видела Майло после дознания и задумалась: а кто рассказал ему об официальном вердикте? Конечно, скоро об этом будет говорить

вся гостиница. Я уже подметила обращенные на нас любопытные взгляды постояльцев, сидевших за соседними столиками.

– Но, предположим, они правы. И кто же мог это сделать? – продолжал между тем Роджерс. – Я ни у кого не вижу мотива для убийства Руперта.

– Ну да, только у половины лондонских мужей, – хохотнул Хэмилтон.

– Нельсон, пожалуйста, – прошептала Лариса.

Интересно, он знает то, что мне сегодня рассказала его жена, подумала я. Хэмилтон, как обычно, не обратил внимания на просьбу Ларисы.

– Я думаю, не будет преувеличением назвать старину Руперта донжуаном. Он, понятное дело, любил Эммелину, но мы были знакомы много лет, и он ни разу не дал повода усомниться в том, что ему милее женская компания.

– Может, вы не совсем справедливы к нему, – сказала я.

Конечно, Хэмилтон был прав, но я решила, что заступиться за Руперта может оказаться полезным. Как говорится, мухи слетаются на мед. Не знаю, касается ли это убийц, но вреда точно не будет.

– Он всегда был таким милым, – добавила Анна Роджерс. – Настоящий джентльмен.

– Вы, Анна, женщина. – В тоне Хэмилтона послышалось несколько больше, чем предполагает дружеское общение. – Он вас просто очаровал. За красотой женщины уже ничего не могут разглядеть. Слишком они на нее падки, правда, Эймс?

Майло поднял с тарелки безупречно невинный взгляд.

– Боюсь, не мне об этом судить.

– Вы слишком скромны.

Это было мнение Вероники Картер, которая как раз вплыла в зал в красивом платье алого шелка.

– Из всех своих качеств скромностью я горжусь больше всего, – парировал Майло.

Вероника мелодично рассмеялась:

– Какой вы умный.

Я с трудом подавила желание закатить глаза.

– Мы тут обсуждали убийство Руперта, – сообщил мистер Роджерс. – У вас есть версии?

– Так это убийство? – спросила Вероника и, томно изогнувшись, опустилась на стул, отодвинутый официантом. Кажется, она мне не поверила. – Поразительно, что у кого-то из нас хватило духу на такое.

– Чтобы спихнуть человека в пропасть, не надо очень много духу, – изрек Хэмилтон с мудрым видом. Сегодня он был особенно непереносим.

– У кого-то из нас? – переспросила Анна Роджерс. – Но, разумеется, никто из нас не убивал Руперта.

– Теоретически эту возможность трудно доказать, – заметил мистер Роджерс. – Что бы там ни заявляла полиция, откуда она может знать наверняка, что Руперта столкнули? На данный момент несчастный случай по-прежнему наиболее вероятная версия.

– В этих словах есть своя правда, – отозвался мистер Хэмилтон, с вызовом посмотрев на меня, словно лично я была виновата в том, что смерть Руперта официально признали убийством.

– Да, но прежде чем упасть, он получил удар по голове.

Мои слова были встречены дружным молчанием.

– Удар по голове чем? – спросил Нельсон.

– Затрудняюсь вам ответить.

Хэмилтон презрительно фыркнул:

– Все это просто смехотворно.

Я посмотрела на Ларису. Ей, похоже, было не до смеха. Можно только догадываться, каково быть замужем за таким занудой, как Нельсон Хэмилтон. По сравнению с ним Майло просто образцовый муж.

– Все это крайне волнительно, но давайте за ужином поговорим о чем-нибудь более приятном, – предложила я.

Разговор перешел на светские темы, однако в воздухе по-прежнему висело подспудное напряжение. Вероника Картер прилагала героические усилия, чтобы завладеть вниманием Майло и, кажется, преуспела. Однако больше меня беспокоил Джил. У него не было обыкновения исчезать без предупреждения. Перед ужином я еще раз постучала в комнату Эммелины, но не получила ответа. Если он и там, то никого не хочет видеть.

Ужин наконец закончился, чему я была только рада. Больше всего мне хотелось улизнуть в свою комнату и остаток вечера провести в блаженном одиночестве. Только бы объявился Джил...

– Интересно, куда подевался Джил? – спросила я у Майло, когда мы поднялись из-за стола. – Я не видела его целый день. Очень надеюсь, что с ним все в порядке.

Если бы я ждала от него сочувствия или обеспокоенности, то была бы сильно разочарована. Муж посмотрел на меня с жесткой улыбкой на губах.

– Он выдюжил без тебя пять лет, Эймори. Думаю, справится.

После ужина компания распалась. Майло вышел из зала следом за Вероникой Картер. По всей видимости, они собрались играть в карты. Хотя я и привыкла к его невниманию, меня задело, что грубые методы этой женщины оказались эффективными. Усилием воли подавив шевельнувшуюся ревность, я еще раз наведальась к Джилу, но на мой стук никто не ответил. Я уже начала подумывать о том, чтобы позвонить инспектору Джонсу, но что я могла ему сказать? Вероятнее всего, Джилу просто захотелось побыть одному. Если он не появится утром, тогда свяжусь с инспектором. Однако я пыталась убедить себя в том, что это не понадобится.

Душевно измочаленная, я заперлась в номере. Бросив платье на спинку стула, а чулки на подлокотник, я, прежде чем облачиться в пурпурную ночную рубашку, приняла успокоительную ванну с ароматом гардении. Только я принялась причесываться, как в дверь постучали. Решив, что это Джил, я отбросила щетку и быстро натянула шелковый пеньюар с цветочным узором. Приоткрыв дверь в надежде увидеть Джилу, я оказалась лицом к лицу с Майло. Он был еще в смокинге.

– Что ты здесь делаешь? – спросила я даже несколько грубо.

Засунув руки в карманы, Майло прислонился к дверному косяку.

– Эймори, дорогая, ты не пригласишь меня войти?

В сложившейся ситуации было бы смешно, если бы мой муж продолжал торчать в коридоре. Я распахнула дверь, и Майло вошел, одарив меня одной из своих улыбок. Я вдруг насторожилась.

– Выглядишь чрезвычайно привлекательно, – сказал он. – По моему, я не видел этого пеньюара. – Он подошел ближе. – А пахнешь просто восхитительно.

Я заперла дверь и скрестила на груди руки, надеясь, что поза выглядит не такой оборонительной, какой является.

– Чему обязана нечаянной радостью? Ты недоволен своим номером?

Майло бегло, небрежно осмотрел комнату.

– Там сейчас Вероника Картер. Не стоит ей мешать.

Я невольно напряглась. Для чего он приходит сюда хвастаться своим новым адюльтером? Я подавила желание выставить его. Сцены ни к чему. Мое бешенство не значит для него ровным счетом ничего, и я заговорила холодным и, как хотелось надеяться, безразличным тоном:

– О! Вероятно, она дожидается тебя?

– Понятия не имею, чего она дожидается.

Прищурившись, я улыбнулась:

– Хватит, Майло. Ты ведь знаешь, что ей там понадобилось. Она, конечно же, откликнулась на твое приглашение.

– Ерунда. Мы играли в карты, а потом разошлись. Я выпил самую малость, поднялся к себе и в коридоре вдруг увидел, как она заходит в мой номер. Право, дорогая, ты меня удивляешь. Некая леди прячется в моей спальне, а я бегом к тебе. Я полагал, моя стойкость и верность произведут на тебя впечатление.

– Значит, ты вел себя так, что она была уверена в твоём гостеприимстве.

Майло улыбнулся почти жестоко:

– Я слышал, женщины всегда верят в то, во что желают верить.

Мне не хотелось льстить ему, признавая, что, увы, эта гипотеза слишком часто получает подтверждение.

– Она намекала, что вы познакомились в Монте-Карло.

– Да, она была там, хотя ее сомнительные чары оставили меня вполне равнодушным, – вздохнул Майло. – Эймори, поверь хоть ненадолго. Зачем мне такой лежалый товар, как Вероника Картер?

Довод был достаточно убедителен.

– Признаюсь, я была лучшего мнения о твоём вкусе.

– Еще бы, – улыбнулся Майло. – Я ведь женился на тебе.

Его любезность не могла меня смягчить.

– Ты проговорил с ней весь ужин.

– А ты с этим бахвалом Хэмилтоном. Правда, похоже, не пригласила. – Подняв брови, Майло, обвел глазами комнату. – Так его здесь нет?

Я вздохнула, почти успешно сохранив суровость на лице.

– Ты, право, смешон.

Майло улыбнулся, и на долю секунды я почувствовала, что мы снова близки, как прежде.

– Хочешь чего-нибудь выпить? – спросила я.

– Нет, спасибо. – Майло уселся в одно из белых кресел и стянул галстук. – Черт, как не вовремя она приперлась ко мне в гости.

– А если попросить ее уйти? Может, сработает?

– Мне подумалось, если я приду сюда, это сработает быстрее. Ненавязчиво, но красноречиво.

– Бедный мой Майло. Ты просто не умеешь говорить женщинам «нет».

Он стянул с подлокотника мой чулок и принялся рассеянно вертеть его в руках.

– Полагаю, мне придется остаться здесь на всю ночь.

– О, ты намерен остаться?

– Конечно, может выйти скандал, – вполголоса ответил Майло. – Что о нас подумают? Неслыханно, человек проводит ночь со своей женой.

Не было никакого смысла замалчивать очевидное.

– Это так непривычно. Мы уже давно спим в разных комнатах.

Он посмотрел мне в глаза и, кажется, хотел что-то сказать, но вдруг послышался негромкий стук в дверь. Майло насмешливо поднял брови.

– Ты кого-то ждешь?

– Конечно, нет.

Мне стало досадно, что нас перебили в тот самый момент, когда наметился важный разговор. Я открыла дверь и не успела ничего сказать, как ворвался Джил.

– Эймори, нам нужно поговорить.

Увидев Майло, развалившегося в моем кресле, с вытянутыми ногами и скрещенными на груди руками, в одной из которых еще болтался мой шелковый чулок, Джил осекся.

– Эймс, – поздоровался он.

Майло радушно улыбнулся:

– Трент. Я так и думал, что встречу вас здесь.

– Я зашел поговорить с Эймори.

– Я так и понял. Что ж, не обращайтесь на меня внимания. – Он великодушно махнул рукой. – Прошу вас, беседуйте.

– Я... хотел поговорить с глазу на глаз.

– Разумеется.

– Джил, я искала тебя целый день, – встряла я, пока они не начали серьезную перепалку. – И уже беспокоилась, что с тобой случилось что-нибудь ужасное. Где ты был?

– Об этом я и хотел с тобой поговорить. – Джил бросил взгляд на Майло, затем снова посмотрел на меня и понизил голос: – Это довольно срочно.

– Мы все внимание, – расплылся в улыбке Майло.

Стиснув зубы, Джил обратился ко мне:

– Я бы предпочел поговорить с тобой наедине, Эймори. Если ты не против.

Я обернулась к Майло.

– Может, ты оставишь нас на минуту?

Что бы ни собирался сказать Джил, это ненадолго, а если ему легче говорить не в присутствии Майло, пусть будет так.

– Не уверен, что я уйду, – заявил Майло. – Вообще-то в другой ситуации я, пожалуй, спросил бы, что делает этот джентльмен в твоей комнате в столь поздний час.

– Я мог бы задать тот же самый вопрос, – парировал Джил, глядя прямо на Майло.

Он был напряжен, и на лице появилось довольно неприятное выражение. Хотя Джил во всех отношениях был джентльменом, я допускала, что в крайней ситуации он не побрезгует дать сопернику в лоб. Майло ничуть не смутила угроза надвигающейся рукопашной.

– Я в полном праве находиться здесь. Эймори все-таки моя жена.

– Как мило, что вы в конце концов об этом вспомнили.

– Пожалуйста, – опять вставила я. – Неделя выдалась очень тяжелая, и я была бы признательна, если бы обошлось без дополнительных потрясений.

Джил посмотрел на меня. В нем достало воспитанности, чтобы по меньшей мере выглядеть пристыженным.

– Прости, Эймори. Боюсь, я тоже на пределе.

– Все в порядке, Джил. Совершенно не нужно ссориться.

– Ты, как всегда, права, дорогая, – легко и невозмутимо заметил Майло, но взгляд его стал необычно холодным. – Кроме того, что, если не ошибаюсь, домогательства в отношении твоей жены являются афронтом.

Джил собрался ответить, но я остановила его взглядом. И в этот довольно неподходящий момент снова раздался стук в дверь.

– Тебе надо брать деньги за вход, Эймори, – нарочито медленно произнес Майло. – Может, удастся окупить поездку.

– О, замолчи, Майло.

Я открыла дверь и увидела вечно хладнокровного инспектора Джонса. Не дожидаясь приглашения, он переступил порог, остановившись где-то между прихожей и собственно комнатой.

– Простите, что помешал, миссис Эймс, но... – Тут инспектор заметил моих посетителей.

– Мистер Эймс, мистер Трент.

В его голосе послышалось смутившее меня любопытство. Наконец он прошел в комнату, и я заперла за ним дверь.

– Инспектор Джонс, – улыбнулся Майло, – рад, что вы к нам присоединились. А то вечеринка становится скучной.

– У вас вечеринка, миссис Эймс? – Инспектор поочередно оглядел нас. – Только избранные, как я вижу.

– Случайная встреча, – заверила я инспектора. – Майло зашел, поскольку в его комнате находится мисс Картер и он не хотел ей мешать.

Я притворилась, что не услышала низкий, ядовитый смех Джила. Инспектор Джонс посмотрел на Майло, а затем перевел слегка вопросительный взгляд на меня.

– Явное недоразумение, – пожал плечами Майло, как будто эти слова что-то объясняли.

По-моему, вообще ничего не надо было объяснять. В конце концов, наши спальни инспектора не касаются. На слова Майло Джонс лишь слегка поднял брови. Пожалуй, еще чуть-чуть – и он решит, что мы тут все сумасшедшие.

– Понимаю. Мистер Эймс зашел, поскольку его номер заняла мисс Картер. А кто находится в комнате мистера Трента?

Джил нахмурился:

– Никто. Мне нужно было поговорить с Эймори.

– Наедине, – добавил Майло.

– Вы меня окончательно заинтриговали, – сказал инспектор, – однако я пришел сюда по вполне конкретной причине. А именно осведомиться, удалось ли вам, миссис Эймс, разыскать мистера Трента. А вы тут как тут.

– Да, тут. Вы хотели меня видеть, инспектор? В чем дело?

– Вас, судя по всему, сегодня довольно долго не было в гостинице. Я не мог вас найти, и никто не знал, куда вы подевались. Вы не откажетесь поведать мне, где провели все это время?

Джил несколько напрягся, помедлил, а потом ответил:

– Рискую показаться грубым или продемонстрировать нежелание сотрудничать с полицией, я тем не менее вынужден заявить, что, насколько могу судить, это не ваше дело.

Меня удивил такой ответ. Какие у Джила имеются причины скрывать правду, особенно в такой ситуации?

– Разве так можно разговаривать с полицейскими? – поинтересовался Майло.

Джил посмотрел на него.

– На вашем месте, Эймс, я бы поостерегся. Мое терпение на пределе.

– А я бы на вашем месте поостерегся угрожать кому-либо, мистер Трент, – сказал инспектор Джонс. – Вы производите при этом не самое выгодное впечатление.

Было что-то такое в его тоне, отчего мне стало тревожно. Джил, вероятно, тоже это почувствовал, поскольку мгновенно взял себя в руки.

– Вы о чем, инспектор?

– Я о том, мистер Трент, что вы арестованы по обвинению в убийстве Руперта Хоу.

Глава 13

Я разинула рот, оторопев от столь неожиданного поворота событий.

– Но это просто невозможно, инспектор.

Джонс холодно посмотрел на меня.

– Не имея привычки шутить подобными вещами, миссис Эймс, я говорю вполне серьезно.

– Абсурд какой-то. – После минутного изумления Джил вновь обрел дар речи. – Зачем, ради всего святого, мне, по-вашему, понадобилось убивать Руперта Хоу?

– Чтобы предотвратить его нежелательный для вас брак с вашей сестрой. Миссис Эймс слышала, как вы угрожали ему под ее окном. – Инспектор кивнул на окна, выходящие на море. – В ночь перед убийством. Вы требовали, чтобы он оставил вашу сестру в покое.

Я пришла в ужас от такого предательства.

– Я ничего подобного не говорила! Вы извратили смысл моих слов, инспектор.

– Миссис Эймс, я понимаю, это неприятно. К тому же вы, несомненно, сердитесь, что я воспользовался информацией, которой вы со мной поделились. Однако вы ведь действительно сообщили мне, что мистер Трент и мистер Хоу на повышенных тонах беседовали под вашим окном.

Я подошла к Джилу.

– Джил, я не предполагала, что из-за этого будут неприятности. Я искала тебя сегодня, чтобы все рассказать. – Я обернулась к Джонсу и холодно произнесла: – Я полагала, что вы разумно истолкуете эти сведения, инспектор.

Мое негодование не произвело на него ни малейшего впечатления.

– Это более чем разумно, миссис Эймс. Хотя, возможно, и некстати.

Джил стиснул мне руку.

– Ничего страшного, Эймори. Я уверен, все разъяснится.

– У вас же нет против него никаких улик! – не унималась я.

– Боюсь, не совсем так, – спокойно возразил инспектор. – Мистера Трента видели на террасе вместе с мистером Хоу

предположительно незадолго до того, как последний был убит.

Эта новость заставила меня забыть о всякой осторожности.

– Кто?

– Я предпочел бы пока не разглашать.

– Неслыханно! – воскликнула я.

– Я понимаю, что вы можете так думать, – нестерпимо бесстрастно продолжал инспектор. – Однако я смотрю на вещи несколько иначе.

– Но нельзя же...

– Оставь, Эймори, – мягко остановил меня Джил. – Мы во всем разберемся. Я готов, инспектор. Можем идти.

– Я не верю, что ты это сделал, Джил! – Я схватила его за руку. – И сделаю все, чтобы устранить недоразумение. Не волнуйся.

Он улыбнулся:

– Я знаю, Эймори, это не пустые слова. Все будет в порядке.

– Приношу свои извинения за доставленное неудобство, миссис Эймс, – сказал инспектор. – Я отдаю себе отчет в том, что мое вторжение было не своевременным.

– Завтра же я обращусь к вашему руководству, инспектор, – не сдержалась я.

Джонс улыбнулся понимающей улыбкой, которая разозлила меня еще больше.

– Могу лишь сожалеть, что вы приняли такое решение, миссис Эймс, но, разумеется, поступайте, как считаете нужным. – Инспектор слегка кивнул Майло. – Всего доброго, мистер Эймс.

– Инспектор, – ответил тот.

Майло попрощался почти со скукой в голосе, как будто смотрел из ложи мало интересный ему спектакль. Когда инспектор с Джилом выходили, Джил слабо мне улыбнулся. У меня сжалось сердце. Он пытался выглядеть уверенно, но был напуган. Я почувствовала волну решимости. Я не позволю повесить его за преступление, которого он не совершал! Я узнаю, кто убил Руперта Хоу, даже если это будет стоить мне жизни.

– Неприятная история, – прокомментировал Майло.

В продолжение всей драматической сцены он хранил молчание, и хоть за это я была ему благодарна. Если бы он принялся острить, я бы, наверно, сорвалась.

– Это какое-то безумие. Какой-то бред, ей-богу. – Я закрыла лицо руками.

Майло поднялся с кресла:

– Я налью тебе что-нибудь выпить.

– Спасибо, не надо.

Я прошла к дивану, затем вернулась к дверям. Все это было просто ужасно.

– Не надо было ничего говорить инспектору. Если бы я хоть на мгновение могла представить, что он так истолкует мои слова, я бы ничего не рассказала. Джил не убивал Хоу. Это какая-то нелепость.

Несмотря на потрясение, я осознавала абсурдность ситуации: больше всего на свете боялась, как бы кто-нибудь не бросил тень подозрения на Джилла, и сама же это сделала. Идиотка.

– Ты бледная как смерть, Эймори, – сказал Майло, пытаюсь вставить в мою руку стакан. – Хотя, возможно, в данный момент это не самое уместное выражение.

– Не хочу. – Я отстранила стакан.

– Это всего-навсего содовая. Я еще помню, что ты не любишь крепкие напитки.

– А, спасибо.

Что уж там было в стакане, не знаю, но холодная жидкость чуть прояснила голову, в которой уже начинало стучать. Сделав глоток, я потеряла виски.

– Может, примешь вот это?

Майло взял со стола пузырек с аспирином, открыл его и протянул мне две таблетки.

– И правда разболелась голова.

Я выпила аспирин и, прежде чем подойти к дивану, поставила стакан на стол. События сегодняшнего вечера просто валили с ног.

– Джил не убивал Руперта Хоу, – повторила я и посмотрела на Майло. – Ты тоже это знаешь.

– Я не знаю этого наверняка, как и ты.

– Я знакома с ним целую вечность, Майло. Намного дольше, чем с тобой. И знаю его очень хорошо. Он никогда бы никого не убил.

– Ты бы очень удивилась, если бы тебе рассказали всю подноготную о самых близких. – Майло подсел ко мне на диван.

– Перестань говорить глупости.

– Возьми, к примеру, меня. Что тебе обо мне известно?

Странный вопрос. Однако я задумалась и ответила не сразу:

– Наверно, меньше, чем следовало бы.

Я многое еще могла сказать, но сейчас не самый подходящий момент затевать подобный разговор.

– Именно.

– Но я знаю, что ты никого не способен убить.

Майло поднял брови:

– Прямо вот знаешь?

– Я ошибаюсь?

Майло помолчал, а затем отозвался:

– Мог бы. Если бы того потребовали обстоятельства.

– Не мели ерунды. Ладно, мы говорим не о тебе, а о Джиле.

Нужно что-то делать.

– Завтра будет уйма времени поломать над этим голову. Кстати, как она, твоя голова?

– Вроде бы немного лучше, спасибо.

Я откинулась на диванные подушки, и напряжение по непонятной причине стало проходить.

– Задвинуть гардины?

– Я сама. Тебе, наверно, лучше пойти к себе. – Я зевнула. – Надеюсь, терпение мисс Картер уже лопнуло.

Несмотря на все переживания, мне вдруг так захотелось спать, что я просто не могла разлепить веки.

– Думаю, я еще немного подожду, – произнес Майло.

Я слишком устала, чтобы спорить, и, закрывая глаза, пробормотала:

– Располагайся.

Проснулась я от шума моря и теплых лучей светившего в окно солнца. Некоторое время я лежала не шевелясь, не открывая глаз, продлевая удовольствие от того, что отлично отдохнула и набралась сил, как будто проспала несколько лет. Когда я уснула? Что там было накануне вечером?

Все вдруг мгновенно вспомнилось. Джил арестован. Я открыла глаза и, увидев рядом с собой Майло, слегка испугалась. Его темные волосы разметались по нежной постели наволочки, одеяло натянуто по

грудь. На Майло была майка и предположительно другой предмет нижнего белья. На себе я нащупала ночную рубашку, пеньюар исчез. Как мы очутились в одной кровати? В одежде или без, я бы запомнила, как ложилась с Майло в постель. Тут я поняла, что произошло, и резко села. На секунду закружилась голова, но вспыхнувшее негодование привело меня в чувство.

– Майло. – Я потрясла мужа за плечо. – Майло!

Он повернул голову, не открывая глаз.

– М-м?

Я потрясла сильнее:

– Проснись.

Он открыл один глаз.

– В чем дело, дорогая?

– Что ты мне дал вчера вечером?

Майло вздохнул:

– Что?

– Что ты мне дал?

– Содовую.

– Нет, таблетки. Где ты их взял?

– Ах, это. – Мой доктор поморгал длинными черными ресницами. – Аспирин. Да что с тобой?

На меня накатила новая волна возмущения. Что он морочит мне голову?

– Это был не аспирин. Ты подсунул мне снотворное.

Майло нахмурился:

– А зачем ты хранишь снотворное в пузырьке из-под аспирина?

Я стянула с него одеяло.

– Вставай и убирайся отсюда.

– Я еще удивился, как быстро ты уснула. – Майло положил руки под голову и сонно улыбнулся. – Я обычно не добивался такого эффекта.

Мне было не до смеха.

– Ты говоришь правду?

– Я не давал тебе снотворное. – Он одарил меня полусерьезной улыбкой. – Зачем мне было тебя усыплять? – Майло многозначительно ухмыльнулся. – Могу развеять твою тревогу, ничего

предосудительного не произошло. Я весь вечер вел себя как безупречный джентльмен.

– Хватит кривляться. Что ты делаешь в моей постели?

– Сплю... или пытаюсь спать. Еще так рано.

– Перестань!

Я откинула свою половину одеяла и встала. От резкого движения снова закружилась голова, и, ухватившись за спинку кровати, я на мгновение даже испугалась, что упаду. Майло приподнялся на локте.

– И впрямь, Эймори, может, тебе лучше лечь? Думаю, ты перенервничала. Это убийство тебя доконало.

– Говорю тебе, всё таблетки. Такое чувство, будто меня обложили ватой. После аспирина так не бывает.

Майло сел.

– Тебе что-нибудь принести?

– Не отказалась бы от кофе. – Я опустилась на край кровати. – Все в порядке... Сейчас, секунду.

– Попрошу принести кофе.

Майло вылез из-под одеяла и, подойдя к телефону, заказал кофе в номер. Я пошла в ванную и, отвернув кран, умылась холодной водой. Чувствовала я себя странно, ощущения были гадкие. Из зеркала на меня смотрело очень бледное лицо. Я ничего не понимала. Когда я вернулась в спальню, Майло уже надел брюки и, застегнув рубашку, достал из кармана портсигар.

– Не хочешь покурить? Может, освежит голову.

Я покачала головой. Меня сильно затошнило.

– Я, кажется, заболела.

– Могу я что-нибудь сделать?

– Спасибо, скоро пройдет.

– Сядь хотя бы.

Майло взял меня за руку и подвел к креслу. Затем уселся напротив и закурил.

– Дорогая, ты страшно бледна.

– Сейчас пройдет. Просто это очень странно. Сама не знаю, что со мной.

– Может, ты беременна? – небрежно спросил Майло.

Наши глаза встретились. Это был не самый тонкий способ выяснить, что я успела натворить после отъезда из дома. Я подняла

брови.

– Нет, если только способ войти в это состояние не претерпел кардинальных перемен, о чем меня не проинформировали.

Во взгляде Майло мелькнуло облегчение. Или мне показалось?

– Ну да, просто никогда не знаешь наверняка.

– Иногда знаешь.

Мы смотрели друг на друга, и ни один из нас не хотел произнести вслух очевидное. Это просто какой-то фарс, а не брак. Затянувшуюся паузу прервал стук в дверь. Как кстати.

– Кофе принесли. – Я накинула пеньюар. – Как ты говоришь, то, что надо.

Майло поднялся и открыл дверь. Вошла горничная и поставила на стол поднос. Если она и заметила, что Майло в смокинге, то ничем не дала этого понять.

– Ваш чай, сэр.

– Я заказывал кофе.

– Простите, сэр, все вверх дном. Все так взволнованы. Понимаете, один из постояльцев пытался сегодня ночью покончить с собой.

Глава 14

– Что?! Кто? – Кровь отлила у меня от лица. Я испугалась самого худшего, и сердце заколотилось. – Это ведь не Джил?.. Мистер Трент?

При мысли о том, что Джил мог что-нибудь с собой сделать в полицейском участке, у меня подогнулись колени. Неужели он мог? Вряд ли, хотя я начинала подозревать, что многого о нем не знаю. Сама я за эти пять лет изменилась. Может, и Джил тоже.

– Нет, мэм, – ответила горничная. – Это женщина. Мисс Хендерсон.

– Оливия Хендерсон? – Я опустилась на диван. – Но почему?

Когда мы говорили с Оливией, она была очень несчастна, это правда. Но мне казалось, она не из тех девушек, что способны на столь радикальные решения.

Горничная с умудренным видом покачала головой:

– Бывают такие женщины, мэм. Никогда не знаешь, что они сделают в следующую минуту.

– Да, наверно, – рассеянно отозвалась я.

Все это просто не имело никакого смысла.

Горничная явно была настроена на продолжение разговора, даже если и не знала никаких подробностей, но Майло ловко оттеснил ее к выходу, щедро отблагодарив за болтовню, и, закрыв за ней дверь, обернулся ко мне.

– Думаю, тебе придется удовольствоваться чаем.

– Замечательно, спасибо.

Он налил чашку чая и поднес мне, пролив на сиденье. Я рассеянно взяла ее в руки.

– Спасибо. Зачем Оливии Хендерсон пытаться покончить с собой? Ведь не от любви же к Руперту?

Майло пожал плечами:

– Полагаю, скоро мы все выясним. Люди не в состоянии долго таить то, что знают.

– Все это так странно. – Я сделала несколько глотков чая, и во мне проснулась решимость. – Майло, надо спуститься к завтраку. Необходимо все разузнать.

– Эймори, ты больна. Тебе нужно лечь, а не рыскать по гостинице, путаясь в дела, которые тебя не касаются.

До ареста Джила я и сама так думала, но все изменилось. Джилу Тренту предъявили несправедливое обвинение, и я просто не могла сидеть сложа руки, пока убийца на свободе. До вчерашнего вечера мною двигали любопытство и смутное беспокойство, однако задержание Джила существенно подняло ставки. Из-за моей собственной глупости – по крайней мере, частично – то, чего я очень боялась, все же случилось, и, значит, следовало посвятить себя делу торжества, с позволения сказать, справедливости. До сих пор я, образно говоря, брела в этой истории по щиколотку, теперь же пришла пора нырнуть в нее с головой.

– Чушь. – Выпив горячего крепкого чая и получив заряд бодрости, я ожила и, поставив чашку с блюдцем на стол, встала. – Возможно, это как-то связано с убийством. Нам надо разобраться.

– Нам?

Я посмотрела на Майло, сама удивившись, что включила его в свой план. Возможно, он и мог принести пользу, но, кажется, причина моего спонтанного приглашения была в другом. Однако сейчас не время разбираться, почему я решила заручиться помощью своего заблудшего мужа. Набрав побольше воздуха, я принялась импровизировать на ходу:

– Разве тебе не хочется понять, что произошло?

– Иными словами, оправдать Трента? Пожалуй, не очень.

– Он невиновен. Я знаю.

– Не возьмусь утверждать, что меня это особенно волнует.

– Глупости. Я уверена, что ты хочешь мне помочь.

Конечно, ни в чем таком уверена я не была. Обычно Майло не проявлял особой склонности помогать кому-либо, если это не совпадало с его собственными интересами. Тем не менее он встал с кресла, хотя и не очень охотно.

– Эймори, дорогая, я...

Я потрепала мужа по руке, успешно заткнув ему рот:

– Давай переоденься и пойдем на завтрак. И не дай бог кто-нибудь увидит, как ты крадешься из моего номера в смокинге.

Когда Майло ушел, я задумалась о том, что наши ряды редуют с каждым днем. Сначала смерть Руперта, затем арест Джила, теперь вот попытка самоубийства Оливии Хендерсон. Пугающая перспектива. И еще одна причина сделать все возможное, чтобы разобраться в произошедшем.

Я приняла ванну и надела шифоновое платье с морским рисунком, а поверх него прозрачную накидку в крупный белый горох. Хотя чувствовала я себя еще неважно, отражение в зеркале дало мне понять, что выгляжу я получше, хотя и несколько изможденно. Я все никак не могла объяснить свой беспробудный сон. В пузырьке был не аспирин, никаких сомнений. Мне как будто дали сильное успокоительное.

Открыв пузырек, я высыпала на ладонь несколько маленьких круглых таблеток. Так и есть. Очень похожи на аспирин, но все-таки другие. Как они очутились в моем пузырьке? А может, вовсе и не в моем. Может, ко мне по ошибке попал чужой? Я задумалась, как это могло произойти, но все, что приходило в голову, не отличалось правдоподобием. Вряд ли. Однако все остальное наводило на мрачные мысли. Если это не случайно, значит, кто-то сознательно пытался меня опоить. Зачем это могло понадобиться Майло или кому-нибудь еще? Очень странно. Еще одна загадка, которую я, похоже, не в силах решить.

Я высыпала таблетки обратно в пузырек и бросила его в сумочку, надеясь, что подвернется какая-нибудь возможность их проверить. Судя по всему, я приняла довольно безобидное средство; страшна была мысль о том, что в пузырьке могло оказаться нечто куда менее успокаивающее, чем снотворное.

Если этот же препарат давали Эммелине, неудивительно, что она не в состоянии никого видеть. Вспомнив об Эммелине, я вдруг поняла, что она, должно быть, сейчас не знает, что и думать. Конечно, если ей известно об аресте Джила. Если же нет, наверно, лучше всего аккуратно об этом сообщить. Нужно немедленно с ней увидеться.

Когда Майло – чисто выбритый, в светло-сером костюме – постучал в дверь, я была готова.

– Я забыла об Эммелине, – сказала я, выходя в коридор и стараясь не обращать внимания на то, как он красив. – Бедняжка наверняка голову уже сломала, что там случилось с Джилом. Пойду к ней.

– До завтрака? Сначала поднимаешь меня ни свет ни заря, а потом лишаешь пропитания.

– Нет, дорогой, никто не лишает тебя завтрака. Твоя задача шпионить за членами нашей компании.

– Право, любовь моя... – Майло хоть и возмутился, но в глазах блеснула искра интереса.

Я и рассчитывала на то, что расследование разбередит его авантюрную жилку. Хотя нельзя было исключать, что Майло станет скорее обузой, чем подспорьем, я все-таки надеялась, что наше сотрудничество принесет результаты. Вместе мы можем оказаться вполне дееспособной парой. Без удовольствия я вынуждена была признать, что скорее всего именно поэтому, по меньшей мере частично, и втянула его в эту историю. Мне нравилось думать, что мы заодно, пусть ненадолго.

– Перестань. Я знаю, ты такое любишь. К тому же ты действительно можешь оказаться полезным.

– Отлично. Мне, несомненно, удастся вырвать из Хэмилтона какое-нибудь разоблачительное признание, – ухмыльнулся Майло. – Записи делать?

Ему в самом деле все это нравилось, может, даже слишком.

– Просто будь начеку, вдруг что-нибудь выяснишь, – ответила я, подходя к лифту.

– А после завтрака – у тебя или у меня?

– У меня. У тебя все еще может торчать Вероника Картер.

– Ты знаешь, я ее не приглашал.

Я посмотрела на мужа, пытаюсь понять, можно ли верить его словам.

– Давай не будем сейчас поднимать эту тему, хотя мне бы очень хотелось вообще никогда ее не поднимать.

– Да, Эймори, мне тоже.

Майло отправился в столовую, а я пошла к Эммелине. На мой стук она почти сразу же открыла дверь.

– О, Эймори.

На всем ее облике лежала неизгладимая печать скорби, лицо было бледным и напряженным. Эммелина вся дрожала; казалось, первое

дуновение ветра свалит ее с ног. Закрыв за собой дверь, я подвела ее к дивану.

– Присядем, дорогая моя. У тебя очень усталый вид.

– Эймори... – Она схватила мою руку ледяными пальцами. – Ты слышала про Джила?

– Слышала. Все будет в порядке.

– Вчера вечером приходил инспектор. Он сказал... Джил не убивал Руперта. Он бы никогда...

– Знаю, дорогая.

– Как им могло прийти в голову, что он?..

Хоть я и не врач, мне показалось что Эммелина на грани нервного срыва.

– У тебя был сегодня доктор?

– Не помню... Кажется, да. – Она провела рукой по лицу. – Я... так устала, Эймори.

Бедная Эммелина была в полном раздрае. Я всерьез забеспокоилась, как бы она по-настоящему не свалилась.

– Ты завтракала?

– Не хочу есть.

– Не важно. Тебе необходимо подкрепиться.

Подойдя к телефону, я заказала легкий завтрак, и через несколько минут принесли небольшой поднос с овсянкой, тостами, маслом, джемом и фруктами.

– Давай, моя хорошая, тебе надо поесть.

– Не могу.

– Тебе надо поддерживать силы. Ради Джила. Ты можешь ему понадобиться.

Она помялась, но все-таки кивнула:

– Ты права.

Я смотрела, как она по чуть-чуть берет с каждой тарелки. Не самый плотный завтрак, но лучше, чем ничего. За последние несколько дней Эммелина заметно похудела. Я подумала: интересно, слышала ли она про Оливию Хендерсон, – но решила, что сейчас не самый удачный момент спрашивать об этом.

– Почему они думают, что это Джил, Эймори? – всхлипнула Эммелина.

Я замялась. Выкладывать всю правду не было никакой необходимости.

– Как они считают, он не хотел, чтобы ты вышла замуж за Руперта.

– О, я знаю, что не хотел, – к моему изумлению, сказала Эммелина. – Он невзлюбил Руперта, сразу. Когда они познакомились, между ними возник холодок. Джил как будто с первой секунды решил, что понял про Руперта все...

– А ты... – Я опять замялась, опасаясь разволновать Эммелину. – Ты спрашивала у Джила, почему ему не нравится Руперт?

Эммелина осеклась. Или просто показалось? На мгновение она отвела глаза, но затем снова посмотрела на меня.

– Думаю, это заложено в его натуре: он считает, что должен меня защищать.

Аккуратный ответ, и я поняла, что, несмотря на все свое горе, девушка не утратила бдительности. Меня начинала сильно раздражать настороженность, которую я встречала на каждом шагу.

– Но должны же быть какие-то причины, – давила я на нее. – Джил не такой человек, чтобы просто так не любить людей.

– Я... я не знаю. – К моему ужасу, глаза Эммелины наполнились слезами. – Только знаю, что я одна понимала Руперта. И вот его нет...

– Мне очень жаль, Эммелина. Я не хотела тебя волновать.

Все это совсем не радовало. Наверно, мне надо было отправить к Эммелине Майло. Он бы справился куда лучше.

– Я не собираюсь рыдать. Все это так ужасно... – Эммелина вытерла слезы. – Но ты должна знать, что Джил невиновен. Он никогда бы не мог убить Руперта, просто потому что не любил его... Он не убивал. Нет.

– Я знаю, – ответила я, вставая. – И поверь мне, Эммелина, я выясню, кто это сделал.

В коридоре я вдруг поняла, что дала некое обещание. Найти убийцу Руперта было непросто, кроме того, поиски опасны. Однако это меня не пугало. Я ни секунды не верила, что Джил виновен, и не позволяла себе даже думать о том, что его могут повесить.

Майло уже ждал в моем номере, развалившись на диване и без интереса листая роман, который я читала.

– Ну, что-нибудь узнал? – без предисловий начала я.

Он отбросил книгу.

– Похоже, Оливия Хендерсон вскрыла себе вены. Я заказал тебе завтрак в номер. – И он кивнул на серебряный поднос.

Я подошла к столу и подняла крышку. Терпеть не могу холодную овсянку, но как же мило, что муж подумал обо мне.

– Вены? Какой ужас.

Я присела на стул напротив Майло. Взятый утренний темп начинал сказываться. В теле еще ощущалась вялость, но тяжесть ушла.

– Я тоже подумал – несколько театрально.

– Какая бесчувственность. Она все-таки могла умереть.

– Но не умерла же. Ешь овсянку, Эймори. Судя по твоему виду, тебе необходимо подкрепиться.

– Я не хочу есть, спасибо. Так опасности для жизни нет?

– Никакой. Оплошала бедняжка.

– Ты о чем?

– Или она не собиралась доводить дело до конца, или у нее сил меньше, чем у котенка. Раны неглубокие, травма незначительная. Вряд ли даже потребуется налагать швы.

Я была ошарашена.

– Майло, боже мой, как тебе удалось все это узнать?

Он улыбнулся:

– Настоящий следователь никогда не выдает свои источники.

– Так ты у нас теперь следователь?

– Я подумал: почему бы не попробовать?

Майло откинулся на диване, и в глазах появилась знакомая искорка, означающая редкий у него порыв энтузиазма. Я его не видела таким уже очень давно и испытала неоправданное удовлетворение, как будто это мне удалось хоть чем-то пробудить его интерес.

– Что-нибудь еще?

– Не очень много. За столом сегодня говорили исключительно о мисс Хендерсон, больше ни о чем.

– Что ж, должна признать, ты молодчина.

Он снова улыбнулся:

– Это оказалось намного увлекательнее, чем Монте-Карло. А что у тебя? Узнала что-нибудь у Эммелины?

Я вздохнула:

– Она совершенно разбита. Не знаю, на сколько ее хватит. Чуть что, рыдает. Конечно, ей здорово досталось. На ее месте я бы, конечно, тоже лежала пластом.

– Ерунда, – отмахнулся Майло. – Ты бы выдержала.

Я не поняла, что это было – комплимент или упрек, и потому ответила как можно небрежнее:

– Ты думаешь?

Майло усмехнулся:

– Разумеется. Если бы меня уколошили, я бы оставил тебе кучу денег и полную свободу действий.

Идя к выходу, я бросила через плечо:

– Ради этого не стоит становиться жертвой убийцы. Все вышеперечисленное я могу получить посредством простого развода.

– Спокойно, любовь моя, – ослепительно улыбнулся Майло.

Глава 15

Полнейшее безразличие Майло к людям в сложившейся ситуации могло оказаться бесценным. Я поставила перед ним задачу выудить максимум информации из наших друзей, надеясь, что разговоры с ним все сочтут пустой болтовней, не чреватой последствиями. И существует вероятность того, что кто-нибудь да проболтается.

Сама же я, расставшись с Майло, первым делом собралась в полицейский участок к инспектору Джонсу. Он нехорошо поступил с Джилом, да и со мной тоже, и тут надо разобраться.

В участке мне сказали, что инспектор занят, однако предупредительный сержант сообщил ему о моем приходе, и уже через несколько минут я очутилась в служебном кабинете Джонса. Здесь все было прибрано и опрятно (кто бы сомневался). Я обратила внимание на фотографию инспектора вместе с красивой темноволосой женщиной, вероятно женой. Кроме фотографии, в кабинете было очень немного вещей, не имеющих непосредственного отношения к работе. Джонс сидел за столом, на котором высились аккуратные стопки бумаг. Все свидетельствовало об упорядоченности и деловитости. Когда я вошла, инспектор встал.

– Миссис Эймс, – поздоровался он.

Я бы не сказала, что Джонс встретил меня радушной улыбкой, но выражения явного недовольствия на его лице я тоже не заметила. Он как будто забавлялся мной, и это злило. Вчерашнее негодование, правда, уже улеглось, но после ареста Джила зависть и восхищение деловыми качествами инспектора тоже остыли. А потому продемонстрировать полную меру дружелюбия я не хотела. Тем не менее передо мной стоял определенно умный человек, и я надеялась, мои доводы его убедят.

– Полагаю, инспектор, вы догадываетесь, зачем я пришла, – холодно сказала я, присев на простой деревянный стул, предложенный Джонсом.

– Вы считаете, что открылись мне, а я злоупотребил служебным положением, – без предисловий начал он. – Это понятно, и мне искренне жаль, что вы так думаете. Тем не менее, если мистер Трент

виновен в убийстве, мой долг арестовать его и предъявить ему обвинение.

Его спокойная логика умерила мое возмущение. Трудно упрекать человека, который выполняет свой долг, даже если он при этом заблуждается.

– Хорошо, допустим, – отозвалась я. – Но вы совершили огромную ошибку. Джил Трент такой же убийца, как вы.

Джонс пристально посмотрел на меня.

– Я могу быть с вами откровенен, миссис Эймс?

– Буду вам признательна.

– Я не стал бы исключать возможность того, – инспектор осторожно подбирал слова, – что ваше мнение было сформировано под влиянием, скажем, симпатии к мистеру Тренту.

На секунду я задумалась – может, инспектор прав? – но в конце концов отбросила это предположение как невероятное.

– Инспектор, я хорошо знаю Джила. Он этого не делал.

– Вы присутствовали при убийстве Руперта Хоу?

– Нет.

– Тогда вы не можете с полной уверенностью утверждать, что произошло или чего не происходило в тот день на скале.

Я вдруг поняла: единственное, что мне остается, – это попусту талдычить одно и то же. Но другого способа убедить Джонса, что я абсолютно уверена в невинности Джила, я не видела.

– Инспектор, я не просто настырная дурочка.

Джонс перехватил мой взгляд.

– Я так вовсе не думал, миссис Эймс. Напротив. Но поставьте себя на мое место. Если бы у вас были основания считать человека виновным, вы бы поверили женщине, которая – простите, что я так говорю, – кровно заинтересована в результатах следствия?

Интересно, уж не думает ли он, что нас с Джилом связывает нечто большее, чем давнее знакомство?

– Мы с Джилом старые друзья.

– Старая ли это дружба или нечто большее, не мое дело, – мягко парировал инспектор. – Суть в том, что я арестовал мистера Трента не только на основании ваших слов. Имелись и другие обстоятельства, которые я обязан был принять во внимание.

Я вспомнила его вчерашние слова.

– Кто видел Джила с Рупертом в тот день на террасе?

Джонс миролюбиво улыбнулся:

– Как я уже отметил вчера, в настоящий момент я не вправе разглашать эти сведения.

Этот человек мог свести с ума кого угодно. Но я не собиралась быстро сдаваться.

– Предположим, кто-то действительно видел Джила. Но это еще не значит, что он убил Руперта.

– Верно, само по себе это мало о чем говорит. Однако в сочетании с веским мотивом, о котором поведали вы, и с учетом давних разногласий между фигурантами история предстает в ином свете.

– Однако не поторопились ли вы с арестом? Вы говорили с остальными? Узнав, что речь идет об убийстве, все были немало напуганы.

Инспектор потянулся к краю стола и взял толстую папку.

– Вот досье на постояльцев «Брайтуэлла», миссис Эймс. Довольно подробные, включая вас и вашего мужа. Интереснейшее чтение.

Я не поняла, на что намекает инспектор, и проигнорировала эту реплику.

– Тогда вам должно быть известно, что мотив мог иметься не только у Джила.

Инспектор задумчиво посмотрел на меня.

– Хотел бы я знать, что вам, по вашему мнению, известно, миссис Эймс.

Я мысленно ругнула себя, что разболталась. Он действительно проницателен, этот инспектор Джонс.

– Так, кое-что слышала, – уклончиво ответила я.

– Не сомневаюсь, что слышали. – Джонс откинулся на спинку стула. – Что-то особенное?

Как будто я хоть что-нибудь еще ему расскажу.

– Вряд ли слухи принесут вам пользу, инспектор.

– Может, и нет. Однако немало убийц были схвачены благодаря ценным сведениям, нет-нет да и мелькающим в слухах.

– Тогда вы согласитесь, что Джил не единственный, кто мог это сделать, – ухватилась я за подсказку.

– Разумеется... поэтому и не рекомендовал пока всей вашей компании покидать гостиницу.

Новость стала для меня неожиданностью. Я не слышала о том, что постояльцам запретили уезжать.

– Значит, вы не уверены, что это Джил?

– Я арестовал мистера Трента, поскольку можно сделать вывод, что он виновен. В противном случае я бы нарушил свой долг. Нельзя отрицать очевидное. Но уверяю вас, миссис Эймс, расследование еще не закончено.

Я никак не могла понять, что он хочет мне сказать. Его так трудно разгадать, почти как Майло. Но одно было ясно: пока инспектор больше ничего не скажет.

– Как себя чувствует мистер Трент?

– Ему обеспечен хороший уход.

– Я могу с ним поговорить?

– Боюсь, сейчас это невозможно. Возможно, если вы зайдете завтра...

Я поднялась, понимая, что нет никакого смысла задерживать Джонса.

– Я приду завтра.

Инспектор улыбнулся:

– Не сомневаюсь в этом, миссис Эймс.

Я вернулась в «Брайтуэлл» усталая и расстроенная. Рассчитывая наскоком отыскать убийцу за пару часов, а также выпытать что-нибудь у инспектора, я сильно переоценила свои возможности, Джонс предпочитал играть, не раскрывая карт. Приходилось думать, как можно узнать что-то собственными силами.

В холле было довольно пусто. Стояла чудесная погода, и большинство постояльцев после вчерашнего дождя спустились на пляж. Я знала, конечно, что смерть Руперта вызвала в «Брайтуэлле» немалое любопытство отдыхающих, но до сих пор они довольствовались тем, что перешептывались по углам.

У стойки мне передали письмо от Лорел. Я положила его в карман, предвкушая, как буду читать. Сейчас я очень нуждалась в ободрении, а Лорел всегда умела меня поддержать.

По дороге к лифту в угле холла я услышала смех и узнала голос Майло. Мне стало любопытно, кого он разговаривал, и в надежде, что

это как-то связано с нашим расследованием, я решила незаметно посмотреть.

Оказалось, смеялась Лариса Хэмилтон, что меня немало удивило. Они с Майло расположились ко мне в профиль. Впервые на моих глазах миссис Хэмилтон оставило напряжение. Она сидела в расслабленной позе, и на лице играла улыбка, делавшая ее очень привлекательной. Тут Майло наклонился, что-то сказал ей, и она снова звонко рассмеялась. Если бы я этого не слышала своими ушами и не знала Майло, я бы просто не поверила. Лариса буквально расцвела. Похоже, Майло не посрамил мою веру в его могущество.

Я ушла, постаравшись, чтобы они меня не заметили. Свернув к лифту, я увидела, как в гостиную входит мистер Роджерс. Почему бы не попытать счастья именно сейчас, подумала я. Может, у меня и нет обаяния Майло, но я почему-то была уверена, что кое-что удастся узнать... если, конечно, есть что узнавать. В гостиную я вошла под предлогом того, что мне нужно дописать письмо Лорел, и, изобразив приятное удивление от неожиданной встречи, воскликнула:

– О, мистер Роджерс! Как поживаете?

– Спасибо, хорошо. Хотя у меня довольно срочные дела.

Роджерс, видимо, намекал, что предпочел бы остаться один, но я притворилась, что не услышала, и, сев за письменный стол, сказала:

– Как досадно, что вся эта история помешала вашему отдыху.

– Ну, что уж тут... – И он умолк, уткнувшись в газету.

Начало вышло не столь удачное, как я надеялась. Роджерс явно не был настроен на разговоры. Я решила пойти напролом:

– Что вы думаете обо всей этой истории с убийством, мистер Роджерс?

Тот поднял голову:

– Я думаю, крайне маловероятно, что тут замешан Джил Трент. Я связался по телеграфу с сэром Эндрю Хитом, одним из лучших адвокатов Лондона.

– Джил будет благодарен вам за то, что вы выбрали ему адвоката.

– Он попросил меня обратиться к сэру Эндрю, – буркнул Роджерс, снова утыкаясь в газету.

Новость меня удивила.

– Джил вас просил? Когда?

– Вчера утром.

– До ареста?

– Да. – Роджерс опять посмотрел на меня. Ни в его тоне, ни в выражении лица не было ни малейшей заинтересованности. – Видимо, он догадывался о подозрениях инспектора и после завтрака спросил, не знаю ли я хорошего адвоката. Я недолго думая порекомендовал ему сэра Эндрю.

Я помолчала, переваривая услышанное. Зачем Джил наводил справки об адвокате, еще не зная, что его ждет арест? Какой смысл? Вероятно, это как-то связано с тем, что он собирался сказать вчера вечером. Нужно как можно скорее его увидеть. Наверно, он разъяснит, что вообще происходит.

Разговор увял. Мистер Роджерс был откровенно не расположен его продолжать, и дальнейшие попытки с моей стороны были бы навязчивостью. Не распечатывая письма Лорел, я начала писать ей еще раз и только закончила, как в гостиную вошла Вероника Картер. Она кивнула в знак приветствия, ничуть не смущаясь тем, что лишь накануне пыталась соблазнить моего мужа, и мне с большим трудом удалось удержаться в рамках приличий. Я ответила на ее кивок, поскольку меня учили быть воспитанной.

Вероника посмотрела на Роджерса, но поскольку тот не оторвался от газеты, к моему удивлению, уселась на стул возле письменного стола и какое-то время молчала. Интересно, что она собирается делать. Мисс Картер держалась сегодня не столь высокомерно, из нее слово выпустили воздух, и я вдруг испытала к ней симпатию. В конце концов Вероника подобрала слова, которые искала:

– Ужасная история с Оливией, правда?

Хотя ее лицо было спокойным, в глазах сквозила искренняя печаль, и свойственная мисс Картер ледяная категоричность уступила место трогательной неуверенности.

– Да, я очень расстроилась, узнав об этом. Но, кажется, с мисс Хендерсон все в порядке, а это хорошие новости.

– Я была в больнице. Меня к ней не пустили.

Я удивилась тому, что Вероника специально ходила навестить Оливию. Возможно, я вынесла о ней слишком поспешное суждение.

– Не понимаю, зачем она это сделала, – задумчиво продолжала между тем Картер.

– Может быть... из-за Руперта?

Она взглянула на меня, как показалось, даже несколько возмущенно.

– Исключено. Плевать она на него хотела.

Интересно, насколько хорошо Вероника Картер знала свою подругу? Оливия была в глубоком горе, когда мы разговаривали в этой гостиной. Может, она любила Руперта больше, чем предполагали остальные. А может, у нее имелась еще какая-то причина...

– Насколько я поняла, им обоим было не плевать, пока Руперт не познакомился с Эммелиной.

– О, мимолетный флирт, ничего серьезного. Руперт вообще был такой... Даже в Монте-Карло... – Она осеклась, словно испугавшись, что наговорит лишнего, но затем нарочито небрежно продолжила: – ... Вечно за кем-нибудь волочился.

Так Руперт тоже был в Монте-Карло? Майло не говорил мне об этом.

– А теперь его нет, и Оливия... Здесь стало ужасно, правда же? Я бы немедленно уехала, если бы этот жуткий инспектор не велел торчать тут.

– Скоро все закончится, – сказала я.

– Надеюсь.

Вероника встала, и на ее лицо снова опустилась маска безразличия, но все-таки я успела понять, что в конце концов мы с ней, возможно, не такие уж и разные: молодые женщины из зажиточных семей, которым, когда они столкнулись с трудностями, не выпало счастья иметь рядом надежное плечо.

Когда я вышла из гостиной, Майло и миссис Хэмилтон уже исчезли. Мне было интересно, удалось ли Майло что-нибудь узнать у нее, но всему свое время. Сейчас не до того. Я возвращалась в номер, размышляя об утренних событиях. Логика инспектора ничуть не поколебала моей убежденности в невиновности Джила, но фортель с адвокатом объяснить нелегко. Возможно, Роджерс прав. Сознывая, что подозрение может пасть на него, Джил решил встретить невзгоды во всеоружии.

Однако Джонс меня озадачил. Создавалось впечатление, будто он знает больше, чем говорит. Казалось, он что-то хотел мне открыть, но я не понимала, что именно. Хотелось надеяться, что я могу видеть в нем

союзника. Если он не до конца убежден в виновности Джила, то, возможно, найдет настоящего убийцу Руперта Хоу.

Погруженная в свои мысли, я открыла дверь в номер. И замерла. Что-то было не так, что-то изменилось. Много времени, чтобы догадаться, в чем дело, не потребовалось. Ничего не пропало, наоборот, добавилось. Я заглянула в ванную, и подозрения подтвердились. Распахнув платяной шкаф, я вздрогнула от негодования.

Майло перетащил все свои вещи в мою комнату.

Глава 16

Вечером я заглянула к Эммелине. Она в одиночестве ужинала. Она слегка порозовела, и у нее как будто чуть поднялось настроение.

– Я не знаю, как буду жить... без Руперта, но просто не перенесу, если что-нибудь случится с Джилом, – сказала она. – Меня так успокаивает мысль о том, что ты делаешь все возможное, чтобы помочь ему.

Оставалось только надеяться, что этого будет достаточно. Уверенность Эммелины тяжким бременем ответственности давила на плечи. Выдержав короткую паузу, я решила рискнуть и спросила:

– Ты не догадываешься, зачем кому-то было убивать Руперта?

Нелегко задавать вопросы, связанные с этой смертью, но кому знать, как не ей? Эммелина помолчала и, к моему облегчению, кажется, задумалась.

– Я все думала, думала, но просто не понимаю, зачем кому-то... понадобилось это сделать. Он со всеми ладил, ну, пожалуй, кроме Оливии Хендерсон. Они раньше... были близки.

– Ты знала? – удивилась я.

– Все знали, хотя Руперт говорил, что это ерунда. Я и представить себе не могла, что Оливия решится на такой ужасный шаг.

Я вспомнила слова Ларисы Хэмилтон и двинула напролом:

– А Оливия ничего не говорила насчет того, что собиралась в тот день встретиться с Рупертом? Мне намекали, что, когда вы возвращались с пляжа, они разговорились. Может, они все-таки встретились и разругались?

Эммелина нахмурилась и покачала головой:

– Вряд ли это правда. Мы поднимались одновременно. Может, Оливия и Руперт и оказались рядом, хотя обычно они старались не сталкиваться. Я точно знаю, интереса там не было ни с одной стороны. Понимаешь, она... – Эммелина замялась, будто собираясь что-то сказать, но затем снова покачала головой: – Нет, они просто не замечали друг друга. И уж конечно, им незачем было встречаться.

Собственное мнение по данному вопросу я оставила при себе, почувствовав облегчение оттого, что Эммелина не спросила, откуда мне об этом известно. Я помнила, с каким трудом вытягивала

информацию из миссис Хэмилтон. По ее словам, Лариса была не уверена, что точно слышала весь разговор. Может быть, и так. Может, она ослышалась, а может, справедливо предположила, что из-за морского шума Эммелина не разобрала слова. И все-таки я не могла заставить себя забыть об этом.

К ужину я явилась рано, но, когда вошла в зал, Эдвард и Анна Роджерс уже сидели за столом. Роджерс все читал, а мы с Анной пару минут поболтали на светские темы. Мне показалось, она трещит без умолку, чтобы разогнать молчание. Ни об убийстве, ни об Оливии мы не заговаривали, и в данный момент я не испытывала никакого желания поднимать эти вопросы.

Зал постепенно заполнялся, и скоро наша компания была в полном сборе. Как-то странно: наши друзья один за другим отсеивались, а мы продолжали собираться, ужинать, завтракать.

– Прелестно выглядишь, – заметил Майло, плавно опускаясь на сиденье рядом со мной и глядя на приталенное синее шелковое платье без рукавов. – Всегда люблюсь тобой, когда ты в синем.

– Ты не менее прелестен, – отозвалась я. – Правда, в том ворохе, что ты перетащил ко мне, я не увидела смокинга.

– О, ты заметила.

– Еще как заметила.

К нам подсели Хэмилтон, и, пока Лариса садилась, Майло, как и остальные мужчины, привстал. Он что-то сказал ей, и лицо миссис Хэмилтон осветилось. Она ответила, но слишком тихо, я не расслышала, и Майло рассмеялся. Кажется, за вторую половину дня их дружба лишь окрепла. Снова заняв свое место, Майло негромко сообщил мне:

– Я просто подумал, поскольку мы партнеры, то можем разместить штаб-квартиру в твоём номере.

Я разложила на коленях салфетку.

– А тебе при этом необходимо там спать?

– А ты не хочешь, чтобы я там спал? – Майло так низко наклонился ко мне, что я не видела его лица и не поняла, говорит ли он серьезно или дурачится.

– Что вы думаете по поводу того, что нас здесь держат против воли, Эймс?

В кои-то веки я порадовалась, что Хэмилтон грубо влез в разговор. Я бы не хотела обсуждать с Майло эти темы за общим столом.

– А мы здесь против воли, мистер Хэмилтон? – поинтересовался Майло, потянувшись за бокалом. – Я полагал, мы приехали сюда отдыхать.

– Но ведь полицейский обошел всех и заявил, что мы не имеем права уезжать, так ведь? По-моему, это означает удерживать против воли.

– В любом случае с полицией лучше сотрудничать, – вставил Роджерс.

– Ну знаете, мне это совершенно не нравится!

– Но ведь не заперли же нас, Нельсон, – примирительно сказала миссис Хэмилтон.

– Глупости, Лариса. Ты ничего в этом не смыслишь. Кого нужно, уже посадили за решетку. Зачем нас заставляют торчать здесь?

– Вы же не можете думать, что Джил виновен в смерти Руперта, – возразил мистер Роджерс. – Он для этого слишком добр.

– Как знать, – огрызнулся Хэмилтон.

– Я не могу себе представить, что Джил способен на такое, – мягко вмешалась я. – Все очень скоро разъяснится, никаких сомнений.

Хотя мне очень хотелось горячо заступиться за Джила, я подумала, возможно, для моих целей будет лучше сохранять вид непоколебимой уверенности в правоте полиции. Слишком громкие возражения могут привлечь внимание к тому факту, что я заинтересована в исходе дела. Лучше помалкивать, хотя мне претило, что я не могу излить свое негодование по поводу неправомерного ареста Джила.

Я подняла голову и встретила взглядом с Майло. Он язвительно смотрел на меня, и на губах играла едва прикрытая издевательская улыбка. Он прекрасно понимал, что я чувствую, и получал удовольствие от моих метаний.

– Конечно, миссис Эймс права, – заключила Анна Роджерс. – Скорее всего это был несчастный случай... или какой-нибудь незнакомец...

Она умолкла, и я поняла, что именно она недоговорила. Если это вправду не Джил, тогда, вероятнее всего, кто-то из нас.

– А они сказали, чем его ударили?

– Тупым предметом, – ответила я, вспомнив слова инспектора. – Не слишком крупным и, вероятно, с закругленным концом. Кажется, полиция его не нашла.

– Какой ужасный разговор за ужином, – передернулась Анна Роджерс.

Она, конечно, была права. Беседа свернула на банальности – все, похоже, устали от кошмаров. Заговорили о погоде, почти все собирались завтра купаться. Как быстро забылись страшные события, затронувшие друзей... Хэмилтон, как ни негодовал по поводу необходимости торчать в «Брайтуэлле», просто злился, что ему что-то запрещают, это было очевидно. В конце концов он сам говорил, что намерен пробыть здесь до конца. Распоряжение инспектора, похоже, никому не причинило особых неудобств, для большинства жизнь по-прежнему шла своим чередом.

Унесли последнее блюдо, начались танцы, а нежелающие танцевать потянулись в гостиную за кофе и алкогольными напитками. Я осталась за столом. Меня придавили сегодняшние события, все услышанное, и я глубоко задумалась. Положив руку на спинку моего стула, Майло вдруг спросил:

– О чем ломаем голову?

Я очнулась, вдруг увидев, что он придвинулся совсем близко.

– Почему ты спрашиваешь?

– Когда ты сосредоточена, у тебя темнеют глаза.

– Правда? Меня удивило, что он заметил эту деталь.

– А когда злишься, отливают серебром. У тебя чудесные глаза, Эймори.

Майло говорил легко, но без обычной насмешки. Я посмотрела на него. Опять. Опять эта внезапная искра между нами. Я так и не поняла, как надо воспринимать маленькие нежности собственного мужа. Не то что меня терзали подозрения в его неискренности. Просто эта искренность не отличалась долговечностью, и я побаивалась к ней привыкать.

– Спасибо, – не слишком серьезно поблагодарила я за комплимент. – Ты прав, мысли не дают покоя. Я сегодня была у Джонса.

– Вот как. И что сказал славный инспектор?

Майло убрал руку и откинулся на спинку стула, этим незначительным изменением позы давая понять, что секундная близость прошла. Хотя я этого и добивалась, но все-таки немного расстроилась.

– Самую малость. Это довольно закрытый человек. Он... он не разрешил мне увидеться с Джилом.

Майло промолчал. Наверно, мне не надо было этого говорить. Почему-то последнее время я постоянно ловила себя на том, что болтаю лишнее.

– Я заметила, ты сошелся с Ларисой Хэмилтон, – продолжила я.

– Да, мы сегодня довольно долго трепались.

– И что ты о ней скажешь?

– Не такая уж она и затворница, как думают, пару раз оживилась.

– Вот как.

Несомненно, чтобы расшевелить такую печальную женщину, как Лариса Хэмилтон, требуется именно лестное внимание Майло.

– Она такая замкнутая, потому что очень несчастная. И ей здесь совсем не нравится. Но это еще не все. Мне кажется, она что-то скрывает. И чего-то боится.

Майло произнес это как бы между делом, теряя к разговору интерес. Взгляд устремился к дверям – постояльцы как раз отужинали – и загорелая рука принялась тереть лежавшую на столе салфетку.

– Скорее всего, это из-за мужа, – хотя за столом никого не осталось, я невольно понизила голос и заговорщически перегнулась к Майло.

Он понимающе посмотрел на меня.

– Как ты думаешь, он плохо с ней обращается?

– Если и так, она бы, разумеется, не стала мне об этом сообщать.

– Я думала, женщины тебе все рассказывают, – небрежно бросила я.

Взгляд Майло стал серьезен.

– Ты – нет.

– Мистер и миссис Эймс, – вдруг окликнул из дверей Лайонел Блейк. – Не угодно ли партию в бридж? Нам не хватает двоих.

Майло встал и улыбнулся мне открытой, приятной улыбкой:

– Дорогая?

– Видишь ли, я... – Бесполезно. К серьезному разговору он больше не вернется. Я встала и выдавила из себя улыбку. – С удовольствием.

Я любила бридж. Умственное напряжение приносило удовольствие. Майло к бриджу был довольно равнодушен, хотя, включая мозги, играл очень хорошо. Как часто в жизни, он без труда одерживал победу, если ему того хотелось.

Я играла в паре с Лайонелом Блейком, Майло – с миссис Хэмилтон. Мистер Хэмилтон и миссис Роджерс составили пару Восток-Запад, Север-Юг были мистер Роджерс и мисс Картер. Во время игры говорили мало, и уж тем более ничего важного. В гостиной стоял бакелитовый радиоприемник, и миссис Роджерс крутила его, пока не напала на Би-би-си. Гостиную заполнили приятные оркестровые мелодии. Все, казалось, были твердо намерены не замечать того, что за последние дни произошло убийство, арест и попытка самоубийства. И не могу сказать, что я это осуждала. Усиливающееся напряжение начинало сказываться на нервах, я все время была на грани, будто ждала, что на нас вот-вот обрушится очередное несчастье.

Мне никак не удавалось сосредоточиться на игре. Голова трещала от роящихся мыслей, и, боюсь, партнер из меня вышел неважный. Мы с Лайонелом Блейком явно не лидировали. Дух соперничества в сочетании с прирожденной сметкой, которая за годы, проведенные за рулеткой и баккарой, обратилась в опыт, сослужили Майло хорошую службу. Они с миссис Хэмилтон довольно агрессивно торговались и разбили нас в пух и прах.

– Кажется, из меня сегодня вышел бездарный партнер, – сказала я Лайонелу Блейку, когда мы подсчитывали проигрыш.

– А я думаю, вы играете очень хорошо, – заметила миссис Хэмилтон.

Это было очень любезно с ее стороны, особенно с учетом того, что они с Майло только-только взяли большой шлем. Когда наша игра закончилась, мы расселись по комнате, и Майло с мистером Блейком принесли нам кофе. Остальные еще продолжали игру. К явному неудовольствию мистера Хэмилтона, выигрывали мистер Роджерс и мисс Картер. Хэмилтон в раздражении похлопал себя по карманам.

– Черт возьми, и сигарет нет. Лариса, дай твои.

– Я... я не взяла.

– Что значит «не взяла»?

Хэмилтон схватил ее сумочку и принялся в ней рыться, остальные в стремлении не довершать унижение Ларисы делали вид, будто ничего не замечают. Наконец Хэмилтон нашарил портсигар, обнаружил, что тот пуст, и отшвырнул сумочку обратно жене.

– На черта нужен портсигар, если забываешь класть туда сигареты? – проворчал он.

– Я так редко курю, Нельсон, – мягко ответила Лариса. – Просто забыла.

– Возьмите мои, – предложил Майло.

Лариса благодарно улыбнулась Майло, а Хэмилтон, вернувшись на свое место, мрачно закурил. Я ждала момента, когда можно будет перемолвиться с глазу на глаз с Лайонелом Блейком. Мне было интересно, чем закончилась история с театром. Он держался очень непринужденно; может быть, финансовые затруднения его попечителя благополучно разрешились.

Артист предложил сыграть еще партию, супруги Роджерс согласились, и нужен был еще один игрок. Вероника Картер отказалась и, пожелав всем спокойной ночи, удалилась. Сегодня она, можно сказать, игнорировала Майло. Видимо, тот факт, что он провел ночь в моей комнате, не нуждался в дополнительных разъяснениях.

– Мистер или миссис Эймс? – спросил Блейк.

– Думаю, нет, – ответил Майло. – Я, наверно, пойду.

Он посмотрел на меня, и я увидела в его глазах вызов. Мы оба помнили, что он планировал остаться у меня, а я все никак не могла решить, позволить ли этому случиться.

– Полагаю, для меня тоже уже поздно, – сказала я. – Немного устала.

– Тогда мистер или миссис Хэмилтон? – продолжил Блейк.

Мистер Хэмилтон отказался, что меня не удивило. Он переживал поражение и наверняка не хотел доставлять противникам удовольствие еще одной победы.

– Нет, думаю, пора спать, – сказал Хэмилтон, поднимаясь со стула. – Ты идешь, Лариса?

– Не сейчас, Нельсон, – ответила та. – Я, наверно, еще сыграю.

Произнося эти слова, Лариса не смотрела на мужа, будто опасаясь, что его неодобрительный взгляд поколеблет ее решение. И, надо сказать, оказалась права. Лицо Хэмилтона исказила гримаса неудовольствия, но лишь на мгновение. Он тут же смягчился и улыбнулся:

– Хорошо, старушка, как знаешь. Всем спокойной ночи.

И, попрощавшись таким манером, Хэмилтон вышел из гостиной.

– Вот проклятье, – раздался голос Лайонела Блейка. – Карандаш затупился. У вас есть чем писать, миссис Эймс?

– По-моему, да, в сумочке. – Я осмотрелась и вдруг поняла, что давно не видела свою сумочку. – Видимо, забыла ее за столом, – сказала я, вставая. – Схожу.

– Тебе принести, дорогая? – спросил Майло.

– Спасибо, я сама.

В зале уже убрали столы, так что пришлось подойти к стойке, где служитель вручил мне мою сумочку. На обратном пути в гостиную я вдруг увидела Хэмилтона, чему не на шутку удивилась. Он стоял посреди холла и слегка раскачивался из стороны в сторону, как будто не мог решить, в каком направлении двинуться. Я укрылась за пальмой в плохо освещенном углу, так что он меня не заметил и вряд ли заметит, если только я специально не привлеку к себе его внимание. Сначала я подумала, что он вышел на террасу, например подышать перед сном свежим воздухом, и теперь возвращается в номер, однако Хэмилтон не собирался идти к лифту. Он бросил взгляд на гостиную, будто уверяясь, что его никто не видит, затем открыл двери и выскользнул на террасу.

Если бы не его взгляд украдкой, я бы, наверно, не придавала этому никакого значения. Но мне показалось очень странным, что он действовал словно тайком. Недолго думая, я направилась следом за ним. Если мы столкнемся, скажу, что просто вышла проветриться.

Из зала, где продолжались танцы, еще доносились звуки оркестра. В холле сидела какая-то пара, но она была так увлеклась разговором, что на меня никто не обратил внимания. Терраса в этот час опустела. Меня обдал слабый соленый ветер, снизу доносился шум разбивающихся о берег волн. Хэмилтон прошел в западные двери, туда, где мы пили чай в день моего приезда. Однако, оглядевшись, я его не увидела и решила обойти террасу. Выйдя на южную часть, я

обнаружила, что Хэмилтон и здесь не стал любоваться лунным сиянием. Его нигде не было. Вряд ли он решил обойти здание гостиницы по периметру. Скорее всего спустился по лестнице к нижней террасе или на пляж.

Я подошла к лестнице и, глянув вниз, в самом деле увидела Хэмилтона. Он шел как-то крадучись. Смокинг явно не годился для ночного купания, прогулка под луной тоже представлялась маловероятной. Оставалось только двинуться за ним. Подхватив подол платья, я пошла по ступеням. Конечно, будет сложно незаметно спуститься к пляжу, особенно поскольку шелк отчетливо поблескивал в тусклом лунном свете. Если Хэмилтон из предосторожности решит оглянуться, то наверняка увидит меня, и объяснить мое присутствие будет непросто. Я подождала, пока он отойдет на приличное расстояние. К счастью, негромкого шума ветра и волн было достаточно, чтобы заглушить звук моих шагов.

Хэмилтон шел довольно быстро, у него явно имелась определенная цель. Может, он в самом деле направляется на нижнюю террасу? Может, у него есть причины посетить место преступления? Если говорить правду, я от всей души надеялась, что преступником окажется именно он. Я его просто невлюбила, а кроме того, он действительно из тех, кто не задумываясь трахнет по голове. Однако я не видела мотива, если, конечно, Руперт не пытался приударить за миссис Хэмилтон. Но это вряд ли. Я не могла припомнить ни одного его взгляда на Ларису.

Хэмилтон остановился у развилки, откуда один лестничный марш вел вниз на пляж, другой на нижнюю террасу, и, бросив взгляд на террасу, продолжил спуск. Я не отставала. Мои туфли явно не предназначались для столь изнурительных экзерсисов, каблуки то и дело проваливались в щели между досками, и, когда началась галька, я их просто-напросто сняла. Идти по камням в чулках оказалось занятием не из приятных.

На пляже Хэмилтон торопливо сошел с тропинки. Луна светила не очень ярко, но различить его в полумраке можно было без труда. Он производил впечатление чем-то очень озабоченного человека, и я надеялась, что, если ему вздумается обернуться, на расстоянии он меня не разглядит.

Хэмилтон остановился у подножия скалы под нижней террасой и, не отрывая взгляда от земли, вроде как принялся что-то искать, ногами расшвыривая мусор. Ни фонарем, ни спичками он не воспользовался, вероятно, не желая привлекать внимания к своим и без того подозрительным действиям. Берег в этом месте усеяли выброшенные морем камни, раковины, щепки и всякий хлам, который у меня не было времени как следует рассмотреть.

Вдруг Хэмилтон нагнулся, поднял что-то с земли и принялся пристально изучать в тусклом свете. С расстояния мне было не видно, но на секунду что-то блеснуло, и Хэмилтон, быстро засунув находку в карман, двинулся обратно к лестнице. Я пустилась наутек и, добежав до лестницы, стала подниматься через ступеньку. Наверняка то еще зрелище – бегом по деревянной лестнице, в вечернем платье и босиком. Однако мне было не до смеха, я понимала, что не успею добраться до верха раньше Хэмилтона и избежать разоблачения.

Я обернулась. Хэмилтон подходил к лестнице. Поскольку земля была неровной, он смотрел под ноги и скорее всего пока меня не видел, но это лишь вопрос времени. В отчаянии задрал голову, я ясно увидела прямо перед собой человеческую фигуру. Майло, идя мне навстречу, уже почти дошел до лестничной развилки.

– Эймори, ради бога, куда ты?..

Времени на объяснение не оставалось. Хэмилтон приближался неумолимо, и спрятаться нам некуда. Положение было безвыходным.

Отшвырнув туфли, я бросилась к Майло и пылко его поцеловала.

Глава 17

Мои опасения, что Майло поинтересуется причинами столь внезапной страстности, оказались напрасными. Он ответил на поцелуй без колебаний. Секунда, и он уже держал меня в объятиях, прижимая к перилам. Когда раздались тяжелые шаги Нельсона Хэмилтона, уже Майло целовал меня, а не я его. Причем, надо сказать, он подошел к делу основательно и, когда наконец отстранился, заслышав громкий кашель мистера Хэмилтона, я не могла с уверенностью сказать, что задыхаюсь исключительно от сумасшедшего подъема.

– Простите, что помешал, – улыбнулся Хэмилтон.

Майло неспешно повернул голову, но не потрудился отойти или убрать руки с моей талии.

– Мы гуляли под луной, – улыбнулся он в ответ. – И, боюсь, несколько увлеклись.

Значит, он все правильно понял. Стало огромным облегчением узнать, что Майло при необходимости может быть полезен.

– Это вполне понятно, – кивнул Хэмилтон. – Я сам ходил подышать свежим воздухом. Но лучше в компании, правда?

Ни в его голосе, ни в выражении лица я не уловила подозрительности и могла только надеяться, что мы с Майло неплохо все разыграли. Скорее всего, так и было, потому что сердце у меня еще бешено колотилось. Когда перед уходом Хэмилтон пожелал нам приятного вечера, я улыбнулась как можно более смущенно. Все еще обнимая меня за талию и довольно крепко прижимая к перилам, Майло негромко сказал:

– Расследование становится все более увлекательным.

– Уже можешь отпускать, – прошипела я, но, когда Майло в ответ наклонился ко мне, предательское сердце забилось еще сильнее.

– Может, он еще смотрит. Давай продолжим с того места, где остановились.

Я было заартачилась, но Майло поцеловал меня, прежде чем я сумела собрать силы для сопротивления. Такого между нами не случалось уже давно, и я, обнаружив, что внимание мужа не оставляет меня полностью равнодушной, на секунду вспомнила первые безумные дни нашего головокружительного романа, когда была так

уверена в его любви. Блаженная слепота юной любви делала его поцелуи неотразимыми.

Однако те времена остались далеко позади, и хотя нечестно было бы отрицать, что меня все еще влечет к Майло, я прекрасно понимала, что сейчас не самый подходящий момент предаваться страсти, есть дела поважнее. Я собрала в кулак всю решимость и, с трудом переводя дух, тихонько оттолкнула его, однако сердце тревожно забилося.

– Хватит, Майло.

– У меня такое ощущение, дорогая, что мне не хватит никогда.

Его ласковый взгляд вызвал у меня дрожь, и я поняла, что мы ступили на опасную территорию.

– Майло...

– Пойдем к нам, – перебил он.

Так это уже называется – к нам? Какую-то долю секунды я была готова уступить соблазну. Все-таки это мой муж. Но затем напрягла силу воли. Он без разрешения перенес вещи ко мне в номер, но в мою постель так легко не залезет. Я отстранила его еще дальше и высвободилась из объятий.

– Не думаю, что это блестящая идея.

– А мне она видится превосходной. – Майло внимательно посмотрел на меня и перевел взгляд на лестницу. – Хэмилтон немало удивится, если после столь яркой демонстрации нашей взаимной привязанности я заночую у себя.

Я заколебалась. В его словах был резон, хотя мне и очень не хотелось признавать это.

– Ладно, – сказала я наконец. – Можешь остаться у меня. Уверена, на диване тебе будет удобно.

Майло усмехнулся:

– Вообще-то я не это имел в виду.

– Кто бы сомневался. – Я подошла к Майло, рискуя тем, что он снова попытается меня обнять, и понизила голос: – Он что-то искал у подножия скалы. Кажется, нашел и спрятал в карман.

– По-моему, было довольно легкомысленно бегать за ним в потемках, тебе не кажется? Если это он убил Руперта, то не задумываясь проделает то же самое и с тобой.

– Как ты узнал, где я? – спросила я, пропустив мимо ушей его совершенно справедливое замечание.

– Я вышел из гостиной как раз в тот момент, когда ты выскользнула на террасу, и решил, что лучше пойти следом.

– Большое спасибо, я могу сама постоять за себя.

– Я верю в тебя. Конечно, ты могла защититься. Например, шандарахнуть его по башке вот этим. – Майло поднял мои туфли и протянул мне.

Я не торопилась их надевать. Нам еще карабкаться наверх.

– Благодарю за поддержку, – проворчала я.

– С удовольствием, поверь.

– Как ты думаешь, что он там искал?

– Не имею ни малейшего представления.

– Невелика же твоя помощь.

– Разве? – Майло облокотился на перила. – Что ж, боюсь, я в самом деле несколько отвлекся.

Я сделала вид, что не расслышала этих слов и тона, каким они были произнесены, хотя меня кольнуло ничем, казалось бы, не обоснованное неприятное чувство.

– Ты правда думаешь, что Хэмилтон мог убить Руперта? Он, конечно, очень груб, и жена его боится, но это еще не значит, что он убийца.

– Я бы сказал, это в рамках вероятного, хотя не могу подобрать убедительной причины.

– Увы, – вздохнула я, переложив туфли в одну руку, чтобы другой опираться на перила. – Вот и я не могу. Ладно, пойдем, дорогой. Возвращаться все равно надо.

Он накрыл мою свободную руку горячей ладонью.

– Надо?

– Ты собираешься простоять здесь всю ночь? Холодает.

– Я тебя согрею, – пообещал Майло, притягивая меня к себе.

Его губы приблизились, и этот поцелуй на идиллическом фоне мерного рокота волн был менее поспешным. Нас овеял прохладный ветер, но моя решимость таяла от тепла повторных объятий Майло, а разум затуманился. И опять безрассудное желание вступило в борьбу со здравым смыслом. И снова победу одержало благоразумие.

– Думаю, лучше будет вернуться, – прошептала я наконец, обдавая дыханием его губы.

Майло чуть отстранился и посмотрел на меня. В его зрачках отражалась луна, и понять, о чем он думает, было невозможно.

– Если ты настаиваешь. – И, глубоко вздохнув, Майло отпустил меня.

Мы двинулись вверх по крутой лестнице, храня уютное молчание. Странно, иногда – вот как сейчас – вместе было необычайно легко, а иногда между нами словно выростала стена.

На террасе, когда мы подошли к пятну света, падавшего из окон, я сказала:

– Наверно, мне надо надеть туфли. Хотя, похоже, в чулки набились камешки.

Майло подставил руку, опираясь на нее, я надела туфли и, посмотрев на мужа, пошла в холл. Майло двинулся следом, чтобы открыть дверь, но вдруг остановился и достал из кармана носовой платок.

– Подожди, ты размазала помаду.

– Это ты ее размазал, – уточнила я, заметив, что он как-то умудрился не перепачкаться. Еще один несомненный его талант, в ряду прочих.

Придерживая лицо за подбородок, Майло вытер мне губы и убрал платок, но руку задержал. Я подняла брови, в глубине души надеясь, что сейчас он снова меня поцелует. Но Майло отстранился и, уже открывая дверь, сказал:

– Еще одно, дорогая.

– Да?

Чуть наклонившись, он ослепительно улыбнулся.

– Просто считаю своим долгом тебя предупредить. Ни разу в жизни не спал на диване и учиться не намерен.

Я позволила Майло улечься в мою кровать, но целовать его на ночь не собиралась. Просто глупо укладывать его на слишком короткий диван. Во мне говорило исключительно милосердие, начинать же курортный роман с собственным мужем было не время. Это только все усложнит, особенно учитывая неопределенность в наших отношениях. Я по-прежнему не испытывала уверенности в своих чувствах к Майло, не говоря уже о его чувствах ко мне. Меня тянуло к нему, как, впрочем, и всегда, но это еще не повод бросаться в

его объятия. И пока не наступила ясность, лучше держаться друг от друга подальше. Майло наглядно дал понять, что ему подобные сомнения неведомы, но в данном вопросе его мнение не являлось решающим. Что касается моих, если использовать это грубое выражение, брачных обязанностей, то, думаю, Майло имел бы больше оснований требовать от меня их выполнения, если бы начал выполнять свои.

Однако, должна признаться, воспоминания о поцелуях, которыми мы обменялись на лестнице, долго не покидали меня, даже когда до меня донеслось его медленное, ровное дыхание, означающее, что он уснул. Уже вечность между нами не было ничего подобного, и мысль о том, что я по-прежнему ему желанна, служила утешением.

Конечно, я не была такой дурочкой, чтобы считать, будто вспышка его интереса ко мне никак не связана с явной угрозой, которую представлял для нашего брака Джил. Мне иногда казалось, что Майло похож на эгоистичного ребенка, которому до лампочки брошенная игрушка, до тех пор пока в нее не захочет поиграть кто-нибудь другой. Меня не покидало неприятное чувство, что через непродолжительное время я снова стану ему безразлична.

Я повернулась и в мягком полумраке комнаты принялась рассматривать лицо спящего мужа. Считая себя практичной, уравновешенной женщиной, даже после пяти лет не самого безоблачного брака я не могла всерьез укорять себя за то, что потеряла тогда голову. Майло был так красив и очарователен, а я была так юна — меня закружило. Хотя, конечно, еще до свадьбы я могла бы прикинуть, что приятная внешность и обаяние не обязательно залог того, что из мужчины получится хороший муж.

Если меня извиняла молодость, то почему же Майло решил на мне жениться? Я часто об этом думала, поскольку вовсе не принадлежала к той породе женщин, которые обычно привлекают таких мужчин; ослепительная блондинка подошла бы ему больше. Нас разделяло куда больше, чем узкое пустующее пространство кровати.

Как уже нередко случалось в последнее время, мои мысли от Майло перекинулись на Джилла. Интересно, он тоже сейчас не спит? Я надеялась, у него не очень страшная камера. Мне все еще не верилось, что Джил арестован. Какой ужас вся эта история... Завтра я навещу его. Хотелось бы надеяться, что он не очень на меня злится.

Разговаривая с инспектором, я и представить не могла, что из этого выйдет.

Да, инспектор Джонс. Этот человек просто-напросто испытывал мое терпение. И все-таки чувствовалось, что в нем больше, чем видно глазу. У него явно что-то на уме, в этом я была уверена. Он арестовал Джилла, но ни слова не сказал об оружии убийства. На дознании констатировали, что оно отсутствует. Непременно спрошу у него завтра, как можно быть в чем-то уверенным, если нет оружия убийства.

Я начала погружаться в сон, мысли невесомыми мотыльками порхали в голове. И вдруг из промежуточного между бодрствованием и легкой дремотой состояния меня буквально вышибла одна мысль. Я подскочила и моментально проснулась. Орудие убийства. Я посмотрела на Майло. Мне обязательно нужно с кем-нибудь поделиться, а он ближе всего.

– Ты спишь? – прошептала я.

Майло не пошевелился. Наверно, можно было подождать и до утра. Но в голове лихорадочно металась версия, и отложить их на завтра казалось невозможным. Я потянулась и включила лампу. У Майло чуть дрогнули веки.

– Майло!

Мирное, расслабленное лицо мужа свидетельствовало о том, что он весьма далек от пробуждения. Я заметно повысила голос:

– Майло, проснись.

Он прищурился на свет и прикрыл глаза ладонью.

– Какого черта?.. Что случилось?

– Мне надо с тобой поговорить.

– Боже милосердный, Эймори! Который час?

Я посмотрела на часы, лежавшие на столике.

– Начало третьего. Ты проснулся?

– Нет, черт возьми, не проснулся.

– Не ворчи, Майло. Послушай. Мне кое-что пришло в голову. Могла, конечно, догадаться и раньше. Я думаю, Хэмилтон искал орудие убийства.

Майло опустил руку и посмотрел на меня.

– Орудие убийства?

– Ну конечно, иначе и быть не может. Убив Руперта, он наверняка сбросил вниз эту штуку, чтобы потом подобрать.

– Уж конечно, твоему инспектору хватило ума там поискать.

– Он не мой, и кроме того, это могло быть нечто не привлекающее внимания, особенно если неизвестно что искать.

– Что, например?

Я вспомнила груды хлама у подножия скалы, какие-то нанесенные морем деревяшки, камни, ракушки.

– Да что угодно, хоть кирпич из стены.

– Если на берегу такой надежный тайник, зачем было искать?

– Не знаю. Может, Хэмилтон боялся, что его все-таки обнаружат. Или что прибой вынесет на видное место.

Я встала с кровати, набросила пеньюар и подошла к небольшому письменному столу в углу комнаты. Мысли путались, а лучший способ привести их в порядок – это записать. Неплохо было бы прибегнуть к нему раньше. У меня всегда прояснялось в голове, когда я писала Лорел. А последовательно изложив мысли на бумаге, можно было начинать думать об их значении. Я надеялась, что этот метод оправдает себя и в расследовании убийства.

– Дорогая, а нельзя ли подождать до утра?

– Уже утро, – отозвалась я, беря лист бумаги и перьевую ручку. – И прежде чем ты продолжишь нить, позволь напомнить, что это была твоя идея заночевать у меня, не моя.

Майло вздохнул:

– Хорошо, пусть, только я не это имел в виду.

В верхней части листа я написала «Хэмилтон» и подчеркнула.

– Какой у него мог быть мотив? – спросила я. – Как ты думаешь, Руперт мог ухаживать за миссис Хэмилтон?

Майло сел в кровати, проведя рукой по взъерошенным волосам и темной, уже выступившей щетине. Я старалась не обращать внимания, какой он очаровательный, когда сонный. В его наружности так редко наблюдался беспорядок, что помятость лишь придавала ему особый шарм. Я снова вспомнила вечерние поцелуи и заставила себя сосредоточиться на поставленной задаче.

– Не исключено, – ответил Майло, – но я бы не сказал, что вероятно. Мне кажется, Руперт Хоу предпочитал совершенно других женщин. Она, конечно, довольно симпатична, но ее окружает аура какой-то несчастья. Да она и не скрывает, что несчастна. Не думаю, что мужчины находят это привлекательным.

– В лучах твоего внимания она, разумеется, оттаяла, – вставила я.
– Да, ей нравится, когда ее веселят. А, насколько могу судить, мистер Хэмилтон этим не занимается.

– Вот уж нет. Не понимаю, зачем она вышла за него замуж.

– Не понимаешь? Примерь ситуацию на себя. Может, выйдя замуж за меня, ты заключила и не лучшую сделку в жизни, но пример мистера Хэмилтона показывает, что могло быть намного хуже.

– Веский аргумент, – сухо заметила я. – В любом случае я не могу представить себе Хэмилтона, который убивает из ревности. А если по какой-нибудь другой причине?

– Может, тут замешаны социалисты, – пожал плечами Майло. – Если верить газетам, они сегодня замешаны исключительно во всем.

– Не валяй дурака, – улыбнулась я, оборвав полет его фантазии.

– Какие-нибудь темные делишки?

– Не знаю. Это можно попытаться выяснить у Эммелины или Джила. Если у Руперта с Хэмилтоном были общие дела, им об этом наверняка известно.

Майло встал с постели и, надев пижаму, подошел к столу.

– Из того, что мне известно о Руперте Хоу, он вполне мог ввязаться во что-то сомнительное, если считал, что можно побыстрому сорвать куш.

Я удивленно повернулась к нему.

– Ты был знаком с Рупертом? Да, Вероника Картер упоминала, что он тоже крутился в Монте-Карло.

– Нет, я слышал о нем, но знакомы мы не были. Боюсь, он вращался не в моих кругах.

– Какой же ты сноб, Майло.

– Не правда ли? – Майло поднял брови. – Все-таки воспитание за деньги не купишь. Эта компания в «Брайтуэлле» совсем не нашего пошиба.

– Очень милые люди.

Майло улыбнулся:

– Кроме одного, который убийца.

– Да, кроме него.

Он, конечно, был прав. Я заступилась за наших новых друзей механически, из соображений терпимости и вежливости, внушенных мне с детства, но это не отменяло очевидного факта: помимо Джила и

Эммелины никого из нашей компании нельзя было назвать милым. Мне казалось, что везде какие-то секреты, тайны мадридского двора, которые все скрывают чуть ли не от самих себя. И тем не менее где-то в сердцевине запутанного клубка таится разгадка. Надо только отделить зерна от плевел.

– Ты можешь и продолжить список, – заметил Майло, глядя мне через плечо. – Запиши всех подозреваемых.

Он плюхнулся на диван и растянулся на нем, подложив с моей стороны руку под темноволосую голову.

– Ладно. Тогда номер два будет миссис Хэмилтон. – Я крепко задумалась. – Может, он оказывал ей слишком назойливые знаки внимания. Может, это вообще было не убийство. Может, ей пришлось защищаться, он упал, а она из страха никому ничего не сказала.

– То есть подобрала булыжник и съездила ему по башке, – заключил Майло. – Воистину, до какой степени агрессивности могут доходить игроки в бридж.

– Она могла пожаловаться мужу, и тот нашел для нее орудие убийства.

– Я бы сказал, такая рыцарственность ему не свойственна.

– Может быть. Ладно, а как насчет Оливии Хендерсон? Руперт намекал, что, прежде чем он познакомился с Эммелиной, у них что-то такое было, а миссис Хэмилтон рассказывала, что они, возможно, договорились о тайном свидании. Теперь вот она порезала себе вены. Возможно, она сделала это от раскаяния, а вовсе не от переживаний.

– Да, бывшие любовники могли поссориться на нижней террасе. Может, она его ударила, и он упал за ограду.

Я вспомнила разговор с Оливией Хендерсон в гостиной. Она спросила меня, была ли я когда-нибудь влюблена, и в глазах ее была неподдельная грусть. Может, от чувства вины за убийство некогда любимого человека? Возможно, но маловероятно. Она показалась мне погруженной в глубокую печаль о чем-то утраченном, а вовсе не страдающей от мук совести.

– Лично я сомневаюсь, что это Оливия, – сказала я наконец. – Но все-таки возможно.

– А очаровательная мисс Картер? – спросил Майло. – У нее могла быть причина убить Руперта?

Я задумалась.

– Почему бы и нет. Похоже, Руперт был необыкновенно удачлив во всем, что касалось женщин. Между ними могло что-то быть, мы просто не знаем. Возможно, она убила его в припадке ревности.

Майло потянулся к столу, взял из коробки сигарету и, прикурив от серебряной зажигалки, которую достал из кармана пижамы, неторопливо затянулся.

– Мне представляется крайне невероятным, чтобы у Руперта Хоу были романы со всеми женщинами в этой маленькой компании, – заключил он. – Я его прежде не видел, но трудно вообразить, чтобы ему выпала такая непомерная удача.

– Может, ты и прав, – елеинным голосом отозвалась я. – Наверно, такое не под силу даже тебе. А у тебя гораздо больше навыков, чем у бедного Руперта.

Майло выдохнул струю дыма.

– Ты мне льстишь, дорогая.

Я снова посмотрела на список.

– Интересно, а Лайонел Блейк? В нем есть что-то загадочное. – И я рассказала Майло, как мы ездили смотреть заброшенное здание. – Он напустил столько туману, будто имеется причина это скрывать.

– В театре полно странных людей, – небрежно заметил Майло. – Может, там ничего и нет. А потом, опять же, возможно, он связан с социалистами.

Я проигнорировала эту инсинуацию.

– К Блейку мы еще вернемся. Надо присмотреться к Роджерсам. Пока я мотива не вижу.

– Странная парочка, однако.

– Да, я тоже так думаю. Она такая общительная, а он застегнут на все пуговицы. Мне кажется, я вообще не видела, как он улыбается.

– Им тоже можно подбросить этот мотивчик. Допустим, она была слишком общительна с Рупертом, а у мужа такая общительность не вызвала восторга.

– Не знаю. У меня сложилось впечатление, что они действительно любят друг друга. – Через плечо я обернулась на Майло. – Может, ты побеседуешь с Анной? Полагаю, она будет счастлива, если выпадет с тобой наговориться.

– Эймори, дорогая, я начинаю думать, что ты меня просто используешь. – Повернув голову, лежавшую на руке, Майло посмотрел

на меня.

– Да, но ты идеально подходишь для указанных целей. Ты так не считаешь?

Он рассмеялся.

– Могу представить более увлекательное совместное времяпрепровождение, чем обмен колкостями по ночам.

– Да и по утрам тоже, – парировала я.

– Могу я посмотреть твой список?

Я протянула ему лист бумаги. Майло взял его и пробежал глазами.

– Вижу, ты не вписала сюда Трента. Отражает ли всю глубину мудрости нежелание даже рассмотреть возможность того, что он преступник?

– Он не делал этого, Майло, я точно знаю.

– Понятно. А твой мандат на снисходительность распространяется на мисс Трент?

Я нахмурилась:

– Эммелина?

Майло сел, одарив меня язвительной улыбкой.

– Если ты будешь исключать всех, к кому питаешь расположение, можешь упустить кое-что важное.

Когда справедливость его слов дошла до меня, пришлось подавить импульс резко возразить. Эммелина после смерти Руперта казалась обезумевшей от горя. Но это еще не означает, что она тут ни при чем. Ведь именно она первая заметила его отсутствие. Может, она хотела, чтобы я была рядом, когда обнаружится тело? Может, его бесконечное волокитство истощило ее терпение. Неужели ее неизбывное горе было притворным? Нет, невероятно. Так не сыграть глубокую скорбь. И она, и Джил невиновны. Не могут быть виновны.

– Я знаю обоих, Майло. Много лет. И просто не представляю, что кто-то из них в здравом уме мог совершить убийство.

– Бедная ты моя, – покачал головой Майло. – Для сыщицкой деятельности тебе не хватает хладнокровия. Ты хочешь, чтобы виновными оказывались только несимпатичные люди. Боюсь, в жизни бывает и по-другому.

Я вздохнула, внезапно почувствовав, как сильно устала. Понимание того, что Майло может быть прав, вселяло неуверенность. Я встала из-за стола и под села к нему на диван.

– А если это правда один из них?

Он мягко, но внимательно посмотрел на меня.

– Для тебя это так много значит?

– Ну конечно.

Майло нагнулся и погасил сигарету в оловянной пепельнице, что стояла на столе перед нами.

– Ты его любишь, Эймори?

На секунду мне показалось, что я ослышалась.

– Прости?

– Думаю, ты прекрасно все слышала, – легко ответил Майло, снова растянувшись на диване и устремив на меня взгляд синих глаз. – Я спросил, любишь ли ты Джилла Трента.

– Ничего себе вопрос...

Натужный смех оборвался, наступило молчание, а я понятия не имела, что говорить дальше. От неожиданности я оторопел. С языка готово было соскочить спонтанное «нет», но я медлила. Мои чувства к Джилу? Понятия не имею. А Майло требовательно смотрел на меня, ожидая ответа.

– Я вышла за тебя, не так ли? – сказала я наконец по возможности непринужденно.

Краешки его губ раздвинулись в улыбке.

– Ладно, допустим. Но это не совсем ответ на мой вопрос, ты не находишь?

– Нет, – примирительно покачала я головой, – не нахожу.

Майло снова улыбнулся мне улыбкой, не выдававшей его чувств.

– Твое молчание более красноречиво.

Он хотел было встать, но я удержала его за руку:

– Пожалуйста, Майло, не будем ссориться.

– Я вовсе не намерен с тобой ссориться, дорогая, но сейчас глубокая ночь, и я хочу спать.

– У меня просто... голова идет кругом.

– Это вполне понятно.

В его голосе снова послышалось вежливое равнодушие. Ему до смерти надоел наш разговор, а может, до смерти надоела я. Я убрала руку, и Майло встал, взяв курс на кровать.

– Если не возражаешь, я бы попытался до завтрака немного поспать.

Я вдруг разозлилась и на себя, и на него:

– Так нельзя, Майло.

Я тоже встала. Майло обернулся на меня, приподняв брови:

– Правда? Я, признаться, полагаю, очень даже можно, учитывая тот факт, что моя жена только что призналась мне в любви к другому мужчине.

– Я не говорила, что люблю его.

– Но и не отрицала, – отозвался он со своим обычным, сводящим с ума спокойствием. – Ты даже не смогла убедительно соврать.

– Вот в этом ты большой знаток, да? Ложь очень удобна, когда приходится маневрировать между десятками любовниц.

– Мне показалось, ты не хочешь ссориться.

– Я передумала. Похоже, мы сейчас и правда крепко поссоримся.

Я говорила негромко, но голос дрожал от негодования. Я вдруг поняла, что за всю нашу совместную жизнь мы ни разу не кричали друг на друга. Может быть, это свидетельствует о том, что нам друг на друга просто наплевать.

– Полагаю, сейчас ты, как базарная торговка, начнешь швыряться в меня чем попало.

В эту минуту искушение именно так и поступить было непреодолимо. Может, пепельница по лбу выбьет из него почти не прикрытую насмешку.

– А скажи, ты питала тайную страсть к Тренту все эти годы? – продолжал между тем Майло. – Если так, то для начала мне интересно, почему ты вообще вышла за меня замуж.

– Не помню.

Это были жестокие слова, и, тут же пожалев о них, я уже открыла рот, чтобы извиниться, но осеклась, увидев выражение лица Майло. Глаза его сверкали, а на губах играла опасная улыбка. Он явно воспринял эту колкость как вызов.

– Вот как?

– Мне...

Я не успела найтись с ответом, потому что Майло быстро подошел ко мне, обнял и, притянув к себе, тихо спросил:

– Напомнить?

– Майло...

И тут он меня поцеловал. И этот поцелуй было не сравнить с теми, которыми мы обменялись на лестнице. Мое сердце бешено заколотилось, и я изо всех сил пыталась не упустить то негодование, которым пылала всего минуту назад. Наконец я постаралась вырваться, но Майло крепко держал меня и отпускать не собирался.

– Майло, я думаю...

– Брось, Эймори. Хоть раз в жизни не думай.

Он снова поцеловал меня, и ясно думать в самом деле стало непросто. Я положила руки ему на плечи, чтобы оттолкнуть, но вдруг поняла, что не хочу этого. Мои давешние чувства опять обратились в пепел, к тому же я очень устала нести все это одна. Мне так хотелось хотя бы утешительной иллюзии, что рядом близкий человек, и до Майло было дотянуться проще всего.

К счастью или к несчастью, этот человек являлся моим мужем, и в эту секунду я не могла придумать ни одной убедительной причины, почему нам нельзя поддаться общему желанию. Чуть помедлив, я обняла Майло за шею и с жаром ответила на его поцелуй.

Глава 18

Наверно, если речь идет о собственном муже, непоследовательность простибельна. И все-таки, как ни увлекательна была ночь, что-то очень похожее на сожаление не покидало меня, когда я вставала, умывалась, одевалась и спускалась к завтраку. Майло еще спал, чему я была только рада. Мне не хотелось сейчас смотреть ему в глаза. Романтическая интерлюдия не могла спасти наш брак. А скорее всего, она даже испортила. Положение стало еще неопределеннее.

Хотя, если честно, сожаление было не единственное, что я испытывала. В конце концов, мы поступили так, как поступают миллионы мужей и жен. В наших брачных отношениях было так мало этих самых брачных отношений, что я радовалась, если мы чуть-чуть наवरстали. В любом случае, даже если это неразумно, теперь уже ничего не поделаешь.

Я появилась в столовой довольно поздно, и хотя людей было еще немало, единственным знакомым оказался Лайонел Блейк. Он сидел в углу, перед ним на столе лежала книга. Не отрываясь от нее, он размеренно жевал завтрак. Наполнив свою тарелку, я подошла к нему.

– Доброе утро, мистер Блейк, – поздоровалась я, садясь за соседний стол.

Он поднял голову, как будто только заметив меня, и улыбнулся.

– Доброе утро, миссис Эймс.

– Не хотела отрывать вас от чтения.

– О, ничего, – произнес он, закрыв и отодвинув книгу. Я кинула взгляд на обложку, это была пьеса – «Die Ratten»^[2] Герхарта Гауптмана. – Когда больше нечего делать, я всегда читаю, но за едой предпочитаю компанию.

– Наверно, остальные уже позавтракали.

– Да, я видел почти всех наших. Я бы сказал, легкий перебор.

На это странное замечание я приподняла брови, но Блейк не стал ничего разъяснять. Может, с кем-нибудь поссорился?

– Как бы я хотел, чтобы все это закончилось и мы разъехались по домам, – продолжал он. – К обычной жизни.

К обычной жизни. Я тоже мечтала уехать из «Брайтуэлла», оставив здесь все мрачные воспоминания, не горела желанием возвращаться к обычному положению вещей. Однако эти мысли лучше отложить до другого раза.

– Хотела спросить у вас, – как бы между прочим начала я, размешивая сахар в кофе, – слышно ли что-нибудь от вашего попечителя?

Тень смущения омрачила лицо моего собеседника, но он тут же разогнал ее. Или мне показалось? Блейк кивнул:

– Ах да, знаете, он нашел хорошую площадку ближе к Лондону и уверен, что получит хорошие сборы. Они вроде уже начали репетировать.

– Рада, что проблема разрешилась к вашему удовольствию. – И, опустошая тарелку, я перевела разговор на другую тему.

Я начинала понимать, что Лайонела Блейка не так-то просто раскусить. Он был неизменно дружелюбен, общителен, но как-то уклончив. Возникало ощущение, что он не торопится раскрывать свое истинное «я». Может быть, актер в нем вечно стремится играть какую-то роль. Мне вдруг пришла в голову одна мысль, и я ринулась вперед очертя голову, даже не выдержав паузы.

– Мистер Блейк, вы говорили инспектору, что в день убийства мистера Хоу видели на террасе Джила. В котором часу это было?

Если бы я надеялась застать его врасплох и тем самым спровоцировать признание, то мне бы пришлось разочароваться. Блейк выдержал мой взгляд не моргнув глазом.

– Я не говорил этого инспектору.

– О, простите. – Я изобразила смущение. – Я, наверно, перепутала... Просто вы сидели на террасе, когда мы искали Руперта, и, видимо, я решила, что это именно вы.

– Нет, не я.

Ответ прозвучал безупречно вежливо, но в нем послышался холодок. Блейк явно не стремился удовлетворить мое любопытство – из нежелания ли впускать кого-либо на свою личную территорию или же по каким-то более темным соображениям.

– Доброе утро! Доброе утро!

Подняв голову, я увидела всплывающую в столовую миссис Роланд. Легкая яркая ткань развевающегося шелкового платья

изумительного оранжевого цвета, казалось, поднимала высокие волны. Смотреть на эту женщину было все равно что прямо на солнце. Мы с Блейком ответили на приветствие, а Ивонна, пройдя к буфету, принялась накладывать на тарелку гору сосисок.

– Так много всего произошло за последнее время, – начала она. – Мне это напомнило мой второй... нет, третий медовый месяц. Мы отправились в круиз по Нилу, и один человек выпал за борт. Наверно, его сожрали крокодилы... А потом еще один тяжело заболел, потом нагрязнула такая жара и... В общем, все подряд. Наверно, Джил сейчас гниет заживо в каком-нибудь подземелье. А эта бедняжка от любви порезала себя на куски. Для меня это слишком. Как хочется вернуться в Лондон!

Выложив все это, она взяла тарелку с сосисками и удалилась так же внезапно, как и появилась. Я посмотрела на Блейка.

– Будто из какой-то нелепой комедии, – улыбнувшись, заметил он.

– Действительно, очень любопытный персонаж.

Хотя миссис Роланд в самом деле была странновата, мне она нравилась. В ней чувствовалось что-то очень живое. Наверно, исходявшие от нее флюиды делали ее весьма привлекательной в юные годы.

– Ну что ж, миссис Эймс, – сказал Блейк, беря книгу и вставая со стула. – Мне нужно написать одно письмо. Мы, конечно же, увидимся.

– Конечно.

Он ушел, и завтрак я доедала в одиночестве. То, что Блейк отрицал факт разговора с инспектором, еще не значило, что такого разговора не было, но я не понимала, зачем ему это скрывать. Я вообще не могла понять, зачем скрывать, если ты видел Джила на террасе.

Вернувшись к действительности, я услышала из холла резкий голос миссис Роланд, прерываемый негромкими ответами Майло. Ему удалось поразительно быстро выпутаться. Уже через несколько секунд он появился в дверях столовой, поискал меня глазами и улыбнулся. У меня почему-то свело живот. Я улыбнулась в ответ, но, боюсь, моей улыбке недоставало тепла. Я чувствовала себя решительно не в своей тарелке.

Я видела, как смотрели на Майло, когда он шел к буфету. Я уже давно привыкла, что все женщины провожают его глазами. Ей-богу,

как же ему не повезло с красотой. Он мог бы быть совсем другим, менее самоуверенным, более внимательным. Но такому мужчине требовался минимум усилий, чтобы заставить людей делать то, что ему нужно, – особенно женщин, включая, надо признать, и меня. И он этим пользовался.

– Привет, дорогая, – сказал он, садясь за стол с чашкой кофе и заполненной тарелкой.

– Доброе утро, – довольно сдержанно отозвалась я, теребя салфетку.

Я не знала, как ночные события скажутся на наших несколько натянутых отношениях. Майло, похоже, не испытывал ни малейшей неловкости.

– А оно в самом деле доброе, не правда ли? – усмехнулся Майло. – Хотя, проснувшись, я немного расстроился, что ты лишила меня столь прелестного соседства.

– У нас куча дел, нечего... прохлаждаться целый день в постели, – тихо ответила я, надеясь, что меня никто не слышит.

– Возможно, более полезных дел, – Майло отхлебнул кофе, – но вряд ли более приятных.

– Я только что говорила с Блейком, – пропустила я намек мимо ушей.

– Я бы, кстати, не назвал это «прохлаждаться».

– Майло, пожалуйста, сосредоточься.

– Не так-то легко. – Отодвинув чашку и поставив локти на стол, Майло потянулся ко мне. – Когда ты говоришь, я могу сосредоточиться лишь на твоих прелестных губах.

– Обычно комплименты предшествуют соблазнению, – резко сказала я. – А не наоборот.

Майло недовольно вздохнул и откинулся на спинку стула.

– Ладно. Слушаю. Ты говорила с Блейком.

Он взял вилку и начал есть, а я приступила к рассказу:

– Я хотела услышать от него, что он говорил с инспектором Джонсом и сообщил тому, что видел Джила на террасе.

– И что? Услышала?

– Нет. Если такой разговор и имел место, то Блейк не стал в этом признаваться.

– А почему из этого надо делать такую тайну, как ты думаешь? – повторил Майло мой вопрос, хотя и не слишком заинтересованным тоном. – Значит, инспектор должен иметь причину не желать, чтобы это стало известно.

– Именно так я и думаю. Мне бы только хотелось, чтобы Джонс сделал хоть шаг навстречу. Кажется, надо его навестить.

Еще я собиралась поговорить с Джилом, но об этом предпочла умолчать.

– А какие задания будут мне? – спросил Майло.

– Продолжай собирать по зернышку любые сведения, какие сможешь. Особенно у женщин. Может, тебе удастся узнать у миссис Хэмилтон, что искал ее муж на берегу. Ведь должно же быть объяснение, почему он выбрал для поисков именно вчерашнюю ночь.

Майло пожал плечами:

– Может, просто представилась возможность, и он ею воспользовался.

– Может, но я не могу избавиться от чувства, будто мы что-то упускаем.

Терпеливо выслушав мои рассуждения, Майло отодвинул тарелку. Затем мы встали из-за стола и вышли в холл. Утреннее солнце ярко светило в окна, освещая стены и придавая интерьерам праздничный вид. Мне вдруг стало легко, как не было уже давно. Возможно, все как-нибудь утрясется. Может, при помощи Майло мне удастся выяснить, кто убил Руперта Хоу, и Джил окажется на свободе. Я собралась выйти на террасу, но Майло взял меня за руку.

– О, Эймори...

– Да?

– Еще кое-что.

Его рука скользнула по моей талии, он наклонился и поцеловал меня долгим поцелуем, от которого я не могла отбиться, хотя мы находились на людях. Наконец Майло отпустил меня и улыбнулся:

– Увидимся за обедом.

Я кивнула, и он направился к лифту. Проводив его взглядом, я вздохнула. Как я ни пыталась не поддаваться его очарованию, мне было очень трудно держать себя в руках. Несмотря на все слова, сказанные самой себе, я была рада, когда он рядом, приятно его

внимание. Это довольно неразумно, но должна признать, разумность редко соседствует с делами сердечными.

Всеми силами пытаюсь отогнать неприятные мысли, я уже собралась выйти из гостиницы, как вдруг с крайним изумлением увидела в дверях Джила.

– Джил! – воскликнула я и после секундной паузы бросилась к нему.

Джил видел наше с Майло прощание, хотя попытался это скрыть, и я поняла, почему мой муж был столь нежен. Легче мне не стало. Странная смесь гнева и грусти холодом сдавила грудь. Майло всегда знал, что делает, и точно выбрал момент для победной реляции.

– Тебя отпустили, – подойдя к Джилу, констатировала я очевидное.

Он чмокнул меня в щеку. По непонятной причине я почувствовала, будто меня застали за неприличным занятием.

– Не насовсем. – Джил улыбнулся очень усталой улыбкой, не согретой его взглядом. – Мой адвокат, похоже, высший класс. – Он выдавил совсем невеселый смешок. – Мой адвокат. Как странно звучит. Мне предъявлено обвинение в убийстве, Эймори. Будто сон какой-то.

Я вдруг заметила, что под глазами у Джила залегли темные круги, он очень бледен, да и вообще выглядит старше, чем два дня назад. Сердце сжалось от сострадания и немалого чувства вины. Я взяла его за руку.

– Все будет хорошо, Джил. Я так рада, что тебя отпустили. Я просила свидания, но инспектор Джонс не разрешил.

– Я тоже рад. Не самое приятное место. И нечего тебе было туда ходить. – Джил убрал руку.

– Ты голоден? – спросила я, не зная, что еще сказать.

Чем я могла его утешить? Особенно теперь, когда так остро ощутила возникшую между нами дистанцию. В последние дни произошло много всего, и в этих обстоятельствах мы оба предпочитали не акцентировать внимание на том факте, что Майло, кажется, снова встал между нами. Хотя вообще-то я не сделала ничего предосудительного, наверно, для Джила было неприятным сюрпризом, только-только выйдя из тюрьмы, увидеть меня в объятиях мужа.

– Нет, спасибо. Очень устал. Плохо спал. Думаю заглянуть к Эммелине и потом немного отдохнуть.

– Конечно. Она страшно обрадуется. Ей очень тяжело.

– Да, увидимся позже.

Джил пошел к лифту, и мне вдруг стало необъяснимо больно, что он повернулся ко мне спиной. Я должна его остановить.

– Джил, подожди.

Он обернулся, а я понятия не имела, что сказать. Сейчас не время, да и не место выяснять отношения. Но одно я могла попытаться исправить.

– Джил, мне и в голову не могло прийти, что инспектор Джонс так истолкует мои слова. Сначала о той сцене с Рупертом мне следовало поговорить с тобой. Я не думала, что это будет иметь какие-то последствия. Прости меня, пожалуйста.

– Ради бога, не извиняйся, – отозвался Джил. – Выбрось из головы, будто меня арестовали из-за тебя.

– И все-таки это моя промашка, – подавленно проговорила я.

Джил подошел ко мне, мягко улыбнулся и на этот раз сам взял за руку.

– Я втянул тебя, мне и извиняться. Не знаю, о чем я думал, когда просил тебя... Наверно, вообще ни о чем. Если бы хоть чуть-чуть подумал, ты была бы от всего этого избавлена.

– Нет, Джил, я с радостью согласилась тебе помочь, с радостью готова и сейчас. – Я стиснула его руку. Она, как всегда, была сухая и теплая, рукопожатие крепкое и надежное.

– Все будет хорошо, я знаю.

Джил улыбнулся, однако не очень уверенно:

– Спасибо.

– Я хочу выяснить, кто это сделал, Джил. Я знаю, ты против, но я тут спрашивала людей и...

Взгляд его потемнел и он сильнее сжал мне руку.

– Пожалуйста, Эймори. Я говорил серьезно и готов повторить. Не делай этого. Ты не имеешь права так рисковать. – Джил огляделся, словно опасаясь, что его услышат, но мы разговаривали тихо, и поблизости никого не было. – Я не хочу, чтобы ты вмешивалась. Понимаешь? Оставь, пусть этим занимается полиция.

– Я не могу просто смотреть, как тебя обвиняют в том, чего ты не совершал.

Он ответил мне пристальным взглядом, который вдруг согрела теплая волна.

– Ты действительно веришь, что я невиновен?

– Всем сердцем.

Джил улыбнулся настоящей улыбкой, и грудь мне сдавила знакомая нежность.

– Это очень много, Эймори.

– Ты правда мог подумать, что я поверю, будто ты это сделал?

– Я... – Глаза его вспыхнули, и он отвел взгляд. – Откуда мне было знать. Все было так давно, Эймори. Мы оба изменились.

Я поняла, что он думает о том, как мы были счастливы, прежде чем появился Майло и изменил наши жизни.

– Да, теперь все по-другому, – отозвалась я. – Но это не значит, что я думаю о тебе хуже, Джил.

– Спасибо. – Он о чем-то задумался. – Многое еще можно сказать, правда? Но, наверно, сейчас не стоит.

– Да, не стоит, – согласилась я, испытав облегчение и от того, что он закончил наметившийся разговор, и от того, что разговор этот откладывался до времени.

– Обещай, что не будешь больше заниматься этим убийством, Эймори.

– Не могу. – Я посмотрела ему в глаза. – Я точно знаю, что не смогу.

– Тогда по крайней мере пообещай, что будешь осторожна. Если с тобой что-нибудь случится...

– Я буду осторожна, Джил. Обещаю.

Он кивнул и отпустил мою руку.

– Пойду к Эммелине.

Джил ушел, а я решила пройтись по террасе, освежить голову. Я была взбудоражена до крайности и уже не понимала кто, где и зачем. Больше того, я не понимала, где и зачем я сама.

На одну счастливую секунду этим утром, когда Майло меня поцеловал, я позволила себе поверить: у нас получится; моего отъезда оказалось достаточно, чтобы вызвать у него некое подобие супружеской привязанности, чтобы он понял наконец – я ему все-таки

небезразлична. А потом Майло на глазах у Джила ловко разыграл нужную ему сцену и снова заставил меня вспомнить, что он играет в какую-то игру. От этого заныло в животе. А Джил? Майло спросил, люблю ли я его, и хотя первым импульсом было сказать «нет», я не могла сделать вид, даже для себя, что между нами вовсе ничего нет. Сложно сказать, старая ли это дружба или нечто большее, но Джил обладал тем, чего не хватало Майло.

Правда, одно я знала точно. Обрушившаяся на меня буря чувств едва ли могла помочь в поисках убийцы Руперта Хоу. Глубоко вдыхая прохладный соленый воздух, я, заставив себя сосредоточиться на предстоящей задаче, подошла к ограде и глянула вниз. Нижняя терраса была пуста, в свете утреннего солнца блестели белые столики. После того как полиция выполнила все необходимые действия, террасу помыли и открыли для постояльцев, однако туда никто не ходил. И трудно винить в этом людей. Есть что-то жуткое в том, чтобы пить чай на террасе, где была погублена человеческая жизнь.

Я перевела взгляд к подножию скалы. Что же искал там Хэмилтон прошлой ночью? В любом случае, судя по всему, нашел. Моя догадка о том, что это было орудие убийства, представлялась обоснованной, но теперь она заставила меня наморщить лоб. Если это действительно тот предмет, которым нанесли роковой удар Руперту, Хэмилтон, конечно же, постарается от него избавиться. Почему же тогда, отыскав улику в прибрежном мусоре, он не выбросил ее в море? Я бы поступила именно так, а он положил находку в карман. Данному обстоятельству имелось только одно объяснение – он хотел сохранить эту вещь. Следовательно, она все еще у него. И было только одно место, где это можно проверить, и только один способ, каким это можно проверить.

Я начала соображать, как проникнуть в номер мистера Хэмилтона.

Глава 19

По здравом размышлении пришлось признать, что сейчас не время реализовывать мой план. Я не знала, где Хэмилтон, и не собиралась немедленно вламываться в его номер. Лучше это сделать во время обеда, когда большинство постояльцев спустятся в столовую. Чем меньше будет потенциальных свидетелей моего правонарушения, тем лучше.

Значит, первым делом мне предстояло до обеда раздобыть ключ или придумать другой способ проникновения в чужой номер. Мы с Майло по небрежности обычно не запирали дверь, но из этого вовсе не следует, что мистер Хэмилтон так же неосторожен. Способы, один безумнее другого, рождались в моей голове. В конце концов я вынуждена была отказаться от мысли а) представляться портье у стойки миссис Хэмилтон, б) переодеться горничной и в) карабкаться к окну по стене. Приходилось надеяться, что Хэмилтон оставит комнату незапертой, или взламывать замок, в каковой области, я опасалась, мои навыки окажутся прискорбно недостаточными. Оставалось только молиться, чтобы затея увенчалась успехом.

Я поинтересовалась у портье, в каком номере проживает мистер Хэмилтон, и узнала, что миссис Хэмилтон занимает отдельную, хоть и соседнюю с мужем комнату. Это были хорошие новости, они означали, что, возможно, мне удастся найти и другие способы попасть в номер Хэмилтона. Правда, нельзя допустить, чтобы кто-то заметил мои шпионские поползновения.

Оставшееся время до обеда я пила чай на террасе и писала длинное, печальное письмо Лорел. Запечатав конверт и отдав его на стойке для отправки, я вспомнила, что так и не прочитала ее письмо мне. Оно по-прежнему лежит в кармане. Ладно, придется ему еще немного подождать. Я совершенно не собиралась в номер, поскольку не имела ни малейшего желания встречаться с Майло. Нужно было сразу напомнить ему о том, что у него есть свой номер, теперь я вряд ли смогу его выдворить.

Вспомнив о Майло, я сразу начала злиться и потому постаралась вернуться мыслями к задуманному плану. Вообще-то я собиралась к инспектору, но освобождение Джила дало передышку. Мне казалось,

что, поскольку Джил, хотя и не окончательно, оказался на свободе, инспектор не станет со мной откровенничать. Джонса я навещу завтра, если какие-нибудь коварные замыслы не приведут его в «Брайтуэлл».

Я также решила, что неплохо бы проведать Оливию, которую все еще держали в больнице. Я не слышала о ней в последнее время и хотела знать, как она себя чувствует. Если совсем честно, меня интересовало не только состояние здоровья мисс Хендерсон, хотя я искренне надеялась, что ей лучше. Но больше хотелось знать, почему она решила вскрыть себе вены. Если, как утверждала Вероника Картер, она вовсе не любила Руперта, что могло ее заставить попытаться покончить с собой? Совершеннейшая загадка. Я не видела особых причин, по каким Оливия должна была непременно открыться мне, однако попытаться стоило.

Наконец подошел час обеда, я вернулась в холл и направилась к лифту. Прежде чем подняться наверх и попытаться счастья в деле незаконного вторжения, я собиралась незаметно заглянуть в столовую и убедиться, что Хэмилтоны уже там. На мое счастье, двери лифта раскрылись и я увидела их обоих.

– Добрый день, миссис Эймс, – сказал Хэмилтон, скользя по мне оценивающим взглядом. – Кажется... морской воздух идет вам на пользу. Вы сегодня прямо цветете.

Я заставила себя улыбнуться на этот бесстыдный намек, имеющий отношение к моему ночному свиданию с Майло. Как он все-таки вульгарен, этот Хэмилтон.

– Чудесное платье, миссис Хэмилтон, – повернулась я к Ларисе, молча стоявшей рядом с мужем.

Она в самом деле прекрасно выглядела в розово-сером платье, цвет ей очень шел. Очаровательная женщина. Какая жалость, что она связалась с таким жутким человеком.

– Конечно, не последний писк моды, – не дал ответить ей Хэмилтон. – У Ларисы вообще нет особого вкуса к новшествам. Может быть, вы дадите ей своего портного. Вы всегда отлично одеты.

Лариса вспыхнула, а мое желание найти в комнате Нельсона какое-нибудь ужасное оружие лишь усилилось. Если бы он был виновен! Тогда бы и Джил, и Лариса очутились на свободе.

– Миссис Хэмилтон вовсе не нуждается в моем содействии, – холодно ответила я Нельсону, улыбнувшись Ларисе улыбкой, в

которой, как я надеялась, было больше тепла, чем жалости. – По-моему, вы всегда очаровательны, миссис Хэмилтон.

– Благодарю.

– Вы не обедаете? – спросил Хэмилтон.

– Нет. Разболелась голова.

– Мне очень жаль, – сказала Лариса. – У меня есть аспирин...

– Слишком долго сидела на солнце, я думаю. Прилягу ненадолго.

Я зашла в лифт и, когда двери закрылись, вздохнула с облегчением. В жизни не видела такого кошмарного мужа. На фоне Хэмилтона Руперт казался почти джентльменом, а уж у Майло просто прорезывались крылья и занимался нимб.

Лифт остановился на этаже, где жили Хэмилтоны, и я осторожно вышла. Мой номер находился на другом этаже, и, хотя об этом вряд ли знали большинство постояльцев, я все-таки не хотела быть замеченной. Если что-то пойдет не так, не надо, чтобы меня тут видели.

Именно в этот момент из одного номера вышел мужчина и двинулся по коридору. Когда он, поравнявшись со мной, приподнял шляпу, я подавила желание виновато замереть на месте. Подождав, пока он зайдет в лифт, я с самым беспечным видом подошла к номеру миссис Хэмилтон и опустила ручку двери. К моему сожалению, она не поддалась. Не то чтобы я всерьез надеялась обнаружить номер незапертым. Лариса казалась осмотрительной и взвешенной женщиной. Было естественно, что она хочет быть уверена в безопасности своих вещей.

Я вздохнула. Оставалась только одна надежда, но шансы были невелики. Если мистер Хэмилтон действительно прятал в своей комнате какую-то улику, вряд ли он оставит дверь открытой, чтобы кто угодно мог беспрепятственно зайти в его номер. Моя рука на секунду замерла на ручке двери и медленно ее опустила. Замок щелкнул, я легонько надавила, и дверь открылась. Я перевела дыхание и проскользнула в комнату, тихо закрыв за собой дверь.

Заперев ее на замок, я с минуту осматривала комнату. Номера были довольно похожи, только мой располагался в юго-восточном углу здания и выходил на море, а этот находился в середине западного крыла. Слева у стены большой платяной шкаф и туалетный столик, у окна – кресла, кровать придвинута к стене, разделявшей комнаты

супругов. Картину довершали письменный стол и дверь в ванную напротив кровати. В комнате царил поразительный порядок. Я ожидала увидеть медвежью берлогу, но здесь все было прибрано, почти безлико.

Прежде чем приняться за поиски, я попробовала открыть дверь, ведущую в номер миссис Хэмилтон, и обнаружила, что с этой стороны она задвинута на засов. Я отодвинула щеколду и заглянула в комнату Ларисы. Она представляла собой зеркальное отражение той, где находилась я. Кровати разделяла стена. Я закрыла дверь, но не стала задвигать щеколду. Если услышу, что Хэмилтон возвращается, будет намного проще прошмыгнуть в комнату его жены, где, возможно, удастся спрятаться. Конечно, они могут вернуться вместе. Тогда выхода не будет. Но я решила, что управлюсь намного раньше, чем супруги пообедают.

Не имея даже приблизительного представления, как выглядит то, что искать, я не знала, с чего начать. Это должен быть небольшой предмет, он поместился в карман, а значит, мог находиться где угодно.

Начать я решила с самого очевидного и подошла к письменному столу с двумя ящиками. В первом не оказалось ничего интересного – какие-то гостиничные письменные принадлежности, нож для разрезания бумаги с серебряной рукояткой, золотая зажигалка с выгравированной на ней буквой «Х» и пачка сигарет. Во втором ящике лежала стопка конвертов. Видимо, письма, которые мистер Хэмилтон получил уже в «Брайтуэлле». Я медлила не дольше секунды. Вероятно, мне полагалось испытывать чувство вины из-за того, что я залезла в письменный стол мистера Хэмилтона и роюсь в его личной корреспонденции, но прирожденная честность понуждает меня признать, что ничего такого я не испытывала. Если он убийца, я вовсе не обязана мучиться угрызениями совести, чтобы это доказать. Если не убийца, то все равно отвратительный человек, который мне очень не нравится.

К несчастью, никаких улик не обнаружилось. Беглый осмотр писем показал, что там сплошь скучная деловая переписка. В целях экономии времени я не стала углубляться в нее, но то, что успела разобрать, было вполне законно. Я очень огорчилась.

Встав на четвереньки, я заглянула под кровать. Ничего, кроме бежевого ковра. Вздохнув, я поднялась и, подойдя к огромному, почти

до потолка шкафу, открыла дверцы. Он был почти пуст, только несколько костюмов и пара рубашек. Похоже, отправляясь к морю, мистер Хэмилтон не стал обременять себя лишним багажом. Одежда была дорогая, от хорошего портного, но чуть более броская, чем необходимо. В ящиках носовые платки, галстуки, носки и нижнее белье.

Снова вздохнув, я еще раз обвела глазами комнату. Я, конечно, предполагала, что обыскивать комнату в поисках спрятанного предмета не слишком просто, но не думала, что так мало мест, где надо смотреть. Если то, что Хэмилтон подобрал на берегу, действительно орудие убийства, оно все-таки должно быть довольно крупным, чтобы проломить человеку череп. Под ковром не спрячешь. А может, он вообще ничего не прятал? Может, избавился от него на обратном пути, например, выбросил в высокую траву, что растет вдоль лестницы?

Не желая признавать поражение, я прошла в ванную. Там все было так же аккуратно, как в комнате, туалетные принадлежности, как солдатики, четко расставлены на полке – бритвенный набор в кожаном чехле, бритва, одеколон с резким запахом. В аптечке обнаружилось кое-что любопытное – пузырек с очень сильным снотворным. Может, это Хэмилтон опоил меня, подумала я, но, хоть и с неохотой, пришлось признать, что он не единственный на свете способен раздобыть снадобье. В задумчивости я вышла из ванной, совершенно неготовая к тому, что меня ожидало.

– Что ты здесь делаешь?

Я так испугалась, что едва успела подавить крик. В двери, разделяющей комнаты супругов, небрежно прислонившись к косяку, как будто это были наши комнаты, а не чужих людей, куда мы злостно вторглись, стоял Майло.

– Нет, это ты что здесь делаешь?

– По-моему, я первый спросил.

– Как ты попал в комнату миссис Хэмилтон? – Я твердо решила не отвечать на его вопрос, пока не получу ответ на свой. – Дверь была заперта.

– У тебя не было вот этого. – Майло поиграл ключами.

– Ключи от комнаты миссис Хэмилтон?

– Да, ты могла бы и сказать мне, что собираешься сюда. Хотя, судя по всему, моя помощь особо не требуется.

– Эта дверь была не заперта. Где ты взял ключи?

Он улыбнулся:

– У хозяйки.

Это звучало слишком невероятно, даже для Майло.

– Она вручила тебе ключи... в знак приглашения?

– Нет, – признал он, заходя в комнату. – Может, тебе будет трудно в это поверить, дорогая, но попадаются женщины, на которых моего очарования не хватает. Мы болтали сегодня утром после завтрака, и она пожаловалась на сквозняк в гостиной. Я предложил подняться и принести ей шаль.

Я приподняла брови:

– И ты не вернул ключи?

– Я их как бы потерял и взял дубликат за стойкой. Они тут очень предупредительны в том, что касается ключей.

– Ловко.

– Я тоже так думаю.

Я вздохнула:

– Да, но, похоже, здесь пусто. Я не смогла найти ничего, чем можно было бы убить Руперта.

– Может, не там искала?

– Если ты думаешь, что у тебя получится лучше, пожалуйста, ради бога, – раздраженно ответила я.

Я еще очень злилась на Майло, но решила, что комната мистера Хэмилтона не самое лучшее место для выяснения отношений. Майло вразвалку подошел к шкафу и открыл дверцы.

– У нашего друга не такой уж обширный гардероб, – отметил он.

– Большинству мужчин в поездках не нужно такое количество шмоток, как тебе, – отрезала я.

– Ты на меня сердишься, – вдруг сказал Майло, повернувшись ко мне. – А за завтраком была так мила. – Он довольно улыбнулся: – Может, не выспалась? В таком случае, боюсь, винить нужно меня.

Я стиснула зубы, чтобы удержаться от слишком резкого ответа, и вдруг услышала крайне нежелательные звуки. Мы с Майло посмотрели друг на друга и замерли. Хотя я не могла разобрать слов, громкий, зычный голос не оставлял никаких сомнений относительно того, кто стоял за дверью. Мистер Хэмилтон возвращался с обеда.

Я посмотрела на дверь, ведущую в комнату миссис Хэмилтон. Может, еще есть время улизнуть и оттуда выбраться в коридор? Эту надежду тут же убил тихий женский голос – Лариса что-то сказала в ответ. Супруги Хэмилтон в коридоре и сейчас зайдут каждый в свою комнату.

Я в ужасе смотрела на дверную ручку, которая, дернувшись, опустилась вниз. Мистер Хэмилтон заходил в свой номер, и деваться было некуда.

Глава 20

Я часто слышала выражение «в жилах стынет кровь», но до сих пор, пожалуй, такого не испытывала. Я будто вечность стояла окаменев, лихорадочно просчитывая последствия того, что нас сейчас обнаружат.

К счастью, Майло не бездействовал. Плавными, но быстрыми движениями он беззвучно закрыл дверь между комнатами, а потом схватил меня за руку и затолкал в шкаф. Затем залез сам и как раз в тот момент, когда входная дверь открылась, плотно закрыл дверцы.

Шкаф был сделан на славу. В щели не просачивалось ни лучика света, было темно хоть глаз выколи, и тут же стало душно. И еще, как мне пришлось убедиться, по сравнению с тем, что я видела несколько минут назад, внутреннее пространство моментально уменьшилось. Затылком я прижалась к стенке, Майло встал вплотную ко мне лицом. Он оказался слишком высоким для шкафа, поэтому ему пришлось пригнуться и упереться в стенку обеими руками аккуратно возле моих ушей. Моя рука лежала у него на груди, и я чувствовала медленное, мерное биение его сердца, заметно отличавшееся от бешеной колотьбы моего.

По звуку трудно было определить, чем занимается хозяин комнаты. Лариса, судя по всему, прошла к себе, я не слышала ее голоса. И тут, когда опасность миновала, по крайней мере на время, я начала понимать, в какой нелепой ситуации мы оказались. Даже если никто не обнаружит двух человек, непонятно зачем спрятавшихся в шкафу мистера Хэмилтона, вероятно, придется проторчать здесь немало часов, а Майло в буквальном смысле слова будет дышать мне в затылок. Словно прочитав мои мысли, он решил именно сейчас вывести меня из себя и прошептал прямо в ухо:

- Уютно, правда?
- Все ты виноват, – прошипела я.
- Я? Почему это?
- Помолчи. Израсходуешь весь воздух.

Мы замолкли. Поскольку понять, что происходит в комнате, было трудно, я страшно боялась, что Хэмилтон вот-вот откроет шкаф, и поэтому, когда слышались звуки, неопровержимо

свидетельствующие о том, что хозяин номера намерен принять ванну, мне захотелось закричать от облегчения. Сейчас он пойдет в ванную, закроет дверь, и мы сможем выбраться. Но удача не торопилась. Вода заполняла ванну, а Хэмилтон, насвистывая, ходил по комнате. К счастью, шум воды хотя бы заглушал наш шепот.

– Боже милосердный, – выдохнула я. – Надеюсь, перед тем как усесться в ванну, он не захочет выложить свежее белье.

– Это было бы некстати, – согласился Майло. – Мы бы что-нибудь наплели, если бы нас застали в комнате, но быть застигнутыми в шкафу – совсем другое дело.

– Все ты виноват, – повторила я. – Не заявись ты сюда...

– ...Ты бы попалась.

– Вовсе нет.

Свист затих, вероятно, мистер Хэмилтон зашел в ванную. Но воду он не перекрыл, значит, дверь в ванную, вероятно, еще нараспашку.

– Я тут подумал, – вдруг сказал Майло, – вполне возможно, в сложившейся ситуации есть известное преимущество.

– Например?

– Напряги воображение, Эймори.

И он поцеловал меня в шею.

Я окаменела.

– Не надо.

Майло обнял меня и теснее прижал к себе.

– Разве ты никогда не предавалась мечтам, как будешь целоваться в темном шкафу с любящим мужем?

– Это совершенно необязательно. Джил все равно не увидит.

– О, – выдохнул Майло, все еще прижимая губы к моему уху.

Оттого, что он все прекрасно понял и выразил в одном-единственном междометии, я разозлилась еще больше.

– Ты нарочно это сделал. – Я пихнула его в грудь.

Майло на миллиметр отстранился. Он даже не собирался ничего отрицать.

– В любви, дорогая, как на войне, нет запрещенных приемов.

– А у нас что, Майло, любовь или война?

– Всего лишь поцелуй, Эймори. Я отнюдь не насиловал тебя в холле.

– Ради Джила не надо было это выпячивать.

– Вот дурочка.

На сей раз он поцеловал меня всерьез, и я смогла отпихнуть его далеко не сразу.

– Хватит, Майло. Слушай.

Донесся плеск. Видимо, Хэмилтон сел в ванну. Однако шум воды не прекратился, и звук был такой, будто дверь в ванную осталась открытой. Он что, будет принимать ванну с открытой дверью? Мы ждали. Наконец Майло, высвободив одну руку, приоткрыл дверцу и замер. Через мгновение он чуть расширил щель. Свет упал на нахмуренное лицо.

– Подожди секунду, – прошептал он.

– Я не...

Майло вылез из шкафа и прикрыл дверцу, прежде чем мне удалось закончить фразу. Я выдохнула в темноту. Прошло, как мне показалось, бесконечно много времени. Затем я снова услышала плеск воды, но никаких голосов. Хотелось надеяться, мой муж пока не обнаружен. Я подождала еще немного и уже собралась на разведку, как Майло открыл дверцу. С необычно серьезным лицом он вытащил меня из шкафа, рукава у него были мокрые.

– Что случилось? – прошептала я.

Он кивнул на дверь, и я увидела, что ковер пропитался водой. Из крана по-прежнему лилась вода.

– Что там?..

Перехватив взгляд Майло, я вдруг все поняла и шагнула к ванной.

– Эймори, лучше не надо.

Пропустив его совет мимо ушей, я заглянула в ванную, которую недавно обследовала. Именно этого я и боялась. Мистер Хэмилтон, в нижнем белье, лежал в ванне, наполненной водой. Ноги свесились через край, а лицо с выпученными глазами выступало из воды. Взвизгнув, я зажала рот рукой и повернулась к Майло.

– Боюсь, тучи сгущаются, – сказал он.

Это было какое-то жуткое дежа вю. Смотреть на труп человека, который еще несколько минут назад был жив, в самом деле страшно. А дважды за одну неделю – просто чудовищно. Хотя мне очень не

нравился Хэмилтон, вид тела, бревном плавающего в ванне, умерил мои неприязненные чувства.

– Может, его вытащить? – еле слышно спросила я.

– Лучше предоставить это полиции, – ответил Майло.

– А ты уверен, что он... мертв? Может, еще можно что-нибудь сделать?

Но уже произнося эти слова, я понимала, что все бесполезно.

– Я только что приподнял ему голову – проверил. Он довольно-таки мертв.

Легкость, с какой Майло описал, как он ворочал труп, вызвала у меня слабую тошноту. А вспомнив прикосновение его мокрых рукавов, я передернулась.

– Наверно, надо позвонить в полицию, – произнесла я.

Хлюпая по воде, Майло обошел меня и, достав из кармана носовой платок, перекрыл воду. Вдруг стало очень тихо. Я еще раз взглянула на Хэмилтона. У него были голубые глаза, а я этого не замечала. Майло отошел от ванны.

– Пойдем, Эймори. – Он взял меня под локоть и вывел в коридор.

Все происходило как во сне. У стойки в холле, пока я пыталась собраться с мыслями, Майло попросил вызвать полицию. После этого мы пошли в наш номер и принялись ждать.

Майло нужно было сменить намокшую одежду, а я села на диван, стараясь успокоиться. Не знаю, что со мной случилось. Руки дрожали, ноги стали ватными. Надев чистую рубашку, Майло уверенными движениями ее застегнул. Даже если труп в ванне и потряс его, он держался молодцом.

– Как это, по-твоему, произошло? – спросила я наконец.

– Хороший вопрос, дорогая, – ответил мой муж, завязывая галстук.

– Может, он потерял равновесие и ударился головой? – предположила я, отчаянно стараясь в это поверить.

Майло поправил узел галстука и ласково посмотрел на меня.

– Брось, Эймори. Ты не настолько дурочка, чтобы думать так.

Он был прав. Я так и не думала. Ни одной секунды.

– Какой-то кошмар. – Я закрыла лицо руками. – Просто нет слов, как все ужасно.

Майло подсел ко мне на диван.

– Гнусная история, правда, – кивнул он, доставая сигарету, и как ни в чем не бывало закурил.

В глубине души я расстроилась, что он не обнял меня, не утешил. Сейчас я очень нуждалась в поддержке. Хладнокровие Майло не передавалось мне. На месте не сиделось. Я встала и принялась ходить по комнате.

– Зачем кому-то убивать Хэмилтона?

– Не имею ни малейшего представления.

– Это мог быть кто угодно. Дверь была не заперта.

– Да, ты проникла в номер без особого труда.

– Но ведь требовалось просчитать все до секунды. Откуда убийца знал, что Нельсон собирается принимать ванну? Это могла знать только миссис Хэмилтон, а она просто не способна на такое.

– Эймори, дорогая, сядь. Ты вытопчешь в ковре тропинку.

– Может, преступник, придя с намерением убить, просто воспользовался тем, что Хэмилтон отправился в ванную? Это более вероятно. Но кто мог это сделать? Мы ведь ничего не слышали.

Мне вдруг пришла в голову еще одна жуткая мысль, и я окаменела.

– Майло, а что мы скажем полиции?

Он пожал плечами:

– Правду, полагаю.

– Какую именно? Что мы прятались в шкафу? – Когда я представила себе, как это будет, у меня потемнело в глазах. – Ты, очевидно, думаешь, что за такую деликатность инспектор Джонс погладит нас по головке.

– Я думаю, тебе в самом деле лучше присесть. Ты очень бледна.

– Я прекрасно себя чувствую, – отозвалась я, тем не менее опустившись на диван возле Майло.

Чувствовала я себя отнюдь не прекрасно. Хотя руки перестали дрожать, внутри все просто тряслось. Непонятно, почему эта история произвела на меня такое сильное впечатление. Смерть Руперта потрясла меньше. Правда, его тело я видела лишь издали. С мистером Хэмилтоном вышло куда хуже. Его выпученные глаза я, вероятно, буду помнить еще долго.

Мы молча сидели на диване и ждали. Майло, сохраняя полное самообладание, курил, а я, теряясь в догадках, ломала руки. Все это не

укладывалось в голове. Кто мог убить мистера Хэмилтона? И еще более сложный вопрос: кому это было надо?

Прежде чем в дверь раздался не слишком вежливый стук, казалось, прошла целая вечность. Майло поднялся впустить гостя, и я, приготовившись, встала.

– Мистер и миссис Эймс, – поздоровался инспектор Джонс, войдя в комнату со шляпой в руках. Он говорил сдержанно, но в движениях чувствовалось что-то настороженное, напряженное, как у кошки перед прыжком. – Я так понимаю, произошло еще одно... несчастный случай.

– Вы уже были в номере мистера Хэмилтона? – спросила я.

– Да, – кивнул инспектор и обратился к Майло. – Насколько я понимаю, мистер Эймс, о теле сообщили вы?

У инспектора Джонса имелся несомненный талант сказать много, толком не говоря ничего. И в этом простом вопросе выразилось недоумение, смешанное с интересом, а что, собственно, Майло делал в ванной комнате мистера Хэмилтона.

– Да, я, – ответил Майло. – Точнее, мы.

– Ясно.

– Это было ужасно, – сообщила я.

Инспектор обратил на меня сочувственный, как мне показалось, взгляд.

– Миссис Эймс, может быть, вам лучше присесть.

Вздыхнув, я села. Инспектор Джонс указал на диван, и Майло последовал моему примеру. Сам инспектор устроился в кресле.

– Ну что ж, – сказал он, доставая из кармана пиджака блокнот и ручку. – Как именно вы обнаружили тело?

Я посмотрела на Майло. Он предложил говорить правду, значит, я буду говорить эту самую правду.

– Когда это случилось, мы были в номере мистера Хэмилтона.

Ручка замерла в руке инспектора, и он пристально посмотрел на меня.

– В номере мистера Хэмилтона.

– Да, мы там... прятались.

– Прятались.

– Да, – подключился Майло. – И поскольку мы в этом сознаемся, полагаю, инспектор, вы найдете там немало отпечатков пальцев

Эймори.

– Черт, – пробормотала я, – я не подумала об отпечатках.

– Надо было надеть перчатки, – посоветовал Майло.

На лице у инспектора заходили желваки, и, прежде чем снова заговорить, он с минуту помолчал.

– Могу я узнать, почему ваши отпечатки остались в номере мистера Хэмилтона?

– Я... я кое-что там искала.

– Искали.

У инспектора снова заходили желваки. Наверно, ему стоило огромных усилий сдержать либо сильное негодование, либо хохот. Хотелось надеяться, что негодование все-таки было.

Я кратко рассказала, что именно привело меня в номер мистера Хэмилтона, упомянув, как тот что-то нашел на берегу, а также свое предположение, что это могло быть орудие убийства. Инспектор Джонс с минуту смотрел на меня непроницаемым взглядом, а потом снова принялся делать пометки в блокноте, время от времени задавая лаконичные вопросы.

– В номере я не нашла ничего, что могло бы послужить орудием убийства.

– Вы полагали, что обладаете сведениями об орудии убийства, и не сочли нужным сообщить это полиции? – Взгляд инспектора стал очень жестким и не сулил ничего хорошего, а ведь Джонсу еще предстояло узнать вторую часть истории.

– Я не хотела беспокоить вас по пустякам, – промямлила я. – Пока не убедилась сама.

– Вы отдаете себе отчет в том, что вас можно арестовать за вторжение в чужую комнату?

– Дверь была не заперта, – уже совсем тихо пролепетала я.

Инспектор нахмурился, но, ничего не ответив, обратился к Майло:

– А ваша роль, мистер Эймс? Судя по всему, вы не очень старались отговорить жену от ее намерений.

– Эймори вообще невозможно в чем-то переубедить, – сухо ответил Майло. – Но я не знал, что она туда собирается. В номере мистера Хэмилтона мы встретились случайно, когда я проводил собственные следственные действия.

Я четко расслышала, как инспектор вполголоса ругнулся.

– Я понимаю, инспектор, в это очень трудно поверить, – признала я.

Джонс вздохнул:

– Продолжайте, миссис Эймс.

Я рассказала, как мы с Майло встретились в номере, как услышали, что возвращается хозяин.

– Нам было просто не выйти из комнаты. И мы решили... ну...

– ...Спрятаться в шкафу, – закончил Майло.

Инспектор сморгнул.

– Когда все произошло, вы находились в шкафу, – медленно повторил он. – И что вы слышали?

– Мистер Хэмилтон пустил воду и, насвистывая, принялся ходить по комнате, – ответила я. – Были слышны шаги, а потом он прошел в ванную.

– Дальше?

– Как сказать, мы несколько увлеклись, – небрежно произнес Майло.

Инспектор Джонс выслушал его с полнейшей невозмутимостью. Я же просто пришла в ужас:

– Все необязательно использовать такие противные выражения, Майло.

– Боже милостивый, дорогая, ты пылаешь, как школьница.

– Ничего я не пылаю, – холодно отрезала я.

Инспектор прокашлялся.

– Вы не слышали других голосов?

– Нет, – я с облегчением вздохнула, оттого что Джонс сменил тему. – Вроде бы из коридора доносился голос миссис Хэмилтон, но, кажется, она не заходила в номер к мужу. Был такой плеск, а потом все.

Инспектор записал что-то в блокнот и закрыл его.

– На сегодня достаточно.

– А как миссис Хэмилтон? – спросила я.

Джонс неожиданно пристально посмотрел на меня.

– Почему вас это интересует?

Вопрос меня удивил.

– Полагаю, смерть мистера Хэмилтона стала для нее тяжелым ударом. Или вы ей еще не сообщили?

– Нет, миссис Эймс, пока не сообщили. Остается надежда, что это можно будет сделать, – чуть мягче сказал инспектор.

– О чем вы? – нахмурилась я.

– У миссис Хэмилтон тяжелое отравление снотворным. Сейчас при ней находится врач. Мы не смогли ее добудиться.

Глава 21

Каким-то чудом инспектор Джонс не отказался захватить меня в больницу. Когда я попросилась поехать с ним, он не растекся в любезностях, однако не возражал.

Миссис Хэмилтон еще не приходила в сознание. Я хоть и понимала, что сразу меня к ней скорее всего не пропустят, но хотела оказаться рядом, когда она очнется. У нее не было здесь близких друзей, которые могли бы ее утешить, а мне думалось, кто-то должен находиться с ней. Хоть мистер Хэмилтон и плохо с ней обращался, я знала: ей будет тяжело.

Ведя машину, инспектор был чрезвычайно холоден. Недовольство исходило от него волнами выше тех, что разбивались о прибрежную скалу. Меня одолевало смутное подозрение, что, если бы между нами не установились неплохие отношения, он бы без всяких колебаний арестовал меня за незаконное вторжение в чужие владения. Я посмотрела в окно. Ветер усиливался, на горизонте показались тучи.

– Кажется, надвигается шторм, – сказала я.

– Еще какой, – отозвался инспектор, и мне почему-то показалось, что он имеет в виду вовсе не погоду.

Я инстинктивно чувствовала, что, если позволить инспектору слишком долго дуться, будет только хуже. Наверно, еще можно хоть что-то исправить. Вкрадчиво, полупокаянным тоном я завела волынку:

– Надеюсь, вы не слишком сердитесь, инспектор Джонс. Да, возможно, с моей стороны было неосмотрительно обыскивать номер мистера Хэмилтона. Но если бы мне удалось найти орудие убийства...

– Вы не имеете никакого права брать на себя обязанности полиции, – резко перебил меня инспектор.

– Я хотела как лучше, – продолжила я, подпустив в голос побольше раскаяния.

На самом деле я не была так смущена, как, надеюсь, это прозвучало, но понимала, что лучше его не злить.

– Возможно, – ответил инспектор уже не таким ледяным тоном, как я с удовольствием отметила. – И тем не менее вы были не просто

неблагоразумны, но и сильно рисковали. Вы хоть понимаете, что тоже могли пасть жертвой? Что, если бы убийца обнаружил вас?

Я как-то не удосужилась подумать об этом раньше. А потом до меня дошел смысл слова, употребленного инспектором.

– Убийца. Так вы думаете, это убийство?

– Я думаю, мы имеем все основания предполагать, что мистер Хэмилтон не поскользнулся и не потерял равновесие, усаживаясь в ванну.

– Тогда по сути вы говорите то же, что и мой муж.

Инспектор покосился на меня.

– Кажется, вы наладили отношения с мистером Эймсом.

Я замаялась. Несмотря на наши совместные усилия в последние дни, я по-прежнему не знала, в какой точке находятся мои отношения с Майло.

– У него благоприятная фаза, – вижала я наконец. – Никаких гарантий, что это надолго.

– Ясно. А что это значит для мистера Трента?

Я удивилась такому неожиданному повороту. Мне не очень хотелось обсуждать свои женские метания с полицейским, которого я едва знала. Но у меня уже было время понять, что, если инспектор Джонс о чем-то спрашивает, у него всегда имеются на то веские причины.

– Беседа начинает приобретать скорее личный характер, не правда ли, инспектор? – Я старалась говорить легко.

– Да, миссис Эймс, думаю, так.

Его тон свидетельствовал о том, что он ждет ответа. Я снова посмотрела в окно.

– Мне... я очень тепло отношусь к Джилю. И всегда относилась. Но в конечном итоге вышла замуж за Майло. Вот, пожалуй, и все, что можно сказать.

Действительно ли все так просто? Вряд ли. Инспектор Джонс был весьма проницателен и, видимо, уловил мою неуверенность.

– Полагаю, упомянутые джентльмены не склонны считать, что все так незатейливо.

Я посмотрела на Джонса.

– Возможно, вы и правы. Знаете, я поехала сюда к морю с Джилом, потому что часто думала, что было бы, если... Джил такой

надежный. С Майло вы либо в раю, либо в аду, середины тут нет. Ну, вот я вам и ответила. – Я выдавила тусклую улыбку. – Наверно, вы решите, что я очень непостоянная женщина.

– Ничуть. Как показывает ваша явная склонность совать нос не в свое дело, вы очень решительная женщина. И умная.

– Благодарю вас, инспектор.

Комплимент, хоть и высказанный в несколько оригинальной форме, был мне приятен.

– Если позволите предостеречь вас, – так же миролюбиво продолжил Джонс, – я бы на вашем месте тщательно выбирал союзников.

Я внимательно посмотрела на него, озадаченная столь внезапным предупреждением.

– Несколько загадочное замечание.

– Я не собирался загадывать вам загадки, а только хотел сказать, что все очень запуталось, будьте осторожны.

Я нахмурилась. Чего-то он недоговаривал и точно не будет ничего разьяснять, по крайней мере, сейчас. Совет дельный. Не замечать опасности после сегодняшних событий было бы слишком неблагоразумно. Если кто-то убил Хэмилтона и отравил его жену... Я обмерла. Невероятно, как мне не пришло это в голову раньше. Скорее всего мне действительно лишь чудом удалось избежать неприятностей. Хэмилтона утопили, его жену отравили. Если кто-то заменил мой аспирин на снотворное, может быть, со мной тоже хотели расправиться.

– Инспектор, еще кое-что... – Я достала из сумочки тот самый пузырек с аспирином. – Кажется, меня тоже пытались отравить.

Джонс быстро посмотрел на меня и снова перевел взгляд на дорогу.

– Что вы имеете в виду?

– Вечером, когда арестовали Джила, я приняла две таблетки аспирина из этого пузырька и сразу же уснула. А утром была какая-то вареная. Я практически уверена, что тут не аспирин. Понимаю, звучит дико, но...

– Почему вы раньше не рассказали, миссис Эймс? – перебил меня инспектор.

Он перестал сдерживаться, и я почувствовала себя, как нашкодившая школьница перед строгим учителем.

– Право, я просто забыла. Тогда это казалось довольно абсурдным. У меня возникло лишь смутное подозрение, но теперь...

– Там еще остались таблетки?

– Да, несколько.

Джонс протянул руку, и я передала ему пузырек. Инспектор бросил его в карман.

– Я отдам их на анализ. Может, это не так уж и абсурдно, как вы полагаете.

– Но зачем кому-то меня травить? Какой смысл?

– На данный момент, миссис Эймс, довольно много деталей кажутся бессмысленными, однако постепенно они начинают утрачивать качество, – заметил инспектор.

После этого до самой больницы мы молчали. Когда я хотела выйти из машины, инспектор движением руки остановил меня.

– И последнее, миссис Эймс. – Выражение его лица по-прежнему было дружелюбным, но твердость взгляда и категоричность тона свидетельствовали о том, что сейчас он даст мне указания, которые подлежат неукоснительному исполнению. – До сих пор я был... великодушен, скажем так, поскольку вы мне симпатичны, к тому же, если честно, мое руководство косо смотрит на применение строгих мер к обеспеченным людям со связями за незначительные правонарушения. Но позвольте вас предупредить. Если вы или ваш муж еще раз решитесь на какие-то самостоятельные действия, я без колебаний приму необходимые меры для обеспечения как вашей безопасности, так и успеха расследования. Повториться это не может. Я ясно выразился?

– Кристально, инспектор.

Джонс прошел к миссис Хэмилтон, велел мне подождать. Понимая, что меня не пустят, я уселась в приемной. Но поскольку терпение не входит в число моих основных добродетелей, вскоре вскочила и принялась осматривать здание. Больница была чистая, тихая, с длинными белыми коридорами. Запах моря смешивался с довольно едким запахом дезинфицирующих средств. Здесь было спокойно, как будто на море люди болеют редко. Только вот, кажется,

это не относится к «Брайтуэллу». «Мрут как мухи», по лаконичному и справедливому, хотя и не самому, мягко говоря, уважительному выражению Майло.

После смерти Хэмилтона представлялось невероятным, что Оливия Хендерсон может иметь какое-то отношение к убийствам, и тем не менее я хотела с ней поговорить. На мой взгляд, момент был подходящий. Подойдя к стойке, за которой сидела крупная строгая женщина, я спросила:

– Могу я пройти к Оливии Хендерсон?

Она без выражения посмотрела на меня и резко ответила:

– По распоряжению врача к мисс Хендерсон сегодня больше не допускаются посетители.

– Но я всего на минутку. Самочувствие ей, конечно же, позволит.

– Мисс Хендерсон взволновал первый посетитель, и врач отдал особое распоряжение сегодня к ней больше никого не пускать.

Я насторожилась:

– Какой посетитель?

– Я не вправе разглашать эти сведения. Могу только сказать, что в настоящее время мисс Хендерсон находится под строгим медицинским наблюдением и ей не позволено никого принимать.

Женщина снова занялась бумагами на столе. Я поняла, что разговор окончен, и, теряясь в догадках, отошла от стойки. Кто сегодня был у Оливии? Скорее всего, кто-то из постояльцев «Брайтуэлла». Что же ее разволновало? Все это крайне таинственно. Ненадолго я задумалась, а не пробраться ли тайком в ее палату, но в ушах еще звучали слова инспектора. Мне сразу стало ясно, что это не пустые угрозы, а перспектива оказаться в сырой темной камере не очень привлекала.

В приемной как-то вдруг стало душно, и я вышла на улицу. Ветер усилился, но на ярко-синем, испещренном легкими белыми облачками небе ярко светило солнце. Видневшиеся в отдалении тучи, похоже, приближались не очень быстро. Если и будет дождь, то, вероятно, только к вечеру.

Больница стояла на берегу, и на несколько минут, глядя на море, я предалась покою. Затем мой взгляд привлекла соседняя деревня. Издали она показалась очень симпатичной. Инспектор Джонс

наверняка сообщит мне, когда миссис Хэмилтон придет в себя, а пока можно прогуляться и немного успокоить нервы.

До деревни я дошла за пару минут и, глаза на витрины, походила по улицам. Посреди местных жителей и отдыхающих я почти забыла о всех тех ужасах, что случились за последнюю неделю. Почти.

Мое внимание привлекла уютная лавка старьевщика, и я засмотрелась на полки, заставленные безделушками – от дешевых гипсовых бюстиков до чудесного фарфора. На глаза попала пара золотых запонок с выгравированной буквой «Э», и, подчинившись внезапному импульсу, я их купила, решив, что Майло они должны понравиться.

Выйдя из лавки, я вдруг увидела, как в конце улицы из какого-то магазинчика выходят мистер и миссис Роджерс. Они удалялись от меня быстрым шагом. Я окликнула их, но, видимо, увлеченные разговором, они меня не услышали, сразу сели в машину и уехали.

На обратном пути в больницу я обратила внимание на дом, откуда вышли Роджерсы. Это была аптека. Меня вдруг осенило, я остановилась у входа и, чуть помедлив, зашла внутрь. В знак приветствия звякнул маленький колокольчик. Единственная за прилавком продавщица с приятным круглым лицом и огненно-рыжими волосами широко мне улыбнулась:

– Здравствуйте, мисс. Могу я вам чем-то помочь?

– Я только что видела, как отсюда вышли мои друзья, – объяснила я, – но не догнала их, они уехали. Мы живем в «Брайтуэлле». Думаю, они вряд ли купили мне аспирин. Скорее всего, забыли.

– Да, мисс, они не покупали аспирин.

Еще не очень зная, куда вывернуть, я небрежно сказала:

– Наверно, запаслись снотворным.

– Да, мисс. Леди потеряла свое.

Мне удалось сохранить на лице невозмутимое выражение, но мысли заметались. Зачем Роджерсам покупать снотворное сразу после того, как была отравлена миссис Хэмилтон? Они, конечно, уже знали о смерти Хэмилтона. Интересный момент для похода в аптеку.

Я купила пузырек аспирина взамен того, что отдала инспектору. Ситуация не прояснялась, а только все больше запутывалась. Но одно несомненно: по «Брайтуэллу» гуляет достаточное количество снотворного, чтобы разделаться со всеми нами. И пока аптекарша что-

то приветливо щебетала, я приняла решение отныне очень внимательно относиться к тому, что ем и пью.

Я вернулась в больницу, погруженная в глубокие раздумья. Неприветливая женщина за стойкой сказала мне, что инспектор еще не появлялся, и я снова уселась ждать. В голове роились самые неприятные мысли. Если кто-то собирался меня убить, предварительно опойв, то как же мне повезло, что Майло решил провести ту ночь у меня. Но все-таки я никак не могла понять, зачем кому-то меня убивать. Я не имела ко всей этой истории практически никакого отношения. Если тут действительно замешаны Роджерсы, чем, ради всего святого, я могла им помешать? Ни одно мало-мальски разумное основание не приходило в голову. И когда подошел инспектор Джонс, нервы были уже на пределе. Правда, несмотря на нервозность, я тут же заметила, что он необычно мрачен, и встала, приготовившись к худшему.

– Лариса в порядке? – спросила я.

– Жива, что не одно и то же.

– Как она восприняла новости, тяжело?

– Я бы сказал, да. Она не вполне в себе. Что бы она там ни выпила, пойло было очень сильным. – Инспектор помолчал, словно раздумывая, сколько можно мне сказать, а затем продолжил: – Видимо, мистеру Хэмилтону дали то же самое. Его лицо было над водой, а это означает, что его скорее всего держали под водой, пока он не захлебнулся. Следовательно, он был слишком оглушен, чтобы сопротивляться.

Холодок пробежал по спине, когда я вспомнила плеск воды, который слышали мы с Майло. Спасая свою жизнь, Хэмилтон отбивался как мог, но мог он немного. Меня захлестнула волна жалости. Если бы мы чуть раньше выбрались из шкафа, вдруг можно было чем-то помочь...

– Вы в порядке, миссис Эймс? – спросил инспектор, внимательно глядя на меня почти добрыми глазами.

– Ужасный день, – сказала я.

Больше всего в этот момент мне хотелось расплакаться.

– Еще кое-что.

– Да? – И я услышала в своем голосе что-то очень похожее на страх.

– Я передал врачу ваши таблетки. Экспертиза еще не закончена, но он твердо уверен, что в пузырьке не аспирин, а снотворное.

Это известие не слишком удивило, но все-таки, когда узнаешь, что твои подозрения подтверждаются, испытываешь нечто вроде шока.

– Кто мог иметь к ним доступ? – поинтересовался инспектор.

– Не знаю. Кто угодно, скорее всего. Боюсь, по безопасности я не всегда запираю дверь. Но пузырек стоял точно на том же месте, где я его оставила.

– Ваш муж в ту ночь был с вами?

– Да, но я решительно не понимаю, зачем ему это. Честно говоря, я не понимаю, зачем это вообще кому-нибудь надо. Я ни для кого не представляю никакой угрозы.

– Возможно, вам известно больше, чем вы думаете, – загадочно произнес инспектор. – Пойдемте, я вас отвезу. Вам нужно отдохнуть.

Я кивнула. Мне очень хотелось лечь в тишине и покое и поделиться с Майло тем, что я узнала. В какой именно момент он стал для меня успокоением и утешением, сказать было трудно, но в эту минуту я испытывала сильнейшее желание оказаться рядом с ним.

Мы с инспектором прошли к машине, не нарушая мирного молчания. Я раздумывала, сообщить ли ему о том, что видела Роджерсов. Он точно отругает меня за самодеятельность. Но удержаться я не смогла и, стараясь обойти вопрос, как мне это удалось, выложила ему все.

– Вот оно как, – последовал комментарий инспектора, высказанный с непроницаемым видом.

– Но какой у Роджерсов мог быть мотив убивать мистера Хоу? – спросила я.

– Может, в этом ничего особенного и нет, – задумчиво произнес он, не отвечая на мой вопрос, – но вы правильно сделали, что поставили меня в известность.

Когда мы добрались до гостиницы, Джонс затормозил и серьезно посмотрел на меня.

– Я надеюсь, все скоро прояснится, миссис Эймс. А пока, пожалуйста, будьте очень осторожны.

– Непременно, инспектор.

Я пошла к гостинице, так глубоко задумавшись, что чуть не натолкнулась на Лайонела Блейка.

– О, простите, – сказала я и, присмотревшись, заметила, что он очень напряжен.

Каким бы хорошим актером ни был Блейк, сейчас он даже не пытался скрыть расстройство и без предисловий спросил:

– Это правда, что говорят?

Я мрачно кивнула:

– Боюсь, что так.

Блейк потер рукой подбородок и пробормотал что-то нечленораздельное. Единственное слово, которое мне удалось разобрать, было «год». Затем он, кажется, взял себя в руки, и я с восхищением увидела, как его лицо приняло спокойное, безмятежное выражение, какое я у него и ожидала.

– Я тут прогуливался, – пояснил он, и даже голос у него изменился, сбросив напряжение и снова став мелодичным. – В гостинице сгущается удушливая атмосфера. Мечтаю уехать отсюда.

– Я тоже.

– Как вы думаете, будет много шума? – вдруг поинтересовался Блейк.

Странный вопрос, подумала я. Но, наверно, артисты не могут об этом не думать.

– И гостиничный персонал, и полиция пока делают все, чтобы не пускать сюда журналистов, – пожалала я плечами. – Хотя уверена, газеты полны всякими баснями. Мне почти и не хочется знать, что пишут...

– Ненавижу давать интервью.

– Не думаю, что возникнет такая необходимость, – попыталась я его успокоить. – Это будет зависеть только от вас.

Блейк кивнул:

– Да, вы, конечно, правы.

Вероятно, я невольно бросила взгляд на гостиницу, поскольку он вдруг сокрушенно воскликнул:

– Простите, я задержал вас, миссис Эймс! Вам, конечно же, хочется отдохнуть после... Примите мои извинения.

– Не извиняйтесь, мистер Блейк, – сказала я, тем не менее обрадовавшись, что разговор окончен. – Возможно, увидимся за ужином.

– Конечно.

В дверях я обернулась и увидела, что он в самом деле решил продолжить одинокую прогулку. Что-то в этой встрече мне не понравилось, но я была слишком утомлена, чтобы анализировать свои ощущения.

В холле, усталая, измученная, как еще никогда в жизни, я обвела взглядом кресла, надеясь в одном из них увидеть Майло. Но вместо него будто из ниоткуда вдруг вынырнула миссис Роланд и, прежде чем я успела ретироваться, налетела на меня. Сегодня на ней было бирюзовое платье с крупными алыми цветами, а на шее болталась добрая дюжина самых разнообразных бус – ракушки, жемчужины, гагат, какие-то резные деревяшки. Подплывая ко мне, Ивонна Роланд в буквальном смысле слова гремела костями.

– Эймори, дорогуша! Вы еще здесь! Я думала, вы уехали вместе с мужем.

Я слушала вполуха. Как ни нравилась мне эта женщина, сейчас мои нервы не были способны переварить ее в полном объеме.

– Куда уехала? – переспросила я, на мгновение задержав взгляд на инкрустированной изумрудом черепахе, свисающей с длинной цепочки на грудь миссис Роланд.

– Да обратно же, в Лондон. По-моему, именно туда.

Я пристально посмотрела на нее.

– Майло уехал?

– Ну конечно, моя дорогая. Не так давно. Я была уверена, вы поехали вместе.

Меня будто стукнули по голове чем-то тяжелым.

– Вы наверняка ошибаетесь.

– Да нет же, милая. – Ивонна смотрела на меня, широко раскрыв глаза. – Вашего прелестного мужа трудно с кем-нибудь перепутать.

– Простите, миссис Роланд, мне нужно кое-что проверить.

– Да, разумеется. Вам нужно больше бывать на солнце, Эймори, – крикнула она вслед. – Вы какая-то бледная!

Собрав все силы, чтобы казаться спокойной, я подошла к стойке. Миссис Роланд, конечно же, что-то напутала. Майло не мог уехать, не сказав ни слова. Даже думать смешно.

– Мне есть письма? – спросила я. – Миссис Эймори Эймс.

– Да, миссис Эймс, записка. Ее оставил вам муж примерно полчаса назад, попросив передать, как только вы вернетесь.

Я взяла конверт – знакомый конверт Майло. Может, он пошел в деревню, и мы с ним разминулись? Я распечатала конверт и вынула оттуда записку, написанную родным размашистым почерком.

Дорогая, мне нужно в Лондон. Пока не знаю, когда вернусь. М.

Глава 22

В этом не было ничего удивительного, и все-таки меня словно ударили. Можно сказать, дали под дых. Я долго смотрела на записку, потом смяла ее в руке, с трудом подавив внезапное желание разрыдаться. Хотя, если честно, я просто слишком устала, чтобы рыдать. Сама виновата. Это ж надо додуматься – опереться на Майло. А то я не знала, на что он способен. Знала, просто не хотела верить. Вот и поплатилась.

– Эймори... – вывел меня из задумчивости голос Джила.

Увидев, как Джил с Эммелиной выходят из лифта, я попыталась взять себя в руки и не выдать обуревавших меня чувств, но Джил так просто было не провести.

– Все в порядке? – спросил он, озабоченно сдвинув брови.

Я справилась с эмоциями и выдавила улыбку:

– Да, Джил, спасибо. – И обратилась к Эммелине: – Рада, что тебе немного лучше.

– Джил говорит, мне надо подышать воздухом. Выпьешь с нами чаю?

– Я... боюсь, не сегодня, спасибо. Не очень хорошо себя чувствую.

Краем глаза я видела, что Джил смотрит на меня.

– Эммелина, подожди меня в столовой, – попросил он.

– Хорошо. Увидимся, Эймори?

– Конечно, Эммелина, с удовольствием.

Она ушла, и Джил обернулся ко мне.

– Пройдем ненадолго в гостиную.

Я пошла за ним. В гостиной никого не оказалось, и Джил спросил:

– Итак, что случилось?

Я отогнала мысли о Майло. Следовало обсудить более важные дела.

– Думаю, ты слышал о Хэмилтоне.

Джил кивнул:

– Инспектор Джонс заходил, чтобы узнать, где я находился в это время.

– Он ведь не думает, что ты...

Джил улыбнулся, но взгляд был подернут тенью.

– Это случилось, когда меня уже выпустили. Наверно, теперь повесят за два убийства, а не за одно.

От этих слов мне стало дурно.

– Не говори так.

– Ну, так или иначе, в камеру меня не вернули. Полагаю, они хотят удостовериться, что это действительно убийство. Я звонил сэру Эндрю. Похоже, ему предстоит немало работы.

Эти слова напомнили мне, о чем я хотела спросить у Джила.

– Мистер Роджерс говорил, что ты просил его связаться с сэром Эндрю еще до ареста. Ты был так уверен в том, что это непременно произойдет?

– Я полагал, что это возможно. Я... Видишь ли, я в свое время написал Руперту несколько писем, не особенно стесняясь в выражениях. И был уверен, что они всплывут.

– Но ведь не всплыли.

– Пока нет. Но, наверно, это вопрос времени. Подольют масла в огонь.

– Просто не могу во все это поверить, – пробормотала я, чувствуя, что Джил внимательно на меня смотрит.

– Но ведь ты только что думала не о смерти Хэмильтона и не о моем аресте? Тут ведь что-то еще?

Я устало улыбнулась:

– От тебя ничего не скроешь, да, Джил? Впрочем, все равно узнаешь. Майло уехал.

– Как это? Куда?

– В Лондон. Без объяснения причин. – Я усмехнулась в надежде, что получилось не слишком вымученно. – Знаешь, так типично для него.

Мне трудно было смотреть Джилу в глаза, и я уставилась на мятый клочок бумаги в руке.

– Почему ты позволяешь ему так обращаться с тобой, Эймори? – вдруг спросил Джил.

Удивившись вопросу, я подняла голову, встретила взгляд темных, жестких глаз и поняла, что Джил очень сердит – не только на Майло, но и на меня.

– Ты заслуживаешь большего. – Его голос, хотя внешне спокойный, выдавал признаки крайнего волнения. – Может, пяти лет хватит?

– Я полагаю, это наше с ним дело, – ответила я, чувствуя, как во мне самой вскипает возмущение брошенным упреком. – В конце концов, он мой муж.

– Я был бы для тебя куда лучшим мужем.

Кровь отлила у меня от лица. Мы с Джилом долго смотрели друг на друга. Я раскрыла рот, хотя сказать было нечего.

– Наверно, лучше мне вернуться к Эммелине, – нарушил Джил мучительное молчание. – Прости.

Я смотрела ему вслед и никак не могла найтись с ответом. Вдруг Джил остановился и развернулся.

– А инспектор Джонс в курсе? Отъезда Майло, я имею в виду?

Я об этом не подумала.

– Мне... Нет, вряд ли.

– Если можешь с ним связаться, сделай это как можно скорее. И скажи ему, чтобы он на всех парусах мчался обратно. Как-то не очень исчезать после двух убийств.

Остаток этого злосчастного дня я провела в номере. В ушах раздавались ужасные слова Джила, причинившие мне острую боль. Хуже того, я не могла утверждать, что не согласна с ним. В свое время я приняла поспешное решение выйти замуж за Майло и теперь пожинаю плоды. Жизнь с Джилом, вероятно, была бы не такой увлекательной, но он бы ни за что не сделал меня несчастной и не бросил, когда я больше всего нуждалась в нем.

Я почти не притронулась к ужину, который заказала в номер. Может, Джил и прав, может, пяти лет достаточно. До сих пор я надеялась, что у нас с Майло сложится гармоничный союз. Мне нужен человек, на которого можно положиться, который будет рядом, когда я в нем нуждаюсь. Майло не был таким человеком. Возможно, настало время просто признать свою ошибку и тот факт, что у нас ничего не выйдет. В дверь постучали, и мне пришло в голову, что это Майло, но я сразу поняла, что он не стал бы стучать. Приоткрыв дверь, я не очень удивилась тому, кто стоял на пороге.

– Привет, Джил.

– Мне нужно с тобой поговорить, Эймори.

Перед тем как распахнуть дверь, я чуть помедлила. Джил прошел в комнату нетвердой походкой, за ним тянулся шлейф алкогольных испарений.

– Ты пил, – удивилась я.

Сколько я знала Джила, он время от времени выпивал в лучшем случае бокал вина, но, судя по его виду, после нашего разговора заправился более основательно.

– Да, немного, – мрачно посмотрел он на меня. – Мне нужно с тобой поговорить.

– Может, перенесем на завтра, когда ты будешь лучше себя чувствовать?

– Нет, я должен кое-что тебе сказать.

– Не хочешь присесть?

– Нет, спасибо.

Мы стояли и смотрели друг на друга.

– Прости за сегодня, – начал Джил. – Я все время делаю какие-то глупости.

– Мы все теперь в большом напряжении. Не извиняйся.

– Мне не нужно было этого говорить. Не мое дело, в конце концов.

– Забудем, Джил.

– Знаешь, я хорошо помню тот вечер, – вдруг сказал он. – Увидев его, я понял... ну, у меня возникло такое чувство, что все изменится.

Я тоже помнила вечер, когда познакомилась с Майло. Как будто это случилось вчера. Мы с Джилом были приглашены к одному лорду. Майло пришел поздно, когда уже сели за стол. Если бы это не звучало так банально, я бы сказала, что он приковал к себе взгляды всех собравшихся... Ну и все такое. Я, конечно, тоже обратила на него внимание – как и большинство женщин, – но не придавала особого значения. Когда ужин закончился, Джил отошел с кем-то поговорить, а Майло вдруг пригласил меня на танец. Я знала, кто это, еще прежде, чем он представился, слухи о нем ходили уже тогда. Но он был вежлив, любезен, отказать было бы невоспитанно. Мы с ним прошли на танцевальную площадку, я посмотрела в синие глаза, и, как только он положил руку на мою талию, у меня возникло странное чувство...

– Закончив разговор, я вернулся, поискал тебя, увидел, что ты танцуешь с ним, как вы друг на друга смотрите... И почему-то сразу понял...

– Прости, Джил, – совершенно искренне прошептала я.

Я была тогда не в силах сопротивляться вспыхнувшему чувству к Майло, но могла бы пощадить Джилу. Молодость, однако, небрежна. Я очень сожалела об этом сейчас.

– Я так хотел, чтобы ты была счастлива. – Джил хрипло рассмеялся. – И мне почти стало легче, когда ты сказала, что собираешься за него замуж. По крайней мере, я понял, что у него серьезные намерения.

– Я и была счастлива. Какое-то время.

– Знаю, я не имел никакого права... Но я хотел защитить тебя, Эймори. Не хочу, чтобы тебе было больно.

Я не очень поняла, что он имеет в виду – Майло или убийства. Может, и то и другое. Я только знала, что он сказал именно то, что было нужно.

– Спасибо, Джил. Это очень много.

Джил покачнулся, и я поддержала его, чтобы он не упал. Но он как-то навалился на меня, и я, не успев ойкнуть, очутилась в его объятиях. Мы смотрели друг на друга. Я вспомнила, как Майло прижимал меня к стенке шкафа. Неужели это было сегодня? Казалось, прошла целая вечность. А теперь меня обнимает Джил. Он стоял так близко, что я слышала его дыхание. Мне было ясно, что нужно отойти, но я не могла заставить себя пошевелиться.

– Эймори, я... – Джил осекся и, наклонившись, поцеловал меня в губы.

На долю секунды я мысленно перенеслась в тот вечер, когда он целовал меня в последний раз. Стараясь говорить как можно осторожнее, я тогда призналась ему, что выхожу замуж за Майло, и Джил проявил великодушие, объясняющееся воспитанием и его собственными душевными качествами. После того как было сказано все, что могло быть сказано в данной ситуации, он, уходя от меня навсегда, вдруг остановился, подошел и, взяв в руки мое лицо, поцеловал. Этот нежный прощальный поцелуй сказал так много, что, как ни была я влюблена в Майло, мне стало больно. Когда Джил ушел, я расплакалась, почувствовав себя очень несчастной. И то же самое я

ощутила сейчас – пронзительную, щемящую грусть и томление одинокого сердца, которое толком не могла объяснить.

Поцелуй Джилла становился жарче, он теснее прижал меня к себе, и я вернулась к действительности. Сейчас все иначе. Что бы я ни чувствовала, Майло все еще мой муж. Мягко уперевшись в грудь Джилла руками, я отстранилась, и между нами образовалось небольшое пространство.

– Нельзя, Джил, – мирно сказала я.

Он моргнул, как будто только что сам это понял, и отдернул руки словно от раскаленного железа.

– Прости.

Сделав шаг назад, Джил покачнулся, и я испугалась, что он упадет.

– Все в порядке. – Я протянула к нему руки, чтобы поддержать. – Сядь, прошу тебя. Я закажу кофе.

Я пошла к телефону, а Джил тяжело опустился на диван и закрыл лицо руками.

– Любовь способна на невероятные глупости, правда? – Он будто разговаривал сам с собой. – Влюбляешься все время не в тех. Как было бы просто, если бы... Знаешь, я не понимал ее... Не верил, что она всерьез...

Он уже не обо мне. Тогда о ком? Я под села к нему на диван.

– Ты хотел?.. Тебе нужно о чем-то поговорить, Джил?

– Я думал, она так молода, потеряла голову. Я не понял, что она серьезно.

Так он мог говорить только об Эммелине, больше ни о ком. Но что он имеет в виду? Джил откинулся, положив голову на спинку дивана, и произнес:

– Мне так плохо.

– Знаю, дорогой. Выпей кофе, станет лучше.

Мне было очень интересно, почему Джил вдруг вспомнил об Эммелине и ее любви к Руперту, но я молчала, давая ему передохнуть. Я все еще ни на йоту не верила, что Джил убийца, однако странно, что он решил пожалеть горющую сестру именно сейчас. Правда, он, конечно, много выпил. Вероятно, ему все, что он говорил, казалось логичным.

Когда раздался стук, я открыла дверь и, чтобы горничная не увидела Джилла, перехватила у нее поднос. Поставив его на столик у дивана, я бодро возвестила:

– Вот кофе. То, что надо.

Джил будто оглох.

– Джил?

Я присмотрелась и вздохнула – он либо уснул, либо просто отключился. Невозможно было выставить его, не устроив шумного скандала. Придется ему спать тут на диване.

Я сняла с него галстук, стащила ботинки и уложила как следует. Затем накрыла запасным одеялом и потушила свет. Думать я могла при этом только об одном: если кто-нибудь узнает, что Джил провел ночь в моей комнате, мне будет чертовски трудно объяснить это Майло.

Глава 23

Когда Джил зашевелился, я уже оделась. Хотя шторы были задернуты, а небо зловеще-серое, открыв глаза, он сощурился, затем, увидев меня, рывком сел и поморщился.

– Что за?.. О-о, нет!

– Доброе утро, Джил, – весело поздоровалась я, стараясь смягчить удар.

– Я тебя вчера целовал, – произнес он, отклонив мое приглашение к светской беседе.

– Да.

Джил провел рукой по лицу.

– Прости, Эймори. Даже не знаю, что сказать.

– Ничего не надо говорить.

– Я, должно быть, тебе отвратителен. Ты решила, что это я спьяну...

– Ты всегда джентльмен, Джил, – строго перебила я его. – И давай больше не будем об этом.

– Кто-нибудь знает, что я... провел здесь ночь?

– От всей души надеюсь, что нет. Ты кому-нибудь говорил, что идешь ко мне?

– Кажется, нет, – сокрушенно ответил он. – Никогда в жизни так не напивался. Мне очень стыдно.

– Ради бога, не надо, Джил. Все мы хоть раз в жизни делали то, о чем потом жалели.

Мои слова повисли в воздухе. Джил посмотрел на меня долгим взглядом и резко вскочил.

– Лучше пойду, пока никто нас не увидел.

– Ботинки под столом.

Он как мог привел себя в порядок, хотя его выдавали взъерошенные волосы и щетина. У дверей Джил остановился.

– Если бы я не напился, я бы к тебе не пришел, – сказал он. – Хотя мне очень хотелось поговорить с тобой про... о том, что здесь произошло.

– Повторяю, Джил, не надо больше об этом.

– Поговорим позже, хорошо?

– Хорошо.

Я закрыла за ним дверь и тяжело вздохнула. Ждать, пока это все закончится, невозможно. Значит, нужно возвращаться к привычной жизни. Или какой-то ее разновидности.

Мне никого не хотелось видеть, и первую половину дня я провела в номере. Однако это не значило, что я отказалась от мысли раскрыть преступление. Как ни бурно развивалась моя личная жизнь, имелись более неотложные задачи. Чтобы во всем разобраться, совершенно необходимо выяснить, кто убил Руперта и Хэмилтона.

Я помнила строгое предупреждение инспектора Джонса не заниматься никакой самодеятельностью и не была так наивна или самоуверенна, чтобы не глядя отмахнуться от него. Инспектор прав, опасность вполне реальна, и убийство Хэмилтона продемонстрировало это в полной мере. Однако я уже слишком глубоко увязла, чтобы теперь сдаваться. Кто-то из нас убил двух человек и скорее всего пытался убить еще двух, в том числе меня. Одна мысль об этом выводила из себя. Я не собиралась предоставлять убийце возможность привести в исполнение его гнусные замыслы и снова задумалась, зачем кому-то было давать мне снотворное. Интуитивно я чувствовала, что, предостерегая меня, Джонс чего-то недоговорил, его слова несли еще какой-то смысл. Может, он знает что-то, чего не знаю я? И больше не подозревает Джилла? О, если бы он не был таким скрытным! Инспектор даже намеком не дал понять, какой версии придерживается сам, но мне казалось, он очень близок к тому, чтобы получить какие-то важные сведения, а может, даже изобличить убийцу. Но если он знает или хотя бы догадывается, что Джилл невиновен, то почему бездействует?

Я предположила, что Джонсу не хватает улик, поэтому он до сих пор ничего и не предпринимает. Если так, я могла бы помочь. Вдруг мне удастся что-то обнаружить, и тогда мы сможем положить всему этому конец? Я очень надеялась, что, если найду какую-нибудь важную улику, инспектор Джонс великодушно закроет глаза на мое непослушание.

Отложив все сомнения, я решила сосредоточиться на том, что мне известно. Почти не притронувшись к подносу с обедом, я подошла к письменному столу и взяла лист бумаги, который мы писали вместе с

Майло. Мистера Хэмилтона, конечно же, можно вычеркивать. Почему его убили? Мне казалось, чтобы понять, кто убийца, необходимо выяснить, что связывало Руперта и Хэмилтона. Возможно, у них были какие-то общие дела, но, наверно, если связь между ними действительно существовала, инспектор Джонс уже все разузнал.

Нет, Хэмилтона убили не потому, что он был замешан в темные дела. Он что-то знал, это точно, поэтому его требовалось убрать. Но что? Скорее всего, это как-то связано с предметом, который он нашел на берегу. В его номере мне не удалось обнаружить ничего, что хоть отдаленно напоминало бы орудие убийства. Значит, или он избавился от находки, или это было вовсе не орудие убийства, а что-то другое.

Чтобы проверить первую версию, я решила еще раз пройти по тропинке. Вряд ли в высокой траве удастся что-то найти, но попытаться стоит. В любом случае, мне казалось, оставшись в комнате, я просто сойду с ума.

В холле я столкнулась с Вероникой Картер, которая как раз подходила к лифту. Она выглядела озабоченной, обычный холодок оставил ее.

– Миссис Хэмилтон привезли из больницы, – сообщила она. – Выглядит ужасно. Я хотела с ней поговорить... Но что тут скажешь, правда?

– Да, – кивнула я, невольно испытав очередной прилив симпатии к мисс Картер. – Она у себя в номере?

Вероника покачала головой:

– Она не захотела туда возвращаться... Вы понимаете.

– Разумеется.

– По-моему, ей предоставили другой номер. Она сейчас в гостиной. – Самообладание оставило мисс Картер, и проявившаяся хрупкость сделала ее мягкой, прелестной. – Я хочу домой, – тихо закончила она.

– Осталось недолго, – сказала я, всей душой надеясь, что так оно и есть.

После этого я прошла в гостиную выразить соболезнования миссис Хэмилтон. Она одиноко сидела в кресле, укрывшись пледом. Меня поразило, как по-разному люди реагируют на горе. Если Эммелина после смерти Руперта просто рухнула, миссис Хэмилтон, похоже, была сделана из более прочного материала. Правда, она сидела

очень бледная, бледнее обычного – хотя это и казалось невозможным, – но полностью владела собой.

– Мне так жаль, миссис Хэмилтон, – произнесла я. – Если я что-нибудь могу сделать...

– Благодарю вас, миссис Эймс, – тихо отозвалась Лариса, и глаза ее блеснули. – Наверно, вам странно, что я не бьюсь в рыданиях, но я просто... ничего не чувствую. Как такое может быть? Я как будто ватная. Наверно, пока не дошло.

– Вполне естественно, – уверила я ее, хоть и не очень хорошо разбиралась в таких вещах.

– Бедный Нельсон... – Ее голос замер, а глаза наполнились слезами. – Отвратительное место. Не могу дождаться, когда наконец отсюда можно будет уехать. Всегда ненавидела море, даже в детстве... Знаете, у меня брат утонул...

До меня не сразу дошел смысл этих ровным тоном сказанных слов, но потом я ахнула:

– Как ужасно.

Я, конечно, не собиралась ее ни о чем расспрашивать, не в такой момент, но Ларисе будто нужно было выговориться.

– Мы с Джеффри... братом... были лучшими друзьями. Мы близнецы, понимаете. Не разлей вода. С родителями мы поехали как-то на море, в Йоркшир, мы с ним тогда впервые увидели море. Я была в восторге – оно такое огромное, бескрайнее, красивое. Мы пошли купаться. Вода в тот день была страшно холодная, но какая разница. Было так весело. – Лариса не отводила взгляд от стены, наверно, видела события того дня. – Родители... В общем, я думаю, они на что-то отвлеклись. Когда нас накрыло волной, мы с Джеффри были совсем рядом. Я ушла под воду, потом выплыла... Помню, глотнула воздуха и засмеялась, просто расхохоталась от радости... Вдруг поняла, что Джеффри нет. И тут я его увидела. Его относило к берегу. Я бросилась к нему, но не смогла... Не доплыла... Я не успела до него доплыть.

Ее голубые глаза вновь наполнились слезами, а я, услышав эту историю, не могла пошевелиться от ужаса. Неудивительно, что Лариса ненавидит море и не хотела ехать в «Брайтуэлл». Интересно, а Хэмилтон об этом знал? Ну конечно, не мог не знать, но тогда он был еще более жесток, чем я думала. Лариса перевела дыхание и продолжила:

– В тот день умерла часть меня, миссис Эймс. Мы с Джеффри были очень близки. Мне кажется, я так и не оправилась после той потери... А теперь вот Нельсон. И его тоже погубила вода... – Она тихонько заплакала, закрыв лицо платком.

Майло оказался прав. Она действительно чего-то боялась и кое-что скрывала. Теперь я знала, что именно, знала, почему при виде моря миссис Хэмилтон цепенела, почему упорно отказывалась спускаться на пляж. Майло довольно пронизательно назвал это аурой несчастья, так оно и было. «Брайтуэлл» и все, что с ним связано, оживили ужасные воспоминания о гибели брата. Мне захотелось обнять Ларису, но я знала, что обеим станет неловко, и лишь стиснула ее холодную руку.

– Мне очень, очень жаль, миссис Хэмилтон.

Я ощутила беспомощность, но как раз это еще больше укрепило мою решимость найти убийцу. Миссис Хэмилтон наконец вытерла слезы, подняла голову, и наши взгляды встретились.

– Ведь его убили?

Сообразив, что она имеет в виду мужа, я замялась.

– Мне подсунули какое-то сильное снотворное... Как сказал врач, доза была почти смертельная, – продолжила Лариса.

– Вы принимали какие-то лекарства? – спросила я, вспомнив свой пузырек из-под аспирина.

– Нет, в том-то и дело. По словам врача, их, вероятно, растерли в порошок и подсыпали в кофе или куда-то еще. Нельсона, похоже, тоже опоили.

– Мне кажется...

Я вдруг поняла, что не знаю, как это сказать. Правда, конечно, скоро станет известна, но мне очень не хотелось быть первой, кто сообщит этой женщине, что ее мужа утопили в ванной.

– Но зачем? Кому это могло понадобиться? – спросила Лариса, приняв мое молчание за подтверждение ее предположения.

– Не знаю, миссис Хэмилтон. – Я помолчала. Она знала, что ее мужа убили. Не было смысла это отрицать. – Вы можете предположить причину, по которой кто-то... по которой ваш муж представлял для кого-то угрозу?

Она затрясла головой, даже как-то слишком поспешно.

– Нет, понятия не имею.

Может, она что-то знает, но боится говорить?

– Миссис Хэмилтон, если вам что-то известно...

Она снова покачала головой, уже не так торопливо, но твердо.

– Я ничего не знаю, миссис Эймс. Может, это все-таки несчастный случай. Я случайно что-то выпила. А Нельсон просто поскользнулся и упал.

Я посмотрела ей в глаза и поняла, что она тоже в это не верит, ничуть.

Простившись с миссис Хэмилтон, я вышла на террасу, к своему облегчению не встретив никого из знакомых. Я очень устала от этих людей. Глаза бы мои не видели «Брайтуэлл». Ветер, поднявшийся еще вчера, значительно усилился. Небо стало свинцовое и предвещало недоброе. Вид моря говорил о том, что быть ненастью. Несмотря на поздний час, было сумрачно. Ветер пригибал к земле траву, что росла по обе стороны лестницы. Я пошла вниз по деревянным ступеням, шаря глазами по земле в поисках предмета, которым убийца мог ударить Руперта.

На пляже было пустынно. Постояльцы, еще не разъехавшиеся после убийств, едва ли сочтут такой день подходящим для прогулок. Море не располагало к купанию. Волны тяжело разбивались о берег, эхом отдаваясь от скалы. Я прошла к груде мусора, где видела Хэмилтона. Вряд ли мне удастся найти что-нибудь стоящее, но посмотреть не мешает. Под ногами валялись камни, ракушки, какие-то нанесенные морем обломки – ничего подозрительного.

Вдруг что-то блеснуло. Наклонившись, я подняла всего-навсего отшлифованный морем осколок стекла, но он мне напомнил, что предмет, подобранный Хэмилтоном, прежде чем он положил его в карман, тоже блеснул в лунном свете, буквально на долю секунды. Значит, это был не камень и не кирпич. Может, вообще никакое не орудие убийства. Но если все-таки улика, зачем Хэмилтон искал ее впотьмах?

Я задумалась, и тут мне на плечо упала капля. Начинался дождь. Гроза, висевшая над горизонтом, видимо, решила, что ей пора сюда. Значит, нужно прервать поиски и возвращаться в гостиницу, чтобы не тащиться по лестнице в ливень. Когда я поднялась на террасу, дождь был уже нешуточный. Прилично промокнув, я зашла в холл и увидела

инспектора. Я не очень хотела с ним встречаться, но Джонс меня заметил, и по его взгляду я поняла, что он меня искал. Джонс невозмутимо смотрел, как я отряхиваю воду с рукавов.

– А, миссис Эймс. Вот кого я хотел видеть, – сказал он, как будто вовсе и не поджидал меня.

– Звучит зловеще.

Инспектор улыбнулся, однако не слишком радушно.

– Я просто думал, вы можете устранить мое недоумение по поводу того, где находится ваш муж.

– Майло уехал в Лондон, – ответила я, абсолютно уверенная в том, что инспектору это уже известно.

Вообще я поняла, что полиция любит задавать вопросы, на которые прекрасно знает ответы.

– Вот как, – кивнул инспектор. – А могу я осведомиться, потребовавшие его присутствия дела действительно настолько важны, чтобы заставить его уехать оттуда, где произошло двойное убийство?

Я внутренне ошетибилась из-за этой назойливости, но сообразила, что он пытается вывести меня из себя, может быть, в надежде, что я выболтаю нечто важное.

– Разумеется, можете, если вам угодно, однако, полагаю, осведомляться лучше у самого Майло. Если вы, конечно, его отыщете. Я понятия не имею, где он.

– А как же ваша недавняя дружба?

Я ответила на его вопросительный взгляд скорее холодно.

– Инспектор, как вы думаете, мы можем продолжить этот разговор, после того как я переоденусь? Моя одежда промокла насквозь.

Мы долго смотрели друг на друга, наконец Джонс кивнул:

– Разумеется. Простите, миссис Эймс. Могу я к вам зайти, скажем, через полчаса?

– Если это необходимо.

Он сделал шаг в сторону, и я прошла мимо, не произнеся больше ни слова. Хоть мне – почти против воли – нравился этот человек, он не на шутку испытывал мое терпение. Да что там, я чуть не взбесилась. Он просто использовал неопределенность в наших отношениях с Майло. А это не очень красиво.

Я остановилась у стойки узнать, нет ли мне писем. Может, Майло прислал телеграмму, хотя это было маловероятно. Интересно, почему он так спешно сорвался в Лондон. Не мог подождать, чтобы сказать мне об этом?

Как я и предполагала, от Майло не было ни слова. Зато мне передали письмо от Лорел, напомнившее о том, что я так и не прочитала ее первое послание. Я решила пойти к себе и сразу прочесть оба. Однако сначала нужно попытаться выяснить, где Майло. Предусмотрительный, как всегда, Джил, посоветовав Майло вернуться, был прав. Увы, что я могла сделать? Мой муж, как обычно, не сообщил, куда отправился. Возможно, в нашу лондонскую квартиру, но я не спешила туда звонить. Мне казалась отвратительной роль докучливой жены, но теперь, когда его искал инспектор, я решила, что все-таки надо попытаться с ним связаться. Хорошо бы поговорить с ним еще до прихода Джонса. Зайдя в номер, я заказала звонок и, пока ждала соединения с Лондоном, достала первое письмо Лорел.

*Эймори,
Должна тебя предупредить. Мне кажется,
назревает скандал. После твоего отъезда с
Джилом я пошла на почту и на обратном пути
увидела на вокзале Майло. Похоже, он ждал
южного поезда. Думаю, он собирается следом за
тобой. Проказница. Скорее всего, к твоему
возвращению ваш любовный треугольник станет
предметом пересудов всего города.*

Ничего нового. Конечно, было бы неплохо знать о приезде Майло заранее, но теперь это не имело никакого значения. Я потянулась к письму, которое пришло сегодня.

– Алло?

Я даже испугалась, услышав на другом конце провода низкий негромкий голос. Женский голос, а в городской квартире мы не держали прислугу.

– Будьте добры, кто это? – спросила я.

Там явно замялись. Наконец послышался ответ:

– Винельда.

Я не знала ни одного человека с таким нелепым именем.

– Ну что ж... Винельда. Это миссис Эймс. Могу я узнать, что вы делаете в моей квартире?

– Что я делаю в вашей квартире? – тупо переспросила собеседница.

Даже по телефону я слышала, как она затрепетала.

– Позовите Майло, – сказала я наконец.

Это была уже последняя капля.

– Майло? – снова переспросила она.

Может, она плохо слышит, эта Винельда, подумала я.

– Мой муж дома или нет?

– Нет... нет, мэм. Его нет в городе.

Знакомая история. Прежде чем продолжить, я сделала глубокий вдох.

– Если вам доведется его увидеть, соблаговолите передать ему, что инспектор Джонс настаивает на его возвращении в гостиницу «Брайтуэлл». Полагаю, у полиции накопились вопросы в связи с недавними убийствами.

Я еще услышала, как она ахнула, повесила трубку и некоторое время сидела неподвижно, осмысливая новости. Я не имела ни малейшего представления, кто такая Винельда, но догадывалась, что она и есть причина спешного отъезда Майло. Вот оно как, значит. Мой муж принял решение за меня. Я твердо решила больше не пытаться с ним связаться. Если он предпочитает скрываться, как это делают преступники, пусть сам расхлебывает последствия. Какое-то время за решеткой пойдет ему на пользу. По крайней мере, я буду знать, где его искать, когда начну бракоразводный процесс.

Увы, инспектор Джонс явился минута в минуту. Мне и до звонка в Лондон не очень хотелось с ним разговаривать, но теперь эта мысль приводила в ужас. Нервы были на пределе, и лишь невероятным усилием воли мне удалось не разрыдаться.

– Вы так и не переоделись, – заметил инспектор, заходя в комнату.

Он был прав – я забыла.

– Звонили мужу? – спросил он, не услышав ответа на первое замечание.

– Не дозвонилась.

– Миссис Эймс, излишне напоминать вам о...

– Именно, инспектор, – довольно грубо перебила я его. – Излишне. Судя по всему, вы исходите из ложной предпосылки, полагая, что я имею право голоса при утверждении планов моего мужа. Наш брак носит несколько иной характер.

Джонс пристально смотрел на меня, и я пришла в ярость, заметив в его взгляде нечто очень похожее на сочувствие.

– Я пока решил не сообщать об этом лондонской полиции. Однако, если вы что-то услышите о мистере Эймсе, дадите мне знать?

– Да, конечно.

Инспектор не торопился уходить, и я поняла, что он хочет поговорить еще о чем-то.

– Вы не знаете, почему он уехал? – спросил наконец Джонс.

– Я... Он оставил записку, в которой говорилось, что он уезжает в Лондон и не знает, когда вернется. – Я замаялась, но потом решила, что лучше сказать правду: – Могу вам также сообщить, инспектор, что я звонила в лондонскую квартиру и к телефону подошла женщина. Что, возможно, объясняет его внезапное исчезновение.

Ни один мускул на лице инспектора не дрогнул.

– Меня это несколько удивляет, миссис Эймс. Вчера он производил впечатление преданнейшего мужа.

– Майло умеет неподражаемо... продемонстрировать неподдельные чувства к тому, что интересует его в данный момент. К несчастью, интерес этот очень быстро проходит...

– Но расследование убийства, несомненно, способно удержать его внимание. – Он старался говорить легко, хотя я почувствовала легкое раздражение. – Вас это увлекает, я знаю.

– Вовсе меня это не увлекает. Когда я думаю о том, что мы могли предотвратить смерть мистера Хэмилтона...

Желая удержать слезы, я сжала губы и вдруг почувствовала себя страшно несчастной.

– Простите меня, – вроде бы искренне сказал инспектор. – Мне следовало догадаться, как вам все это трудно. Иногда полицейские

забывают принимать во внимание, какое впечатление подобные события могут производить на обычных людей.

– Все нормально, – сказала я, утирая выступающие на глазах слезы. – Наверно, устала. И ведь именно я обнаружила оба тела. Довольно сильное потрясение, осмелюсь вам доложить.

Джонс протянул мне свой носовой платок, и я приложила его к глазам. От сочувствия мне стало только хуже и стоило немалых трудов остановить поток слез. Я села на диван, инспектор присел с другой стороны.

– Я понимаю, это нелегко, но скоро все закончится.

Что-то в его тоне меня насторожило, и я подняла голову.

– Вы правда так думаете?

– На такие загадки рано или поздно находятся разгадки.

– Могу я задать вам один вопрос, инспектор? – вырвалось вдруг у меня.

– Конечно, миссис Эймс.

– Вы знаете, кто убийца?

Джонс с минуту смотрел на меня, будто пытаюсь решить, сколько информации можно открыть, и наконец ответил:

– У меня есть определенные подозрения.

– Но вы ведь уже не думаете, что это Джил?

– Я арестовал мистера Трента на основании улики, – осторожно сообщил инспектор. – Время покажет, был ли этот арест преждевременным.

– Увиливаете, инспектор. На мой вопрос вы так и не ответили.

Джонс улыбнулся:

– Значит, вам уже лучше, миссис Эймс.

Я ответила ему вымученной улыбкой.

– Не хотела вам досаждать. Я просто уверена: Джил невиновен, и чувствую, что должна сделать все от меня зависящее, чтобы доказать это.

– В самом деле?

И снова мне почудилось, будто у Джонса что-то просится с языка, но он не хочет или не может сказать.

– Конечно.

Инспектор колебался. Я ждала. Может, если я буду упорно молчать, он в конце концов решится. Мое терпение было

вознаграждено.

– Миссис Эймс, я сейчас вам кое-что скажу, хотя не уверен, что должен это делать.

До крайности заинтригованная, я почти забыла про недавние слезы.

– Я вся внимание.

– Вы говорили, – осторожно начал инспектор, – что ваш муж приехал вечером того дня, когда произошло убийство, и он сам подтвердил, что прибыл дневным поездом.

– Да, – сказала я, еще не улавливая, к чему клонит Джонс.

– Сведения оказались ложными.

Я нахмурилась, пытаясь постигнуть смысл сказанного.

– Вы хотите сказать, что Майло ехал не тем поездом?

– Мистер Эймс приехал поездом тотчас вслед за вашим.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы переварить новость.

– Не понимаю... – протянула я наконец. – Майло приехал около... – И тут я вспомнила письмо Лорел. В нем говорилось, что Майло был на вокзале сразу же после моего отъезда. А в гостинице появился только следующим вечером. Где же он был остальное время? И (а это еще важнее) что хочет сказать мне инспектор? – Не знаю, – выдохнула я.

– Ничего другого я и не ожидал, – усмехнулся Джонс. – Ваш муж первостатейный врун.

И все-таки я не могла избавиться от ощущения, что инспектор чего-то недоговаривает. Я видела, он мнетя и медлит.

– Что-то еще, инспектор, ведь правда же?

– Боюсь, что да. – Его медлительность вдруг как ветром сдуло. Решившись, Джонс наклонился, словно торопясь высказаться, прежде чем передумает: – Помните, я говорил вам, что незадолго до убийства некий свидетель видел мистера Трента на террасе?

– Да, но вы не хотели назвать его имя.

– Сейчас, думаю, уже можно. Выбора почти не осталось. Понимаете, этим свидетелем был ваш муж.

Глава 24

Яоткинулась на спинку дивана, перед глазами все завертелось. Так, значит, Майло сказал инспектору Джонсу, что непосредственно перед убийством Джил находился на террасе? Это казалось совершенно невероятным, но, с другой стороны, зачем инспектору врать?

– Понятно, почему он вам об этом не рассказал, – спокойно, поделовому продолжал инспектор. – Не самое благородное дело обвинять соперника в убийстве.

– У меня голова кругом, – сказала я, пытаюсь уложить в голове то, о чем поведал инспектор. – Вы ведь не хотите... Вы же не думаете, что Майло пытался навлечь подозрения на Джила из-за меня?

– Боюсь, такая вероятность существует. Пока у меня не было оснований не верить мистеру Эймсу. Но последние события заставляют посмотреть на вещи под другим углом. Если ваш супруг действительно сообщил информацию, не соответствующую действительности, ему может быть предъявлено обвинение в создании помех правосудию. Поэтому мне хотелось бы с ним поговорить.

– Боже милосердный, – вздохнула я. – Я знаю, Майло любит быть первым во всем, но не могу поверить, чтобы он дошел до такого.

– Боюсь, другое объяснение найти сложно.

– Полагаю, вы ошибаетесь, инспектор. Понимаете, ему просто не до меня.

Джонс долго молчал, а когда заговорил, стало ясно, что мои соображения не показались ему убедительными.

– Простите, что вынужден был сообщить вам это, миссис Эймс. Я понимаю, за последнее время вам досталось. Именно поэтому я и не хотел...

– Все в порядке, инспектор, – как можно спокойнее перебила я его. – Спасибо, что сказали.

Сообразив, что мне хочется остаться одной, Джонс поднялся.

– Если услышите что-либо о своем муже или если я вам понадобится, звоните.

– Спасибо, позвоню.

После ухода Джонса я переоделась и попыталась сосредоточиться. Выводы инспектора не вписывались в логику. Зачем Майло наводить подозрение на Джила? Это вовсе не в его стиле. Что бы там ни думал Джонс, лобовую атаку он всегда предпочитал закулисным интригам. И ради меня не стал бы рисковать, осложняя отношения с законом.

Я вообще не могла понять, зачем Майло притащился в «Брайтуэлл», особенно если через пару дней уехал. Проверить, что я все еще побегу за ним, как собачонка, по первому зову? Что ж, тогда его ждал ошеломительный успех. Я в очередной раз слишком легко позволила себя соблазнить. Убедившись, что при желании он всегда может мной располагать, Майло с легким сердцем укатил. Ну ладно, тогда ему придется убедиться, что я не собираюсь остаток жизни ждать, пока он сообразовит вернуться. Пяти лет и в самом деле достаточно.

Я вдруг заметила, что скрежещу зубами, и в попытке успокоиться взяла список подозреваемых и медленно, методично начала его перечитывать. Что-то я до сих пор упускала, какой-то фрагмент мозаики. Стоило лишь найти его – вся картина сложится полностью.

Мысли вернулись к бедному мистеру Хэмилтону. Он что-то обнаружил на берегу и на обратном пути избавился от находки. Интересно, а это вообще можно еще найти? Когда Хэмилтон подбирал таинственный предмет с земли, мне показалось, он на секунду блеснул в лунном свете – но, может, разыгралась фантазия. Если это обломок скалы или кирпич, вряд ли его удастся отыскать. Даже если он кому-то и попадет на глаза, кровь наверняка уже смыло проливным дождем.

Далее, это вообще могло быть не орудие убийства. Но что тогда? Я устала на список, будто ожидая, что имя убийцы сейчас высветится красными буквами. Открытие очень близко, нужно только найти нужное звено, фрагмент, который укажет правильное направление. Ведь так обычно бывает в детективах.

Вот бы бросить взгляд в обстоятельное досье инспектора на всех нас. Конечно, он ломал над ним голову не один час, но пока, похоже, не обнаружил ничего важного. И тем не менее меня не покидало ощущение, что все в нашей компании что-то скрывают.

Однако дело не только в людях. Важны и неодушевленные предметы, разной степени загадочности. Например, снотворное, уже одурманившее нескольких человек. Приобрести его совсем несложно, так что на этом пути разгадки не найти. Жертвами пошла стали четверо: мистер и миссис Хэмилтон, я и Эммелина, последняя, правда, по предписанию врача. Я знала, что у мистера Хэмилтона имелось снотворное. Роджерсы утверждали, что потеряли свое. Являлось ли это утверждение правдой или уловкой, чтобы навести тень на плетень, предстояло выяснить.

Чего-то мне не хватало. Я чувствовала, что все фрагменты у меня в руках, но картина почему-то не складывалась. Почувствовав вдруг страшную усталость, я отложила список и села на диван. В голове гудело, я откинулась на подушки и закрыла глаза. Может, если немного передохнуть...

Меня разбудили оглушительные раскаты грома. Я села на диване, не сразу сообразив, где нахожусь. Потом вспомнила, что у себя в номере, и поняла, что просто уснула.

В комнате было темно хоть глаз выколи, лишь изредка ее освещали вспышки молний. Пока я спала, навалилась ночь, а вместе с ней и сумасшедшая, собиравшаяся так долго гроза. Дождь барабанил по крыше, под натиском ветра, как в каком-нибудь рассказе про привидения, дребезжали окна. Я потянулась включить лампу и обнаружила, что нет света. Наверно, грозой выбило электричество.

Встав с дивана, я пошарила на столе, нашла спички, зажгла одну и в поисках свечи обвела глазами комнату. Вроде мне на глаза свечи не попадались, и теперь я не увидела ни одной. Спичка потухла, я уже собиралась чиркнуть второй, как послышался стук в дверь.

– Эймори, это Джил. Ты тут?

– Да, Джил, иду.

На ощупь пробравшись к двери, я открыла ее. Рядом с Джилом, державшим в руках масляную лампу, стояла Эммелина, ее бледное лицо освещал мерцающий огонь. В тусклом свете оба казались совсем несчастными.

– Гроза повредила электростанцию, – сказал Джил. – Коридорные поставили в гостиную какие-то свечи и вот это. Тебе принести свечу или спустишься за компанию?

– Пойдем, Эймори, – попросила Эммелина. – Там так страшно в этой гостиной. Я просто не могла оставаться, когда Джил пошел за тобой.

Раздался очередной раскат грома. У меня не было никакого желания сидеть взаперти в темной комнате, когда на улице бушует гроза.

– Да, я спущусь. Остальные тоже там?

– Это-то и ужасно, – произнесла Эммелина. – Миссис Хэмилтон сидит бледная как смерть. Никто не знает, что ей сказать. Я... мне даже в голову ничего не приходит... Я знаю, каково ей сейчас. – Эммелина, казалось, вот-вот разрыдается.

– Не хочешь, не ходи, – добавил Джил. – Если тебе сейчас трудно говорить с миссис Хэмилтон...

– Все в порядке, – отмахнулась я. – Может, нам удастся чуть-чуть ее взбодрить.

Мы не без труда спустились вниз. В гостинице было странно тихо, если не считать грохотания грозы и шума волн, слышного даже в холле. Несколько человек сидели в креслах вокруг свечей и ламп, беседуя приглушенными голосами. Вероятно, большинство постояльцев все же предпочли остаться в номерах.

Мы с Джилом прошли в гостиную. Эммелина оказалась права. Атмосфера была гнетущая, стояла мертвая тишина. Стало даже как-то жутко. Миссис Хэмилтон сидела рядом с миссис Роджерс, но обе молчали.

– Может, попросим развести камин, – сказала я Джилу. – Станет повеселее.

– Я спрошу у стойки, – кивнул он.

– Там на столе граммофон, – предложила Анна Роджерс, прерывая очередную паузу. – Для него не нужно электричество.

Ей никто не ответил, и она осталась сидеть. Может быть, поняла, что всем нам не до музыки. Я подошла к миссис Хэмилтон.

– Как вы сегодня?

– Неважно. Из-за этой грозы все только хуже.

Ее глаза увлажнились, заблестев в свете лампы. Лариса полезла в сумочку, достала платок, вытерла слезы, вынула портсигар и, зажав сигарету в зубах, довольно уверенными движениями прикурила.

Несмотря на выдержку, она была на грани, – я еще не видела, чтобы миссис Хэмилтон курила.

– Невозможно сидеть у себя в темноте, – сказала она.

– Еще бы. Никто вас и не заставляет.

– Не могу дождаться, когда отсюда можно будет уехать, – вдруг раздался громкий голос Вероники Картер. – Здесь просто кошмарно.

– Да, – подхватила миссис Роджерс. – Если бы не гроза, я бы уехала сегодня же, и пусть этот инспектор катится ко всем чертям.

– Так нельзя говорить, Анна, – с обычным своим занудством покачал головой ее муж. – Необходимо соблюдать требования закона.

– Это так утомительно, – заметил Лайонел Блейк, дымя сигаретой.

Он казался абсолютно спокойным, как и тогда, на улице, но голос звучал странно. Вдруг мы все вздрогнули от пронзительного крика, и через секунду в гостиную, словно огромная летучая мышь, влетела миссис Роланд. Она была с головы до ног в черном, включая намотанный на голове бархатный тюрбан. Когда Ивонна размахивала руками, длинные широкие рукава платья в самом деле бились подобно плотным крыльям.

– Я чуть не свернула себе шею на лестнице, – заявила она. – Лифт не работает, телефон тоже. Как в пещере. – Она упала в кресло и тяжело вздохнула. – Сигарету, прошу вас. Дайте мне кто-нибудь сигарету.

Миссис Хэмилтон предложила ей портсигар.

– Какая прелестная вещица, дорогуша. Так люблю золотые безделушки. У мистера Хоу была чудесная зажигалка... Хотя, наверно, сейчас не стоило об этом говорить. Простите, что расстроила вас, Эммелина. Вероятно, это вы ему подарили.

– Нет, я... – начала Эммелина, и я на мгновение испугалась, что она сейчас расплечется. Но она взяла себя в руки и спокойно продолжила: – Я вовсе не расстроилась. Отличная была зажигалка. Руперт ею очень гордился. От одного из лучших лондонских ювелиров. По-моему, он говорил... «Прайс энд Лорд». Не знаю, откуда она у него. Я хотела бы ее оставить, на память.

– А полиция разве вам не отдала? – спросила миссис Роланд с прилипшей к ярко-красным губам сигаретой.

– Нет, там... Ее не было среди описанных вещей...

Голос Эммелины осекся, и я поняла, что она хотела сказать – «которые были обнаружены при осмотре тела покойного». Бедная девочка. Но то, что она может говорить о Руперте без слез, хороший признак.

– Может быть, еще всплывет, – предположила я.

– Он мог положить ее в сокровищницу.

– Сокровищницу?

Густо подведенные брови миссис Роланд поднялись, внимание всех присутствующих обратилось на нас. Эммелина улыбнулась слабой печальной улыбкой, став вдруг похожей на маленькую девочку.

– Он так ее называл. И всегда брал с собой в поездки, хранил в ней ценности. Обычно прятал где-нибудь в комнате. – Эммелина вдруг нахмурилась. – Но полиция не упоминала о сокровищнице, а я была так плоха, что просто не подумала. Надо будет спросить, может, завтра, когда дадут свет.

– Однако, нет ли у кого зажигалки? – спросила миссис Роланд и, достав из лифа платок, отерла лицо. – Я вся запарилась после этого бега с препятствиями... Прямо сама сейчас запыхаю. А так ведь бывает иногда, правда? Я имею в виду, что люди загораются. Мне рассказывали, хотя, по-моему, это ужасная ерунда.

Мистер Блейк чиркнул спичкой, и миссис Роланд, глубоко затянувшись, откинулась в кресле и выдохнула густое облако дыма.

– Что мне нужно, так это хороший глоток чего-нибудь крепкого. Так было страшно. Весь свет погас, не видно ни зги.

Разговор продолжался, но я не слушала, задумавшись о другом. Золотая зажигалка – дорогой подарок, особенно если его сделала не Эммелина. Может, конечно, Руперт купил ее сам, хотя такие мужчины не березгуют подарками от женщин. Я невольно вспомнила подарок, который купила вчера Майло, – золотые запонки с почему-то выгравированной на них буквой «Э». Гравировка... Миссис Роланд видела у Руперта золотую зажигалку. Я нашла золотую зажигалку среди вещей мистера Хэмилтона. На ней была выгравирована буква «Х». Может, это зажигалка Руперта Хоу? Интересно. Посмотреть бы еще раз. А еще лучше проверить, была ли зажигалка среди вещей Руперта. Полиция наверняка сказала бы Эммелине о Рупертовой «сокровищнице» с ценностями. И вдруг меня осенило. В гостиной собралась почти вся наша компания. Что мешает мне пойти в номер

Руперта и все там как следует обшарить? Только вот ключ... но я была уверена, что мне удастся его раздобыть.

Осторожность, усилившаяся в свете последних событий, боролась во мне с желанием найти важную улику. И все-таки импульс прислушаться к интуиции оказался сильнее благоразумия, говорившего, что лучше остаться спокойно сидеть в освещенной керосиновыми лампами гостиной вместе с новыми друзьями. Один из которых, напомнила я себе, вероятно, является убийцей.

– Джил пошел за остальными, – сообщила мисс Картер Ивонне Роланд, и я поняла, что они все еще обсуждают неполадки с электричеством. – Странно, что вы не встретились.

– Он, кажется, ищет Оливию, – отозвалась миссис Роланд. – Эммелина, дорогая моя, вы так похудели. У меня есть отличный шоколад. Когда дадут свет, я вам принесу.

– О, кстати, хорошо, что вы мне напомнили. Мне нужно взять кое-что в номере, – сказала я в воздух и, как мне хотелось надеяться, довольно беспечно встала. – Я ненадолго.

Взяв со стола одну из тусклых ламп, я вышла в холл. Сидевшие там постояльцы наладили игру в карты и не обратили на меня никакого внимания. Я рассчитывала, что из-за аварии и последовавшего хаоса за стойкой никого не будет. К несчастью, портье находился на месте. Я замедлила шаг и притаилась в тени, чувствуя себя кем-то вроде убийцы из романов Викторианской эпохи, подстерегающего жертву. Надо только на секунду отвлечь портье...

Мне пришла в голову совершенно невозможная мысль, и, не успев додумать ее до конца, я разжала руку, в которой держала лампу. Ударившись о мраморный пол, та разлетелась вдребезги. Когда огонь добрался до лужицы масла, полыхнули невысокие языки пламени, ярко осветив темный холл.

Глава 25

Я смотрела на ярко горящий огонь, потрясенная тем, что сама же и наделала. Послышались охи сидевших в холле людей.

– О боже! – воскликнула я, посмотрев в сторону стойки. – Боюсь, я...

– Я принесу что-нибудь убрать, – вскинулся портье и куда-то умчался.

Оставалось только надеяться, что молодой человек помнит – горящий на масле огонь не тушат водой. Я снова перевела взгляд на устроенный мной пожар. Масло уже выгорело, а на мраморном полу огню распространяться особо некуда. Карточные игроки это, вероятно, тоже поняли и вернулись к игре. Воровато оглянувшись, я прошла за стойку и осмотрела ряды с ключами. До возвращения портье у меня было всего несколько секунд. Комната Руперта находилась этажом выше моей. Если память не изменяет, на дознании упоминался номер 211. Глазами я поискала ключ. Полиция могла конфисковать все ключи от этого номера. Но нет! Вот он. Я схватила его, сунула в карман и быстро вышла из-за стойки. Через пару секунд вернулся портье с ведром песка и начал посыпать уже догорающий огонь.

– Ради бога, простите меня, – вполне искренне извинилась я.

Я, конечно, рассчитывала, что огонь не распространится, но до конца уверена не была. Хоть чуточку подумав, я бы этого не сделала. Не хотелось бы пополнять список своих прегрешений поджогом.

– Все в порядке, – отозвался портье, правда, заметно бледный. – Вы не поранились, миссис Эймс?

– Нет-нет, все хорошо. Я могу что-то сделать?

– Нет, я позову человека убрать стекло. Вы уверены, что с вами все хорошо?

– Простите меня, пожалуйста, – повторила я. – Я просто хотела подняться к себе и вот...

– По-моему, у меня был фонарь.

Портье открыл ящик, порывшись в нем, достал фонарик и, включив его, протянул мне с явным облегчением, что обеспечил меня светом, не содержащим ни огня, ни горючих жидкостей. Я пошла к лестнице и, задумавшись под тяжким грузом ключа, который давил на

совесть и оттопыривал карман, чуть было не напоролась на Джилу и Оливию. Они спускались и за негромким разговором не видели меня. Когда мы столкнулись, они смущенно остановились на нижних ступенях.

– Привет, Эймори, – сказал Джил. – Я помогал Оливии сойти вниз.

В тусклом свете лампы, которую держал Джил, Оливия казалась бледной, изнуренной. На ней был джемпер с длинными рукавами – прикрывавшими повязки на запястьях, судя по всему. Она старалась не смотреть мне в глаза.

– Простите, что помешала, – улыбнулась я.

– Ты вовсе не помешала, – ответил Джил, но как-то странно. Я только не смогла определить, в чем странность.

– Как вы, Оливия? – спросила я.

– Хорошо, – неохотно промямлила та.

Как ни мечтала я поскорее попасть в комнату Руперта, мне показалось, сейчас удачный момент перемолвиться с мисс Хендерсон наедине, прежде чем мы все снова набьемся в гостиную.

– Джил, не будешь возражать, если я поговорю с Оливией?

Джил как-то подозрительно, очень напряженно посмотрел на меня, помялся, лишь потом кивнул и, передав лампу Оливии, оставил нас. Повисло тяжелое молчание. Лучше всего в данной ситуации было двинуть напролом.

– Оливия, простите, если вопрос покажется вам дерзким. В общем-то, он такой и есть. Вы дарили Руперту золотую зажигалку?

Оливия пристально посмотрела на меня, на ее гладком лбу залегла складка.

– Не знаю, почему все думают, что... Ничего я ему не дарила. Руперт был мне до фонаря, хотя какое-то время мы часто виделись. Жуткий бабник, что, впрочем, всем известно, вот и все его достоинства.

Я не поняла, почему Оливия вдруг принялась все отрицать, и растерялась.

– Тогда почему?.. – Мой голос замер. Неприлично спрашивать у человека, почему он решил вскрыть себе вены бритвенным лезвием.

Тут Оливии что-то пришло в голову, и ее холодное лицо вдруг несколько потеплело.

– Так вы не знаете, – сказала она.

– Не знаю чего?

– Вы думаете, я любила Руперта, – проговорила она, сделав ударение на слове «Руперт».

Что-то блеснуло во взгляде, и я совершенно отчетливо поняла, о чем она говорит. Я была слепа и глупа, как последняя дурочка, я не видела этого раньше.

– Вы любите Джила, – прошептала я.

Ее взгляд снова стал жестче, и она отвела глаза.

– Вы, наверно, думаете, что так вести себя может только полная идиотка.

Все встало на свои места: поведение Оливии, загадочные исчезновения Джила, посетитель, который так взволновал Оливию в больнице, – все приобретало смысл. Я не могла поверить, что не догадывалась раньше, но, наверно, была слишком поглощена своими делами, чтобы обращать внимание на остальных.

– Это я чувствую себя идиоткой, – сокрушенно призналась я. – Я должна была понять, каково вам.

– Знаете, он сходит по вам с ума. – В болезненной улыбке Оливии, в глазах, в которых блеснули слезы, не было ни горечи, ни озлобления. – Всякий раз, как произносит ваше имя, взгляд у него загорается и... Было так глупо с моей стороны пытаться заставить его снова полюбить меня. А может, он никогда и не любил, не знаю...

Слышать эти слова почему-то было очень больно, и я, почувствовав, что сама сейчас разревусь, непроизвольно схватила Оливию за руку.

– Простите меня, милая... Знаете, я прекрасно понимаю, как это – любить человека, чувства которого... неоднозначны.

– Ваш муж, – кивнула она.

Теперь настал мой черед печально улыбнуться.

– Иногда мне кажется, он женился на мне, только чтобы доказать, что это в его силах.

– Когда он приехал, я решила, что вы все еще любите его.

В ее взгляде кричала надежда, и мне стало почти стыдно.

– Я... все так неопределенно.

Оливия кивнула:

– Если вы захотите, Джил пойдет за вами на край света. Но если вы решите иначе, я все равно буду ждать.

И, сказав это, она прошла в гостиную. Несмотря на отчаяние, прозвучавшее в ее словах, походка Оливии сохраняла ровное достоинство, и я решила, что недооценила эту девушку. Во мне говорила благодарность за то, что она завершила разговор, потому что удачный ответ в голову так и не пришел. Я знала, нельзя было принимать ухаживания Джила, не решив все вопросы с Майло. И все-таки не могла заставить себя отказаться от него, особенно сейчас, когда, вполне возможно, лишилась всего остального.

Я пошла по темной лестнице, на стене плясали блики света. В самом деле какая-то жуть. Свет фонарика бил недалеко, и только почти дойдя до площадки второго этажа, я поняла, что на ней кто-то стоит. Я повела фонариком и испугалась, увидев в слабом луче Майло.

– Добрый вечер, дорогая, – шагнул он мне навстречу. – Мерзкая погода, не правда ли? Меня чуть не смыло, пока я добирался с вокзала. – Майло весь промок – вероятно, только что вошел в гостиницу, – но широко улыбался. Треклятая гроза явно его раззадорила. – У тебя есть ключи от нашего номера? Свои я забыл в каком-то кармане.

– Я... да, есть.

К нашей комнате мы шли молча.

– Я думала, ты уехал в Лондон, – запинаясь, произнесла я, когда мы дошли до двери.

Меня так удивило его внезапное появление, что я не смогла придумать ничего умнее.

– Чистая правда. Ты меня не поцелуешь?

– Нет.

Обойдя его, я открыла дверь ключом. Майло прошел за мной. Фонариком я нашарила масляную лампу на углу стола, зажгла ее, и неяркий желтый свет наполнил комнату.

– Ты сердишься, что я уехал, ничего тебе не сказав, – начал Майло, сняв мокрый плащ и перебросив его через спинку стула. – Но, дорогая, я торопился на поезд.

Я подошла к нему вплотную.

– Инспектор Джонс сообщил мне, что это ты видел Джила на террасе перед убийством.

Надежда смутить его этим откровением оказалась напрасна – я забыла о железной выдержке Майло. Ни единый мускул не дрогнул на его лице.

– А, он тебе все же сказал? Впрочем, я так и думал.

– Как ты мог видеть Джила с Рупертом после обеда, если появился в гостинице только вечером?

– Полагаю, это инспектор тебе тоже сообщил. – Майло снял пиджак и пригладил рукой мокрые волосы. Он терпеть не мог шляп и никогда не носил их, даже в дождь. – Я приехал сразу вслед за тобой, заглянул сюда, а потом решил переждать в пабе.

Я предпочла пока отложить вопрос, почему он поехал за мной именно в «Брайтуэлл», и спросила:

– Зачем ты сказал инспектору, что видел Джила?

– Затем, что я его видел.

– Ой ли?

Майло улыбнулся:

– Ты мне не веришь?

– Майло, Джил не убивал Руперта.

– Может, и не убивал, но я подумал, стоит упомянуть тот любопытный факт, что незадолго перед тем, как Руперта стукнули по башке и выкинули за ограду, они поссорились.

Очень трудно было понять, говорит ли он правду.

– Инспектор Джонс очень досадовал, что ты уехал, – заметила я, сменив тему разговора и умолчав о том, как была взбешена и расстроена, когда он без предупреждения рванул в Лондон.

– Надеюсь, он простит эту маленькую вольность, когда я ему сообщу, что мне удалось выяснить.

Майло явно хотел меня заинтриговать, поэтому я не проявила к затравке ни малейшего интереса, а заодно подавила желание сказать ему, как надеялась, что его арестуют. Если он и заметил мое деланое безразличие, то не дал этого понять. Не проронив ни слова, Майло достал из шкафа чистый комплект одежды и пошел в ванную просушиться.

Вздыхнув, я села за стол. Столько надо обдумать, слишком много всего случилось сразу. Ключ от комнаты Руперта все еще оттягивал

карман, и ужасно хотелось посетить 211-й номер. Но нельзя было допустить, чтобы за мной увязался Майло, поэтому нужно найти способ от него отделаться. Что, если улизнуть сейчас, пока он переодевается? Но он может отправиться искать меня вниз и тем самым привлечет внимание к тому обстоятельству, что меня нет в номере.

На столе лежало второе письмо Лорел. Поскольку больше делать было нечего, я открыла его и пробежала глазами.

Я тут поспрашивала и узнала, что Руперт не расплатился с серьезными карточными долгами, которые наделал в Монте-Карло. Многие сочли его спешный отъезд признаком плебейства, хотя, насколько я понимаю, он просто был в отчаянном положении. И еще кое-что занятное. Ты, конечно, подумаешь, что мне больше нечего делать, кроме как читать светскую хронику, но тебе ведь известно, как я люблю нет-нет да узнать какие-нибудь любопытные новости. Так вот, эта статья, точнее, фотография к ней меня заинтересовала. Может, Майло все-таки окажется тебе полезен.

Когда я прочитала эти строки, у меня появилось странное предчувствие, и я даже не сразу заглянула в конверт. Но потом все-таки достала вырезку и посмотрела на изображение. Как и писала Лорел, заметка из желтого журнала. Судя по дате, фотография сделана примерно месяц назад в Монте-Карло. Возле стола рулетки стоял Майло. Он великолепно смотрелся в смокинге. Несмотря на фривольный намек, содержащийся в заголовке, мое внимание привлекла вовсе не женщина в смелом декольте, повисшая на его руке, а человек, стоявший по другую сторону, – Руперт. Я долго смотрела на фотографию. Майло утверждал, что не был знаком с Рупертом. И вот, пожалуйста, они стоят друг напротив друга.

Я не могла понять, зачем Майло понадобилось врать. Если только... Когда я осознала смысл того, что сейчас узнала, у меня

потемнело в глазах. Кирпичики загадки, составлявшие общую картину, посыпались на мою бедную голову с грохотом горной лавины. Майло был знаком с Рупертом. Руперт оставил большие долги. Майло приехал сюда до того, как произошло убийство, но никому не сообщил о приезде.

Я сделала глубокий вдох и заставила себя методично собрать воедино все, что мне известно. По версии полиции, Руперт Хоу с кем-то поссорился, получил удар по голове и был сброшен со скалы. Предположительно, разговор принял нежелательное направление и ситуация накалилась. Но, может, все еще хуже? Может, это запланированное убийство? Майло вернулся из Монте-Карло неожиданно, намного раньше, чем собирался. Может, мой приезд в «Брайтуэлл» просто совпал с его планами? Может, он приехал вовсе не из-за меня, а из-за Руперта?..

– Какая незадача, что выбило пробки, – сказал Майло, и я чуть не подскочила, внезапно услышав его голос. – Представь, как жили наши предки, – бродили в темноте при свете факелов.

– Почему ты не сказал мне, что был знаком с Рупертом? – спросила я в надежде, что хоть этот вопрос застанет его врасплох.

– Я не был с ним знаком, – невозмутимо ответил Майло.

Встав со стула, я протянула ему фотографию, внимательно наблюдая за реакцией. Инспектор Джонс был прав: Майло первостатейный врун. Он и бровью не повел.

– В рулетку играет столько людей, – пожал он плечами, возвращая мне вырезку. – Это еще не значит, что мы были знакомы.

– Просто поразительное совпадение, не так ли?

Я всматривалась в него, пытаюсь заметить хоть намек на смущение. Вдруг Майло улыбнулся, и какая-то опасная насмешка блеснула в его глазах.

– Эймори, дорогая, ты полагаешь, это я убил Руперта Хоу?

– Это ты его убил?

Он рассмеялся:

– Если бы я это сделал, неужели ты думаешь, я бы признался?

– Ты как-то сказал, что сможешь убить, если будет необходимо.

По слухам, Руперт был весь в долгах.

– Да будет тебе, дорогая. Ты знаешь не хуже, чем я: у меня столько денег, что я вряд ли успею их истратить. Довольно хлипкий мотив.

– Но тем не менее мотив.

– И, вероятно, Хэмилтона тоже убил я.

С огромным облегчением я вдруг поняла, что моя версия не объясняет смерть Хэмилтона. Даже если Нельсон Хэмилтон нашел на берегу какую-то улику против Майло, мы же были в шкафу, до того как... И вдруг до жути ясно я вспомнила плеск воды, после того как Майло вылез из шкафа. Сам он утверждал, что вытащил голову Хэмилтона из воды, проверяя, жив ли тот. Но что, если все ровно наоборот? Я физически почувствовала, как кровь отлила от лица.

– Ты... ты мог это сделать.

Майло остался невозмутим. Больше всего на свете мне хотелось знать, о чем он сейчас думает.

– Да, в принципе это возможно, – сказал он наконец.

Я не нашлась что ответить. Мы продолжали смотреть друг на друга, и молчание становилось все тяжелее. Впервые за все время знакомства с Майло я испугалась, что осталась с ним наедине, – далеко не самое приятное чувство.

– Кто-то видел сегодня, что ты вернулся? – Почти невольно я вдруг задумалась о том, может ли кто-то знать, что мы здесь с ним вдвоем.

– Нет, пока ты воровала ключи, я как раз поднимался по лестнице.

Так он видел? Интересно, он догадался, зачем я это делаю?

– Тогда все по-прежнему убеждены, что ты в Лондоне.

– У меня была серьезная причина для отъезда в Лондон, но я собирался непременно вернуться на место преступления, – сообщил он, и я машинально поморщилась из-за использованных им слов.

– Думаю, надо спуститься, – проговорила я, будто рассуждая вслух. – Меня там ждут.

Я пошла к выходу и тут же поняла, что Майло догадался, почему я так неестественно держусь.

– Господи, Эймори!

Он шагнул ко мне, и я непроизвольно попятилась. Майло замер, и на его лице появилось совершенно незнакомое мне выражение – немой вопрос, начисто лишенный обычной скупающей насмешки. Но это длилось всего долю секунды, и Майло, напустив на себя привычный безразличный холодок, спокойно произнес:

– Не думал, что такое придет тебе в голову. Ты полагаешь, это я их убил. Обоих.

– Я... Мне... Ты не... – Я судорожно искала ответ, но что тут можно было сказать?

– Я бы убил Хоу и Хэмилтона ловчее. – Лишь едва уловимая резкость тона указывала на то, что Майло в бешенстве.

Я никак не могла подобрать слова и чувствовала себя полной дурой, одними глазами умоляя его понять, почему во мне родилось подозрение.

– Я никогда и мизинцем тебя не трону.

– Майло, прошу тебя... Я не хочу в это верить.

– Я вниз. – Его лицо превратилось в маску, холодную, жесткую, как у мраморной статуи. – Посажу в гостиную. На случай, если понадобится тебе... или полиции.

И с этими словами Майло вышел, оставив меня одну. Я слушала удаляющиеся шаги, и сердце колотилось в ушах. Я не верила, что он это сделал. Не могла поверить. И тем не менее складывалась цельная картина.

Может, позвонить инспектору и все рассказать? Что-то во мне противилось этой мысли. Не очень красиво доносить на собственного мужа. Нужно все обдумать. Мысли пчелиным роем гудели в голове. Мой муж, человек, которого я любила, с которым прожила пять лет, оказался убийцей?

И еще одно: если так, то что же мне делать?

Глава 26

Я просидела в полной неподвижности, наверно минут десять. Затем попыталась взять себя в руки. Выходило очень скверно, но, конечно же, всему этому есть какое-то логическое объяснение. Я поняла, что не в силах думать дальше, и решила чем-нибудь заняться. Взяв фонарь, я вышла из комнаты и направилась к номеру Руперта. Что бы там ни было, я должна знать.

На запертой двери красовалось официальное уведомление полиции, что без особого разрешения вход в номер запрещается. Что бы сказал инспектор Джонс, если бы увидел меня сейчас? Вставив ключ в замок, я быстро юркнула внутрь и заперла за собой дверь. Комната хранила все следы тщательного обыска. Ящики были выдвинуты, их содержимое валялось в совершеннейшем беспорядке. Похоже, полиция перевернула все здесь вверх дном. Но оставалась возможность, что «сокровищницу» Руперта, как выразилась Эммелина, так и не нашли.

У секретера я осмотрела разбросанные вещи. Надо признать, я недооценила сложность, сопряженную с осмотром чужого добра при помощи одного слабого фонаря, и уже начинала думать, что мне не удастся найти ничего нового. На столе не было ничего важного – наверно, все интересное уже забрала полиция. Я на секунду задумалась. Где Руперт мог прятать важные бумаги? Вряд ли в гостиничной мебели имеются потайные отделения. Оставалось нечто менее очевидное. Я обшарила шкаф, все темные углы – вдруг что-то спрятано в глубине. Успехом мое усердие не увенчалось. Повинуясь внезапному вдохновению, я подошла к дивану и, просунув руку между подушками, выудила один шиллинг и морскую ракушку. Стулья тоже оказались пустышкой.

Где же еще? Я опустилась на колени возле кровати. Как и в номере Хэмилтона, на полу виднелся только фрагмент ковра. Но, возможно... Я осветила фонарем на ножки – а если Руперт запрятал что-нибудь здесь? Усилия оказались вознаграждены. В углу к нижней стороне белого матраца был прикреплен какой-то коричневый прямоугольный предмет. Просунувшись под кровать, я его вытащила. Это в самом деле можно было назвать шкатулкой, сделанной из какого-

то прочного материала. Я вылезла из-под кровати и, открыв ее, осветила содержимое фонариком. Золотой зажигалки я не увидела, зато там лежали какие-то бумаги.

Не сдерживая любопытства, я начала их просматривать. Я, конечно, все расскажу инспектору Джонсу, но первый беглый осмотр не мешает произвести самой. В шкатулке оказалось довольно много счетов – портного, галантерейщика, ювелира, а также весьма солидный счет из лондонской табачной лавки. Похоже, все неоплаченные. Таким образом, мое первое впечатление, что Руперт питал интерес к Эммелине не только ради ее нежных чувств, подтверждалось.

За счетами я увидела два письма на имя Руперта и узнала почерк Джила. Несомненно, это и есть те письма, о которых он упоминал, с крепкими выражениями. Я не стала их читать. Что бы там ни писал Джил, он, конечно же, не имел в виду ничего ужасного. Под письмами лежала бумажка, непохожая на счет. Короткая записка, нацарапанная темными чернилами. Я прочла следующее:

*Заплатите, что должны, или пожалеете.
Доброжелатель.*

Это принесло некоторое облегчение. Записка вовсе не в духе Майло. Он бы сформулировал угрозу намного изящнее, причем на хорошей бумаге и хорошими чернилами.

На самом дне шкатулки обнаружился небольшой желтый конверт. Открыв его, я достала письмо, написанное мелким аккуратным почерком.

*Мой дорогой,
Я помню, ты просил не писать тебе, но это выше моих сил. Не знаю, сколько еще смогу выдержать. Он что-то подозревает, я уверена. Но даже если он ничего не знает, делать вид, будто мы друг другу чужие, невыносимо. Нам нужно довести до конца то, что мы задумали. Я слишком*

долго ждала. Я хочу быть с тобой, и ничто не должно стоять на нашем пути. Живу лишь ожиданием того момента, когда мы соединим наши жизни.

С любовью,

Л.

Прежде чем я успела что-то сообразить, в темноте послышался напугавший меня голос:

– Так вы нашли.

Я была так сосредоточена на письме, что не услышала щелчок замка в открываемой двери. У кого еще мог иметься ключ от номера Руперта? Несомненно, у любовницы. У женщины, написавшей то письмо, что я держала в руках. У женщины, имя которой начинается на букву «Л». Я вдруг все поняла, и у меня закружилась голова. Письмо написала женщина, которая, стоя в дверях, смотрела на меня.

Лариса Хэмилтон.

Глава 27

Не выпуская письма из рук, я медленно поднялась.

– Миссис Хэмилтон.

– Мое письмо, не так ли? – Лариса кивнула на конверт. – Адресованное Руперту.

– Не знаю, – ответила я. – Оно подписано инициалом.

Миссис Хэмилтон улыбнулась, и, внезапно похолодев, я поразилась, как стремительно обычная светская вежливость может смениться едва прикрытой враждебностью.

– Полагаю, миссис Эймс, вы догадались, что его писала именно я. Вы очень умны. Возможно, даже слишком.

Мой мозг лихорадочно работал. Ведь это мог быть всего-навсего адюльтер. Я протянула Ларисе письмо.

– Наверно, я плохо воспитана. Я действительно прочла его в надежде что-нибудь обнаружить. Если вы хотите его забрать, пожалуйста, а я просто пойду.

Доставая из кармана пистолет и нацеливая его на меня, Лариса продолжала спокойно улыбаться:

– Не думаю, что это возможно.

Увидев наставленное на меня дуло, я вдруг почувствовала, как странным образом немею. Я не подозревала миссис Хэмилтон, мне даже в голову не приходило, что она может оказаться замешана в этой истории, а теперь получалось, что было очень глупо не принимать ее в расчет.

– У вас с Рупертом был роман, – сказала я.

В детективах преступников всегда заставляют как можно больше говорить. Тогда обязательно кто-нибудь придет на помощь. Я не могла надеяться на такой счастливый исход и тем не менее решила как-то ее отвлечь, пока соображу, что делать.

– Это была вовсе не пошлая дешевка. – В голосе Ларисы послышалась грусть. – Мы с Рупертом знакомы с детства. Он был чуть младше, но мы замечательно дружили. Он знал Джеффри, и, когда тот утонул, Руперт стал мне другом, помог пережить самое трудное время. Мы полюбили друг друга, но были слишком бедны, чтобы пожениться,

и в конечном итоге наши пути разошлись. А примерно год назад мы снова встретились в Лондоне.

– Но вы уже были замужем.

– Да, к несчастью. Я вышла за Хэмилтона шесть лет назад и с тех пор не прожила ни одного счастливого дня.

– Вы никогда не любили мужа?

Не знаю, почему я задала этот вопрос. Наверно, мне просто стало интересно, было ли в мистере Хэмилтоне что-то, что можно любить. Лариса рассмеялась милым звонким смехом.

– Вы полагаете, такого человека, как Нельсон, можно любить? Он получал удовольствие, растирая меня в пыль, чувствуя себя тем самым выше. Нет, я никогда его не любила. Его богатство давало мне единственный шанс на лучшую жизнь. Я им воспользовалась.

– Но Руперт вернулся в вашу жизнь.

– Да, мы встретились неожиданно, на приеме в Лондоне, и закрутилось. Мы с ним договорились поехать сюда, в «Брайтуэлл», а уговорить Нельсона оказалось несложно. Стоило только внушить ему, что это его идея, а это нетрудно. Он прекрасно знал, как я ненавижу море, и потому захотел сразу.

Ее, судя по всему, увлекли воспоминания, а я лихорадочно соображала, как выпутаться. Может, бросить в нее фонарем? Но где гарантия, что попаду?

– Я была до безумия влюблена в Руперта, – тихо продолжила Лариса Хэмилтон, и ее глаза потемнели от боли. – Он прекрасно умел заставлять людей верить в то, что ему было нужно. Эммелину он просто обвел вокруг пальца. И меня. – Я молчала, тем самым понуждая ее говорить дальше. – Он заставил меня поверить, что все еще любит меня. Говорил, хочет, чтобы мы были вместе, но я думаю, его интересовали только деньги Нельсона. Если прибавить к ним состояние Эммелины, в его распоряжении оказывались средства намного больше тех, что были ему нужны.

– Но как же вы думали жить, если бы Руперт женился на Эммелине? Тогда вы оба состояли бы в браке. А развод получить очень непросто, большая часть состояния ушла бы на судебные издержки.

Лариса очень странно посмотрела на меня, будто напрочь забыла о том, что я тут. Наши взгляды встретились, и я поразилась холоду в ее глазах.

– Разве я говорила о разводе?

Я недоуменно нахмурилась:

– Не понимаю вас.

– Мы собирались их убить. По очереди. Нельсона и Эммелину. И тогда соединились бы. Со всеми деньгами, которые нам были необходимы.

По моей спине побежали мурашки. Никогда, в самых диких фантазиях, я не могла бы и помыслить такое. Лариса Хэмилтон печально улыбнулась.

– Я понимаю, о чем вы думаете, миссис Эймс. И вы правы. Это чудовищно. Но Нельсон был чудовищный человек.

– А Эммелина?

– Милая девушка... Но я слишком долго ждала счастья.

И тут я поняла, что Лариса Хэмилтон не вполне в своем уме. Иначе и быть не может. Я лихорадочно думала, как ее отвлечь, что сделать, чтобы выбраться отсюда.

– Так что же... случилось с Рупертом? – спросила я наконец.

Это было в самом деле интересно. Если мне сегодня предстоит пасть от рук безумного убийцы, не хотелось бы умирать, не получив ответы на свои вопросы.

– Любопытно, что думаете вы, – ответила Лариса.

Странная просьба, и я задумалась, что сказать.

– Вероятно, муж узнал о вашей связи, вызвал Руперта на разговор и ударил его. А когда вы об этом узнали, то, в свою очередь, убили его.

Лариса Хэмилтон снова улыбнулась и покачала головой:

– Может, вы и не так умны, как я думала, миссис Эймс. Нет, Нельсон ничего такого не делал. У него бы духу не хватило. Я убила Руперта. – От неожиданности я невольно разинула рот. – После обеда Джил и Руперт на террасе, как всегда, ругались из-за Эммелины.

Значит, Майло говорил правду. Джил все-таки был на террасе и, конечно, продолжил тот разговор с Рупертом, что я слышала накануне ночью. А поскольку разговор вышел горячим, не хотел о нем рассказывать.

– Когда Джил ушел, я подошла к Руперту, – продолжила Лариса. – Он сказал, что Трент готов заплатить, только бы он оставил Эммелину в покое. Джил предложил вполне приличную сумму, и я посоветовала

Руперту взять ее. Тогда мы могли бы обойтись без убийства Эммелины, понимаете?

И она посмотрела на меня так, словно ожидала, что я буду потрясена ее великодушием.

– Но Руперт не захотел брать деньги, – подстегнула я рассказчицу.

Внезапная вспышка гнева исказила лицо Ларисы, заострив обычно мягкие черты.

– Нет, не захотел. Знаете, что он мне сказал?

Даже в темноте я заметила, что, разозлившись, Лариса крепче сжала пистолет. Я, конечно, догадывалась, что мог сказать ей Руперт, но не собиралась опережать события.

– Нет. Что?

– Что не хочет брать деньги Джила и что вдруг понял, как привязался к Эммелине.

Из всего, что довелось узнать за жуткую неделю, эта невероятная новость поразила меня больше всего.

– Руперт любил Эммелину?

– Он так думал, – пожал плечами Лариса, вроде бы взяв себя в руки, хотя беспокойные голубые глаза еще блестели негодованием и тоской. – И сказал, что лучше нам обо всем забыть. Он, дескать, женится, и тогда мы будем время от времени видеться. – Лариса заговорила резче. Я понимала, какой удар постиг ее тогда на террасе: единственный человек, которого она любила, ради которого готова была пойти на убийство, признался, что ему, пожалуй, все-таки на нее наплевать. – Я пыталась объяснить, пыталась сказать, как много он для меня значит, но он только улыбался этой своей улыбкой и вдруг попросил сигарету. – И тут я поняла, что тогда произошло. Увидела все так ясно, как если бы в тот день стояла вместе с ними на террасе. – Я дала ему сигарету, и Руперт прикурил от золотой зажигалки... Это я подарила ему зажигалку, не Эммелина. Я снова повторила, как он мне дорог, постаралась пробудить в нем воспоминания о том, что мы значили друг для друга... Но он... – Лариса помолчала, будто еще раз услышав слова, сказанные тогда Рупертом. – ...Он сказал: «Все прошло, Риси. Признайся, ты не потянешь убийство Нельсона. Ты слишком слабая... Может, поэтому у нас и нет будущего».

Ларису вдруг будто подкосило, словно страсти ее оставили, и она вновь стала той миссис Хэмилтон, которую я знала, – бледной,

запуганной женой грубияна, который женился на красавице и которому скоро все это надоело, и осталась одна жестокость.

– И тогда вы его ударили, – продолжила я за нее.

– Да. Я бросилась на него и ударила портсигаром, со всей силы. Прежде чем я успела понять, что случилось, он уже упал за ограду.

Ее лицо было пепельно-серым, а голос чуть дрожал. Она смотрела мимо меня, в пустоту, несомненно мысленным взором видя ту сцену.

– Вы как-то сказали мне, что глупо так убивать, – рискнула я, вспомнив наш разговор вскоре после убийства.

– Действительно глупо, правда? Портсигаром. Ерунда какая-то, – пробормотала Лариса. – Он был весь в крови. Портсигар, я имею в виду. Я его долго потом отмывала.

– Значит, это был все-таки несчастный случай, – сказала я. – Вряд ли вам предъявят обвинение.

– Может, и так, – спокойно отозвалась Лариса. – Но потом-то я убила Нельсона.

Я догадывалась об этом, но страшно было услышать ее невозмутимое признание. От шквала всех откровений у меня кружилась голова. Мне казалось, я близка к настоящему обмороку, однако не имелось оснований сомневаться в том, что сделает со мной миссис Хэмилтон, если я потеряю сознание.

– Было даже грустно, что Руперта больше нет, однако, услышав от него правду, я не очень горевала. Я надеялась, дознание установит несчастный случай. Тогда можно было бы продолжить жить по-прежнему. Я, конечно, не отказалась от мысли убить Нельсона, но сделала бы это позже. Однако он начал кое-что подозревать.

– Он нашел зажигалку.

– Да, он нашел зажигалку. Она была у Руперта, когда он... упал. Я спустилась забрать ее, но не обнаружила. А заставить себя поискать на берегу не могла. Не могла подойти так близко к морю. Потом я сообразила повесить на нижнюю террасу табличку «Закрито для проведения ремонтных работ». Просто чтобы выиграть время.

– Вам оставалось лишь надеяться, что зажигалку никто не найдет.

– Да, но Нельсон откопал ее где-то на берегу. Не знаю, почему полиция проглядела, может, берег они осматривали невнимательно. В тот вечер, когда мы играли в бридж, Нельсон заметил, что мой портсигар того же стиля, что и зажигалка Руперта, которую тот поднес

ему за ужином. Он вечно обращал внимание на такую чепуху. Я думаю, Нельсон упомянул эту зажигалку по какому-то внезапному наитию, но ему повезло, он оказался прав. Он, конечно, не мог знать, что я убила Руперта, знал только, что я подарила ему зажигалку, но принялся дразнить меня, обещал пойти в полицию. Ему нравилось меня пугать. Хотя... По-моему, он мне не верил. Всегда задвигал дверь между нашими комнатами на засов. А в тот день я с удивлением обнаружила, что номер не заперт. Я ведь уже собиралась каким-то образом взламывать дверь из коридора.

Это я в тот день отодвинула засов и сейчас горько об этом пожалела, хотя и не сомневалась, что Лариса без труда проникла бы в номер мужа и иным способом, раз уж решилась. Надо признать, упорства ей было не занимать.

– Снотворное я взяла у Анны Роджерс в тот вечер, когда мы в ее номере смотрели журналы, и за обедом подсыпала Нельсону порошок в стакан. У него была привычка после обеда принимать ванну, и я рассчитала, что убью его именно в ванной. Он всегда носил с собой этот пистолет, уж не знаю зачем, и до завтрака я его стащила, на случай, если возникнут непредвиденные обстоятельства. Но пистолет не понадобился. Нужно было только попасть в номер. Нельсон находился под воздействием лекарства и не мог оказать серьезного сопротивления.

– Вы утопили его, – сказала я. – Несмотря на то, что случилось с вашим братом.

Лариса посмотрела на меня, и я не увидела в ее глазах ни малейших угрызений совести.

– Нельсон, конечно, прекрасно знал, почему я не хочу ехать в «Брайтуэлл», знал, как погиб Джеффри, но заявил, что у меня было много времени оправиться от той детской трагедии. – Какая-то стылая улыбка появилась на ее лице. – Странно, правда? Я всегда так боялась воды, а тут она мне вдруг помогла. – Миссис Хэмилтон говорила, сохраняя полное, чудовищное самообладание. Мне с трудом верилось, что вся эта история произошла на самом деле. – Когда все было кончено, я вернулась к себе и приняла снотворное. Я, конечно, рисковала, поскольку не была уверена в дозе, но обошлось.

Вот тебе и правда, подумала я. Когда она открылась мне, все приобрело смысл, хоть и несколько безумный. Мы подошли к

решающей точке.

– И что вы думаете делать со мной? – спросила я. – Не можете же вы жить, таская за собой два трупа. Рано или поздно на вас выйдут.

– Может быть. Но вы определенно знаете слишком много. Боюсь, я никак не могу вам позволить все это рассказать.

– И поэтому вы подбросили в мой пузырек с аспирином снотворное? – Это был последний фрагмент загадки.

К моему удивлению, Лариса, нахмурившись, покачала головой:

– Я не подбрасывала вам никакого снотворное.

Настала моя очередь хмуриться. Неужели она говорит правду? Но совершенно непонятно, для чего ей врать, особенно теперь, когда она все рассказала.

– Зачем мне было вас опаивать? Вы мне симпатичны, миссис Эймс. Вы славная женщина, и, поверьте, я надеялась, что до этого не дойдет. Я ведь пыталась убедить вас отступить, даже бросила подозрение на Эммелину в надежде, что тогда вы оставите свою неутомимую деятельность, но, похоже, не сработало.

Она была права. Несмотря на басни о том, что Эммелина якобы слышала, как Руперт договаривался о свидании с Оливией, я никогда всерьез не думала, что она в припадке ревности могла убить Руперта. Просто не представляла, что Эммелина Трент на такое способна. Правда, миссис Хэмилтон я тоже не подозревала. Все мои версии теперь можно было выбрасывать на помойку.

– Жаль, что вы не отказались от своих намерений, – продолжала между тем Лариса. – Вы не оставили мне выбора.

– Вы меня застрелите?

– Боюсь, что да. Если подождать очередной молнии, раскат грома заглушит выстрел. Простите, что вынуждена вас убить, миссис Эймс. Уверена, ваш муж сильно опечалится. Знаете, он вас очень любит.

И тут, будто по сигналу, яркая вспышка молнии осветила комнату. Не успев понять, что делаю, я бросила в Ларису фонарем. К вящей моей радости, он угодил ей прямо в живот. Она рефлекторно отпрянула, и я накинулась на нее. Мы упали на пол, пытаясь вырвать друг у друга пистолет. Мне удалось сесть на Ларису верхом, и я придавила ей запястье. Она отчаянно сопротивлялась. Для своей нежной комплекции эта женщина оказалась удивительно сильной. Но я боролась за жизнь и не собиралась сдаваться.

Лариса попыталась выдернуть руку, и пистолет с оглушающим грохотом выстрелил, разнеся окно. Я со всей силы прижимала ее руку к полу, и наконец она ослабила хватку. Я стиснула пистолет, как раз когда ей удалось высвободиться. Она почти взобралась на меня, но я со всей силы шарахнула ее рукояткой по голове. Раздался отвратительно громкий хруст, и Лариса мешком сползла на пол.

Я села, тяжело дыша, на лицо налипли волосы. Лариса еле слышно застонала, и было большим облегчением понять, что история с Рупертом не повторилась. Неподвижная, скрюченная фигура вызывала почти жалость. Почти.

В коридоре послышались торопливые шаги, и дверь распахнулась. В комнату влетел инспектор Джонс, следом за ним Джил.

– Эймери, ты в порядке? – спросил Джил, бросаясь ко мне, чтобы помочь подняться.

Я отвела волосы с лица.

– У меня все отлично, благодарю. – Мне не удалось скрыть торжества в голосе. – А теперь, когда я раскрыла убийство, у тебя тоже все будет отлично, Джил.

Глава 28

Только когда инспектор Джонс велел увести Ларису Хэмилтон и я предоставила ему полный отчет о событиях вечера, до меня дошел весь смысл произошедшего. От изнеможения и пережитого страха я вдруг почувствовала страшную усталость. У меня по-настоящему кружилась голова.

Джил вместе с инспектором Джонсом проводили меня до номера. Усадив меня в кресло, инспектор задал еще несколько уточняющих вопросов, помечая что-то в блокноте, но, вероятно, заметив мою бледность и дрожь в руках, быстро захлопнул блокнот и бросил в карман со словами:

– Думаю, достаточно. Не хотите ли что-нибудь выпить, миссис Эймс?

– Нет, спасибо. – Вопреки всякому благоразумию больше всего я хотела Майло. Однако меня терзала мысль, что после того, как я практически обвинила его в убийстве, он не проявит особого сочувствия к обстоятельствам моей встречи с преступницей. – Как... Откуда вы узнали, где меня найти?

– Я приехал в гостиницу, – начал инспектор, – и сразу же увидел в холле мистера Эймса. Он сказал, что вы непременно захотите рассказать мне, как поймали убийцу.

Майло, как всегда издевательски, подбросил инспектору мою прискорбно ложную версию.

– Я тоже хотел с тобой поговорить, – еле слышно произнес Джил. Интересно, Оливия рассказала ему о нашем разговоре, подумала я. – В твоём номере на стук никто не ответил, а потом я услышал выстрел.

– Мы одновременно подбежали к номеру мистера Хоу, – закончил Джонс.

– Я надеялась, что кто-нибудь услышит выстрел, но боялась, что его примут за раскат грома. На это она и рассчитывала.

– Я тут же понял, что это не гром, – сухо улыбнулся инспектор Джонс. – Хотя, похоже, к моменту, когда мы подоспели, наша помощь вам уже была не нужна.

– Мне и в голову не приходило, что это миссис Хэмилтон, – пробормотал Джил. – Просто не понимаю, как она оказалась на такое

способна.

– Первые подозрения у меня появились, когда она отравилась, – произнес инспектор. – Нельзя было исключать, что она сама себя отравила. К сожалению, ряд фактов указывал на другого человека.

– На меня, вы хотите сказать. – Джил прокашлялся.

Инспектор покачал головой и перевел взгляд на меня.

– На Майло, – подсказала я.

Инспектор кивнул:

– Вы знали, что я его подозревал.

– Я сама его подозревала. И сказала ему об этом.

– О господи! – вырвалось негромко у Джила.

– Уже во время нашего первого разговора я почувствовал, что что-то не так, – признался инспектор. – А потом узнал, что мистер Эймс приехал вовсе не тогда, когда говорил. В день, когда проводилось дознание, я побеседовал с ним, и он рассказал, что слышал разговор мистера Трента с мистером Хоу. Одно к одному. Добавьте к этому, что ваш муж находился с вами, когда вам подсунули снотворное, а также был в номере мистера Хэмилтона, когда того утопили. Поэтому его внезапный и таинственный отъезд в Лондон усилил мои подозрения. Я только ломал себе голову, что известно вам.

– Тогда я его еще не подозревала. Только сегодня вечером меня осенило, что это может быть он.

Наступило напряженное молчание, и инспектор Джонс встал.

– Вы проявили недюжинную смелость, миссис Эймс, – сказал он. – Может быть, вернемся к разговору завтра. Вы наверняка очень устали.

– Да, благодарю вас, – прошептала я.

Я боялась, что вот-вот разревусь, и хотела остаться одна. Джил встал следом за инспектором и взял меня за руку.

– Отдохни немного, Эймори.

– Попытаюсь.

Он кивнул и, отпустив мою ладонь, двинулся к выходу, но у двери остановился.

– Хочешь, я попрошу подняться Майло?

Это было так мило с его стороны, и у меня снова навернулись слезы.

– Мне... наверно, нет, Джил. Но спасибо.

– Я... буду у себя, если понадобится.

Я кивнула, и он ушел. Я заперла за ним дверь и сделала глубокий вдох. В голове крутилось столько всего, что я была на грани обморока. Хорошо бы крепко заснуть и проспять до утра, однако я знала, что уснуть не удастся. Меня пошатывало, но я заставила себя раздеться и в изнеможении завалилась в кровать. От воспоминаний рябило в глазах. Правда, мучительнее всего были не события сегодняшнего вечера, а мысль о том, где же пропадает Майло.

Если убийства вывели из гостиницы постояльцев, то арест миссис Хэмилтон разогнал всю нашу компанию. Роджерсы, которые, как и я, готовы были удрать отсюда при первой возможности, уехали до рассвета. В облаке мехов и духов отчалила Вероника Картер, и, хотя я несколько к ней потеплела, мне все-таки приятно было видеть, что она уезжает.

Я уложила чемоданы, не притронувшись к вещам Майло. Пусть делает с ними, что хочет. Когда я выходила из холла, меня окликнули:

– Миссис Эймс.

Обернувшись, я увидела Лайонела Блейка. Он шел ко мне.

– Хотел попрощаться. Было очень приятно с вами познакомиться. – Он протянул мне руку, и я пожала ее.

– Тоже была рада с вами познакомиться, мистер Блейк. Желаю вам больших успехов на сцене.

Блейк улыбнулся и, чуть, как мне показалось, замявшись, сказал:

– Наверно, я должен извиниться перед вами, миссис Эймс, за свои умолчания.

– Вы не обязаны ничего объяснять, – отмахнулась я, хотя мне стало страшно интересно.

Почти смертельного трюка с расследованием оказалось недостаточно для истребления моей страсти к разного рода загадкам.

– Я не был уверен, что стоит делиться с вами этими сведениями, но, узнав о вашем героическом поступке вчера вечером, решил, что должен рассказать. Понимаете, я терпеливо выстраивал свою карьеру артиста... Английского артиста. Но, знаете, я не англичанин. Я немец.

Меня это удивило, поскольку я объясняла четкую дикцию Блейка его принадлежностью к актерскому цеху, а вовсе не

предусмотрительным стремлением скрыть акцент, все еще не встречающий воодушевления на острове.

– Вы, конечно, понимаете, в вашей стране моим соотечественникам не так просто, как было прежде. Воспоминания о войне еще висят грозовой тучей.

Это многое объясняло. Я вспомнила разговор с Блейком в день убийства Хэмилтона. Значит, слово, которое он пробормотал тогда себе под нос, было вовсе не «год», а «Mord», что по-немецки означает «убийство».

– Я бы никогда не догадалась, что вы немец, – сказала я, вспомнив пьесу, которую он читал за завтраком. – Хотя обратила внимание, что вы читаете на языке.

Блейк улыбнулся:

– Оплошность с моей стороны. Не стоило читать Гауптмана на людях. Ну да ладно. Знаете, попечитель нашего театра тоже немец, отчего немало пострадал. Он попросил меня найти площадку подальше, где можно было бы поставить пьесу. К счастью, нам удалось разыскать место в Лондоне. Однако я боялся, что если кто-нибудь об этом узнает, у него возникнут дополнительные неприятности. Потому-то я и ненавижу лишний шум и интервью. Иногда, когда нервничаю, у меня проскальзывает акцент.

– По-моему, вы потрясающий актер, мистер Блейк, – улыбнулась я. – Я бы очень хотела когда-нибудь вас посмотретьь.

Блейк улыбнулся в ответ:

– Вы понимаете меня?

– Разумеется. Спасибо, что сказали.

– Эймори, дорогая!

Я обернулась и увидела, как по ступеням опускается миссис Роланд. Лайонел Блейк еще раз пожал мне руку, наклонившись прямо к уху:

– Поосторожнее с ней. Она работает на желтые журналы.

И, отпустив мою ладонь, Блейк отошел. Ивонна Роланд налетела на меня, расцеловав в обе щеки и не оставив времени осмыслить эти поразительные сведения, которые на многое проливали свет.

– Вы спасли положение, я слышала. Какая вы умница, Эймори! Как подумаю, что вы прижали эту коварную злодейку к полу...

– О, – улыбнулась я, – не так уж это было и театрально, хотя я рада, что все позади.

– Подумать только, миссис Хэмилтон отравила себя и мужа, чтобы утопить его в ванне. Невероятно!

Не знаю, где уж Ивонна раздобыла эту информацию, но все было очень точно.

– Похоже, она пыталась отравить и меня, – пробормотала я.

Хотя Лариса Хэмилтон и не призналась в этом, я не могла иначе объяснить, как снотворное попало в мой пузырек с аспирином.

– О, вряд ли! – воскликнула миссис Роланд. – Я думаю, это дело рук Вероники Картер. Она бегала за вашим мужем, понимаете, и скорее всего решила, что ее шансы на успех повысятся, если на один вечер вывести вас из игры. Мерзкий трюк, вполне в ее стиле.

– Право... даже не могу... – Я вспомнила, что видела Веронику в тот день на своем этаже. Может, это она подменила лекарство. Если так, я готова ее простить. Все-таки ту ночь Майло провел в моей комнате. – Не знаю, что и думать.

– Еще бы, дорогая. А где же ваш очаровательный супруг?

– Я как раз шла его искать. Вы меня простите, миссис Роланд.

– Да-да, разумеется, дорогая. Было очень приятно вас повидать.

И с этими словами она выпорхнула на улицу. Я с минуту наблюдала за ней, обдумывая то, что услышала. Ивонна Роланд и впрямь была идеальным поставщиком новостей для светской хроники. Ей не раздумывая все выбалтывали всё. Надо полагать, эта неделя дала ей пищу на какое-то время. Я прошла к стойке.

– Вы видели сегодня мистера Эймса?

Я почти боялась, что он снова уехал, не сообщив мне.

– Он здесь, мэм. – И портье кивнул в сторону гостиной.

Я обернулась и увидела, как Майло выходит из дверей. Я думала, он заметил меня, но он взял курс на террасу. Поблагодарив портье, я торопливо пошла за ним. Ветер был слабый, гроза утихомирилась уже ночью. Майло стоял у ограды, не сводя глаз с беспокойного моря.

– Майло...

Он обернулся, посмотрел на меня, и я пришла в ужас от того, как мало выражал его взгляд. Он будто наглухо от меня отгородился. Более того, я чувствовала, что некоторым образом это заслужила.

– Ты не боишься, что я швырну тебя вниз? – спросил он, улыбнувшись абсолютно серьезной улыбкой.

– Прости, Майло.

– Насколько я понимаю, вчера вечером ты разоблачила убийцу. Вероятно, в конце концов тебе все-таки пришлось сделать верный вывод.

Я содрогнулась от слов и от тона, каким они были сказаны.

– Я не хотела думать, что это ты.

– И тем не менее ты думала, что я способен на это.

– Я просто запуталась. Ты говорил, что не знаком с Рупертом, а потом эта фотография.

– Еще раз, я не был знаком с Рупертом Хоу. Мы просто оказались в Монте-Карло в одно время.

– Столько всего произошло. В какой-то безумный момент все улики вроде бы указывали на тебя...

– В другой момент, если мне не изменяет память, все улики указывали на Трента. А в твердом намерении доказать его невиновность тебя ничто не могло поколебать.

Майло, конечно, был прав.

– Прости, – повторила я. – Ты сможешь меня простить?

– Конечно, дорогая. На самом деле это все ерунда, – небрежно бросил Майло, как всегда говорил с теми, кто ему надоел, а вздернутые уголки губ, означавшие улыбку, вовсе не согрели взгляда.

Повисло напряженное молчание. По крайней мере, я была напряжена; Майло же, казалось, просто скучает. Я решила, что он сейчас уйдет. А прежде мне требовалось прояснить одно обстоятельство.

– Мне... Я еще кое о чем должна у тебя спросить.

Я не торопилась задавать вопрос, особенно после того, что произошло, но мне необходимо было знать. Прежде чем жить дальше, я должна быть уверена.

– Да?

Интонация выдавала хорошо скрытое нетерпение, но я пошла напролом.

– Майло, кто такая Винельда?

Язвительная усмешка тронула его губы:

– О. Значит, если я неповинен в убийстве, в ход идет менее тяжкое обвинение.

– Она ответила на телефонный звонок в нашей квартире.

Облокотившись на ограду, Майло снова перевел взгляд на море.

– Винельда – это горничная.

– Мы не держим в квартире постоянную прислугу.

– Теперь держим. Умопомрачительно нескладная дурнушка. – Майло достал из портсигара сигарету и прикурил. – Мне пришлось ее нанять, чтобы разведать про Хэмилтонов.

– Ты о чем?

– Она работала у них в Лондоне. Не было случая тебе рассказать. Она сообщила кое-что любопытное про миссис Хэмилтон, хотя, как показало время, тебе вовсе не пригодились добытые мною сведения.

– Ты не сказал, куда уехал. И я не...

– Мне пришло в голову, что, может, удастся подсобрать какие-то лакомые крохи в Лондоне. Я разыскал эту горничную, и она поведала мне о несчастном браке Хэмилтонов, особо отметив, что у миссис Хэмилтон, судя по всему, имеется друг мужского пола на стороне, описание которого имело жутковатое сходство с портретом Руперта Хоу. Винельда оказалась поразительно наблюдательной для такой неумехи.

– Так, значит, вчера вечером ты уже знал, кто убийца.

– Подозревал.

– Почему же ты не сказал мне? – Хотя я, конечно, прекрасно понимала почему.

– Мне показалось, будет некстати, – без выражения ответил Майло. – Я хотел рассказать все инспектору. Когда я спустился вчера в гостиную, миссис Хэмилтон там не было, и я решил, что она осталась у себя. Мне не пришло в голову, что тебе может грозить опасность... Но, полагаю, это все не важно, если на выручку подоспели инспектор Джонс и такой галантный Трент... – И Майло одарил меня пустейшей улыбкой. – Все хорошо, что хорошо кончается. – Что-то было в его голосе, от чего мне стало не по себе. – Вот, дорогая, и все объяснение моему неожиданному отъезду в Лондон и загадочной Винельде. Конечно, чтобы выудить из нее нужные сведения, пришлось ее нанять. От души надеюсь, что когда ты вернешься в Лондон, квартира еще будет стоять на месте.

Я обратила внимание на это «ты» вместо «мы». Значит, он не собирается ехать со мной.

– Лучше бы ты мне все рассказал, – вздохнула я. – А ты просто уехал, да потом еще инспектор... Якобы ты утверждал, будто видел Джилла. Вот я и подумала, что... Все так запуталось.

– Как тебе известно, я приехал сюда сразу вслед за тобой. Очутился в гостинице аккурат в день убийства и по случаю услышал довольно-таки эмоциональный разговор Трента с Хоу. И решил, что, наверно, будет лучше объявиться позже.

– Почему ты ничего не сказал мне, Майло? Если бы я знала...

– Это бы ничего не изменило. – Он выдохнул облачко дыма. – Было совершенно очевидно, что ты хочешь думать обо мне только самое худшее.

– Ты не давал мне оснований усомниться в этом, – пожала я плечами. Я вовсе не злилась. Было просто грустно. Все пошло не так, как я надеялась. – А факты говорили о том, что ты тут замешан. Потом эта непонятная женщина в квартире. Что мне оставалось думать?

Майло посмотрел на меня:

– Может, то же самое, что подумал я, узнав, что Джилл Трент провел ночь в твоей комнате.

При всей небрежности голос его был страшно холоден.

– Кто тебе сказал? – спокойно спросила я.

– Это правда?

– Он пришел поговорить, но слишком много выпил в тот день и отключился.

– Значит, правда.

– Ничего не было, Майло.

– Ничего? – Он поднял брови, и этот мимический жест означал вызов.

Мне очень не хотелось, но я чувствовала, что нужно сказать ему все. Правда оказалась намного труднее, чем я думала.

– Он... Я... мы поцеловались. Один раз.

– И?

– И он заснул и проспал до утра.

Майло усмехнулся:

– Бедняга Трент. Ждать пять пять лет и отрубиться в тот самый момент, когда уже держишь ее в своих объятиях.

– Я бы не позволила...

– О!

– Разумеется, нет. – Я начинала злиться. – В отличие от тебя.

Он улыбнулся крайне жесткой улыбкой:

– Ты смотришь на меня с высоты своего превосходства, не так ли, дорогая?

– Прости, – вздохнула я. – Мне не надо было этого говорить. Из-за всей этой истории нервы развинтились.

– Да уж. Ладно, как ни очаровательна была морская прогулка, думаю, пора возвращаться в лоно цивилизации.

Майло потушил сигарету, с силой растерев окурок в пепельнице, и мне невольно подумалось, что вот так же он поступил и с нашими отношениями.

– Куда направляешься? – спросила я.

– Обратно в Монте-Карло. А может, в Швейцарию. Пока не знаю.

Я опустила голову, взгляд упал на руки, и я сообразила, что так и не надела обручальное кольцо.

– Когда тебя ждать обратно?

– Я тебе черкну.

Я подняла на него глаза, и мы посмотрели друг на друга, не желая говорить то, что расставило бы все точки над *i*.

– Тогда счастливо, Эймори.

И, наклонившись, Майло чмокнул меня в щеку. Почувствовав на прохладном от ветра лице теплоту его губ, я прошептала в ответ:

– Счастливо, Майло.

Больше всего на свете мне хотелось упасть в его объятия, но я не могла заставить себя это сделать. Гордость вовсе не такое уж положительное качество, и у меня оно оказалось развито слишком сильно, я не сумела ему сказать: «Не хочу, чтобы ты уезжал». Майло ушел, и я повернулась к морю, чтобы этого не видеть. Не видеть, как он уезжает.

Кто же виноват – он или я? Клубок и впрямь слишком запутался, в нем не разобраться. Может, Майло прав. Может, пусть лучше пройдет какое-то время, прежде чем мы примем решение.

Глава 29

Майло уехал, а я стояла и смотрела на море затуманенным от наворачивающихся слез взглядом. Снова вся тяжесть наших отношений надавила мне на плечи. Я буду сидеть дома и ждать, пока кто-то из нас не примет хоть какое-то решение. Я несправедливо обвинила мужа, обидела своим недоверием и потому не имела права винить в том, что он разозлился. И все-таки сомнения в надежности Майло породила репутация, которую он создал себе сам, его поступки. А может, мы оба вели себя по-дурацки.

– Эймори?

Я обернулась. В дверях, выходящих на террасу, нерешительно мялся Джил.

– Майло... сказал, ты хочешь меня видеть.

Значит, напоследок Майло подослал ко мне своего соперника, чтобы потом меня же и обвинить.

– Он возвращается на континент, – кисло улыбнулась я.

– И что это значит?

– Хотела бы я знать. Похоже, «Брайтуэлл» не самое благоприятное место для человеческих отношений. – Не желая больше говорить о Майло, я сменила тему: – Как Эммелина?

После ночных событий Джил первым же утренним поездом отправил ее в Лондон к матери. Это было лучше всего. Не стоит ей видеть место, с которым связано столько мрачных воспоминаний.

Засунув руки в карманы, Джил вышел на террасу.

– Думаю, справится. Но это будет нелегко.

– Насколько можно судить, Руперт все-таки любил ее, по-своему.

Слабое утешение, конечно. Но, возможно, для Эммелины это важно.

– Если бы ты смогла ей написать, думаю, она была бы рада. В ближайшие месяцы ей понадобится какое-нибудь отвлечение.

– Конечно, с радостью. – Я помялась. – А что с Оливией?

Джил насторожился:

– Она сказала тебе, что любит меня?

– Да.

– Я не был уверен, что она это всерьез. Да и до сих пор не уверен.

– Она без ума от тебя, Джил, – сказала я теми же словами, какими Оливия говорила о нем.

– Вся эта история с самоубийством... Ужасно глупо.

Я поняла, что его раздражение на самом деле вызвано глубокой озабоченностью. Он очень беспокоился об Оливии. И она тоже это знала. Конечно, было глупо вскрывать вены, но в отчаянии люди часто делают глупости.

– Не думаю, что она в самом деле хотела свести счеты с жизнью.

– Конечно, – кивнул Джил, – но от этого ненамного лучше. Когда ты узнала про Оливию и меня?

– Я поняла лишь вчера вечером. Мы разговорились, и вдруг мне все стало ясно. Я была слепа, что не замечала этого раньше.

Джил подошел ближе, но не смотрел мне в глаза. Ему явно было неловко.

– Она что-нибудь тебе сказала?

– Похоже, она сама толком не понимает, что с ней произошло.

Мне вдруг стало очень жаль Оливию. Джил взглянул в сторону моря.

– Это я виноват. Я дурно с ней поступил. Мы встречались, у нас были замечательные отношения, все ладилось. Какое-то время. Я... уже начал подумывать о свадьбе, но тут она познакомилась с Рупертом Хоу. Они понравились друг другу сразу. – Очень многое стало ясно. Вероятно, в дополнение ко всему Руперт напомнил Джилу о Майло. Может, он думал, что и Оливия падет жертвой красавца. – Это было неправильно, но я решил, что лучше положить всему конец... прежде чем дело пойдет слишком далеко. И я с ней порвал. Оливия очень переживала, но я считал, что она скоро оправится. Я уехал и попытался все забыть. Понимаешь, я не знал, что она тоже будет в «Брайтуэлле». А увидев, почувствовал себя ужасно.

– Лучше бы ты мне рассказал.

– Я собирался, но не решился взвалить этот груз на тебя. И тем не менее я все время боялся, что история выйдет наружу в какой-нибудь кошмарной скандальной сцене. Кстати, поэтому и не хотел, чтобы ты занималась этим делом. Все всё знали, и, подозреваю, всем не терпелось что-нибудь такое сказать. Смешно было надеяться сохранить это в тайне. – Я вспомнила разговор с Роджерсами. Когда речь зашла о превратностях любви, Анна деликатно, потрепав мужа по

ноге, остановила его, чтобы тот не ляпнул чего лишнего. – Оливия была не в себе всю неделю, а в довершение прочего поползли эти слухи про нее с Рупертом. После убийства я даже испугался, что могут подумать, будто она в припадке ревности...

Значит, мы все прикрывали друг друга. Я Джила, а он в это время Оливию. Какую же кашу мы тут заварили.

– Я видела, что у тебя душа не на месте, – призналась я, – и не понимала, почему ты не хочешь мне открыться.

Джил издал сдавленный смешок:

– Да, жуткая выдалась неделька, с учетом всех нюансов. Сначала я пытался уговорить Руперта отвязаться от Эммелины, потом его убийство... и приезд твоего мужа. И все это время Оливия старалась убедить меня, чтобы я еще раз хорошенько подумал о ней... о наших отношениях. Она не раз приходила ко мне – поговорить. А в ночь моего ареста я как раз пришел к тебе после разговора с ней. Мы до самого ужина выясняли отношения в ее номере. Она заявила, что расскажет все тебе, но я хотел ее опередить... А когда меня выпустили, уже было не до того.

– Ты любишь ее, Джил?

Он посмотрел мне в глаза:

– Не знаю. Мне казалось, да. А потом...

Потом он вернулся в мою жизнь, и мы оба попали в ловушку, гадая, что лучше – приукрашенное временем прошлое или неопределенное будущее. Мы обменялись взглядами и, думаю, оба в этот момент поняли, что прошлое осталось в прошлом. Мы никогда уже не сможем быть друг для друга тем, чем были прежде.

– А сегодня, Джил? Что ты чувствуешь к ней сейчас, когда все открылось?

– Я... Она все еще важна для меня.

Эти слова будто разрядили напряжение. Джил даже показался счастливым, в любом случае ему стало легче.

– Так скажи ей об этом.

– Знаешь, я не уверен, что она захочет ко мне вернуться. Я перестал ей верить, это была непростительная ошибка.

– Захочет. Хотя ты и был к ней несправедлив. Руперт ей был в общем до лампочки. Она сама сказала мне об этом. Оливия не я, понимаешь, она верна своим чувствам.

– Эймори, не надо, – мягко сказал Джил.

Я закусил губу, чувствуя, что наворачиваются слезы. Джил притянул меня к себе, и я прильнула к нему. Так хорошо было оказаться в объятиях верного друга. Несколько мгновений я млела в крепких руках, теплоте и надежности, затем сделала шаг назад, утерла слезы, вдохнула освежающий морской воздух и невесело рассмеялась:

– Я столько всего наворотила.

Джил посмотрел на меня.

– Никто из нас не в состоянии принимать ясно продуманные решения, когда мы влюблены. А ты все еще влюблена в него.

Я вздохнула и, впервые признавшись в этом самой себе, кивнула:

– Да. Я все еще люблю его.

– По-моему, я всегда это знал. – Джил улыбнулся, хотя и несколько криво. – Но, кажется, все-таки решил посмотреть, что могло бы выйти.

– Я совсем не уверена, что у меня получится... Но я должна попытаться.

– Понимаю. – Джил облокотился на перила, так же, как Майло всего несколько минут назад. – Вы созданы друг для друга, правда. – Он улыбнулся. – Его нужно все время осаживать, а тебя немножко подзадоривать. Со мной тебе, наверно, было до смерти скучно.

– Джил, прости меня за все.

Он взял меня за руку. Мы в последний раз стояли рядом.

– Тебе не за что просить прощения, Эймори. Ты пошла по зову своего сердца. Мало кто из нас способен на большее.

– Спасибо. – Я сделала глубокий вдох, запретив себе плакать. За эту неделю я пролила больше слез, чем за целый год. – Увидимся в Лондоне?

– Конечно. Я очень хочу остаться твоим другом, Эймори.

– А я твоим, Джил.

Он улыбнулся и стиснул мою руку.

– А теперь, с твоего позволения, думаю, мне надо обсудить кое-что с Оливией.

– Конечно. Желаю вам обоим счастья.

Он поцеловал меня в щеку и ушел, оставив на террасе одну. Я еще постояла, глядя на море. Сколько всего произошло за это короткое время в «Брайтуэлле», а все-таки, по большому счету, ничего не

изменилось. Стряхнув задумчивость, я вернулась в гостиницу. Надо было еще кое-что собрать, чтобы успеть на вечерний поезд. Пошлю телеграмму Лорел, пусть встретит меня на вокзале. Не хочется одной возвращаться в пустой дом. Может, прежде чем ехать в усадьбу и пытаться распутать эту страшную путаницу, которая называется моим браком, лучше пару дней пошляться по лондонским магазинам.

– Полагаю, вы счастливы, что уезжаете из «Брайтуэлла», миссис Эймс.

Ко мне подошел инспектор Джонс. Хотя я и подписала вчера протокол, но почему-то не очень ему удивилась. Я так и думала, что перед отъездом он захочет еще со мной поговорить. Мне было приятно его видеть. Пусть моя самодеятельность раздражала инспектора, но я чувствовала, что скорее ему симпатична. Я же просто им восхищалась.

– В самом деле, инспектор. Вряд ли когда-нибудь выберусь еще так на море.

– Вы сегодня едете домой?

– Да, как раз думала отправляться на вокзал.

Он не задал мне вопроса про Майло, за что я была ему признательна. Проницательный инспектор, казалось, все понимал.

– Учитывая мою строгость в подобных делах, вас это, может, удивит, но я пришел поблагодарить вас за помощь, – довольно мрачно сказал Джонс.

Хотя он процедил эти слова сквозь зубы, я была польщена.

– Вы бы все равно нашли убийцу.

Я говорила серьезно. У меня не было никаких сомнений в том, что инспектор с его умом распутает дело. То, что я все время вмешивалась, возможно, вынудило Ларису действовать в спешке, но она все равно не ушла бы от Джонса.

– Могло быть слишком поздно, – многозначительно произнес инспектор. – Меня несколько не удивило бы, если бы преступница решила, что настала очередь Эммилены Трент. Ведь именно она поставила крест на всех мечтаниях миссис Хэмилтон.

Ужасная мысль, мне не хотелось на ней сосредотачиваться, и я спросила:

– Вы думаете, ее повесят?

Как ни чудовищны были преступления Ларисы, я невольно испытывала сочувствие к тихой женщине, которую в конечном счете

завело слишком далеко.

– Вряд ли. Как я понял врачей, она не вполне дееспособна. Скорее всего ее поместят в психиатрическую лечебницу.

– Может быть, это и к лучшему.

– А каковы ваши планы? Вы намерены обратиться вмешательство в дела полиции в привычку?

Хотя Джонс не улыбался, я поняла, что он меня дразнит.

– Едва ли. С меня хватило одного убийства, инспектор. Я бы предпочла, чтобы преступления остались в прошлом.

Теперь Джонс улыбнулся:

– Это вы сейчас так говорите. Если подвернется что-нибудь захватывающее, думаю, тут же впутаетесь.

Я рассмеялась. Носильщик принес мой багаж, и я с огромным удовольствием отдала ключ портье за стойкой.

– Я могу отвезти вас на вокзал, миссис Эймс? – поинтересовался инспектор, когда мы выходили из гостиницы «Брайтуэлл» на теплое солнце.

– Спасибо, инспектор Джонс, – улыбнулась я. – Учитывая все, что мне пришлось пережить за последнюю неделю, полагаю, полицейский эскорт в самом деле не помешает.

Поезд тронулся на север. Я сидела в купе и смотрела на мелькающие пейзажи и далекую морскую гладь. Сегодня выглянуло солнце, словно предвещающая радужное будущее, но я ощущала какую-то потерянность. После всего случившегося я очень устала и хотела домой.

– Путешествуем в одиночестве?

Услышав знакомый голос, я подняла голову, на долю секунды решив, что обозналась, и немало удивилась. В дверях стоял Майло. Я не видела его на вокзале и тем более не видела, чтобы он сел в поезд.

– Мне показалось, ты уехал утренним поездом, – произнесла я ровным голосом, хотя сердце заколотилось.

Я призналась Джилу, что, несмотря ни на что, все еще люблю Майло, и очень не хотела, чтобы муж уезжал, когда все так неопределенно. И вот он тут как тут. Тем не менее рассудок запрещал чего-то ждать. Я уже давно научилась тому, что лучше не питать

надежд, и сейчас с опаской наблюдала, как Майло, зайдя в купе, закрыл за собой дверь.

– Мне тут подумалось, лучше пока не ехать на континент.

Я не очень понимала, как реагировать, какая роль отведена мне в этой маленькой пьесе. Сегодняшнее утро внушило мне уверенность в том, что наш брак распался, но вот Майло стоит передо мной как ни в чем не бывало, с такой невозмутимостью, будто зашел в гостиную выпить чаю.

– О! – выдавила я из себя. – И что же заставило тебя изменить намерения?

– Я немного поразмыслил и решил не оставлять тебя одну. Мне не очень понравилась твоя компания.

– Вот как?

– Вот так. – Майло занял место наискосок от меня. Лицо его выражало спокойствие и безмятежность. – Если хочешь знать, я сел на этот поезд с твердым намерением сбросить с него Джилмора Трента.

Я невольно улыбнулась, а в душе вдруг вспыхнула искра надежды.

– Джил не поехал этим поездом.

Мы смотрели друг на друга.

– Вот как?

Мне вдруг пришло в голову, что Майло уже это знал. Прежде чем действовать, он скорее всего высматривал меня на вокзале, чтобы понять, какое я приняла решение.

– Вот так, – ровным голосом ответила я, и нам обоим было ясно, как много означают эти пустые слова.

Пожав плечами, Майло устроился поудобнее.

– Что ж, тоже неплохо. Не хотелось бы подкреплять твое мнение о моей кровожадности.

– Майло, я...

Он махнул рукой:

– Не важно. Это все ерунда. Вероятно, там в самом деле могло показаться, что я виновен. В любом случае было любопытно пару минут побыть главным подозреваемым.

– Если бы мы могли положиться друг на друга... – произнесла я. – Но в данном аспекте дела у нас всегда обстояли не лучшим образом, правда?

– Могло быть и хуже. Ты, по крайней мере, еще не пыталась утопить меня в ванне.

У меня вырвалось нечто среднее между смешком и тяжелым вздохом.

– Майло, перестань дурачиться.

– Вовсе я не дурачусь. Ведь и правда существуют браки похуже нашего.

– Я не шучу. – Мне не хотелось идти у него на поводу, но поскольку я почему-то не способна была посмотреть ему в глаза и сказать слова, которые следовало сказать, то принялась рассматривать свои руки. – Мы часто будто чужие друг другу. Я нередко думаю, нужна ли я еще тебе.

Я заставила себя сказать это, хоть и ожидала пустого ответа. Но подняв глаза, я не увидела во взгляде Майло насмешки.

– Тебе прекрасно известно, Эймори, что я тебя обожаю.

Он пристально смотрел на меня своими синими глазами, похожими на два озера, в которые я погружалась все глубже и глубже. Это был один из тех редких моментов, когда Майло казался совершенно искренним, и я с трудом противилась желанию поверить ему.

– Правда? С тобой никогда не знаешь...

Он взял мою руку, погладив большим пальцем то место, где полагалось быть обручальному кольцу. Меня обдало жаром. Майло поднял мою руку, провел по ней губами, и у меня прервалось дыхание.

– Я хочу вернуться с тобой домой, – сказал он. – Подустал от путешествий.

Я медлила. Майло всегда прекрасно умел говорить правильные слова. А я хотела убедиться, что он всерьез, что он не просто произносит фразы, которые мне хочется слышать. Однако глупо было скрывать от себя, что я готова рискнуть. Полной убежденности, что я верю мужу, я не ощущала, но, глядя в его ожидающие глаза, я подумала, Майло сам верит в то, что говорит. Может быть, этого достаточно. Пока, по крайней мере.

– Хорошо, – сказала я наконец. – Я буду очень рада, если ты вернешься домой.

Он подсел ближе, притянул меня к себе и наклонился, чтобы поцеловать. Я никогда не походила на героинь романов, у которых при

первом прикосновении возлюбленного отказывает рассудок. Однако в этот момент мне было очень трудно сосредоточиться на чем-то еще, кроме того, как я люблю этого человека, который может довести до бешенства.

Несколько минут спустя прошедший по вагону проводник заставил нас отпрянуть друг от друга и принять некое подобие приличной пары. Я прислонилась к Майло, он приобнял меня, и тут я вновь обрела способность более-менее ясно мыслить. Я вспомнила о телеграмме, которую отправила перед отъездом из «Брайтуэлла».

– Меня будет встречать Лорел. Тебя она не ждет.

– Пусть едет домой, – отозвался Майло, проводя губами по моим волосам. – У нас найдутся занятия получше, чем целый вечер дуть чай вместе с твоей кузиной. А кстати, это ведь был проводник? Сколько у нас времени до следующей остановки?

Чувствуя в животе нелепую дрожь, я посмотрела на часы.

– Почти час.

– Чудесно. – И Майло крепче прижал меня к себе. – Проведем его с пользой.

Что мы и сделали.

Выражение признательности

Так много людей, без которых эта книга не могла бы быть написана. Я хотела бы поблагодарить своего волшебного агента, Энн Коллет, за ее веру в роман и неутомимые попытки мне помочь. Я признательна своему замечательному издателю Тони Киркпэтрик за поддержку и советы, как сделать книгу лучше. Хотела бы также выразить благодарность Дженнифер Литвак и блистательному коллективу «Томас Дюнн & Минотор букс» за их тяжелый труд и терпение, с каким они отвечали на мои бесконечные вопросы.

Я счастлива, что имею множество друзей, вдохновлявших меня и высказывавших свое мнение о различных вариантах романа. Спасибо моей кузине Элисон Додсон, которая читает мои рассказы, с тех пор как я их сочиняю; моей подруге и коллеге Сабрине Стрит, которая первая зародила во мне мысль опубликоваться; моим собратьям по перу Ребекке Фармер, Стефани Шульц и Анджеле Ларсон; а также Кэлбу Ли, Хейли Гиллори, Аманде Филипс, Дениз Маркис, Виктории Синфуэгос, Кэнденс Хэмилтон, Фейт Джонсон, Аманде Хассонг и всем остальным, кто подбадривал меня в процессе написания книги.

Огромная благодарность коллективу Элленской приходской библиотеки за поддержку.

И, наконец, в последнюю, хотя, разумеется, отнюдь не по значению, очередь бесконечная благодарность моей удивительной семье. Мама, папа, Амелия, Дэнни, ваша любовь, вера, опора, которую я чувствовала в вас, очень мне важны. Без вас я бы ничего не написала!

notes

Примечания

1

Жизнерадость (*фр.*) – *Здесь и далее примеч. пер.*

2

«Крысы» (нем.).

Table of Contents

Эшли Уивер Убийство в Брайтуэлле

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Глава 18

Глава 19

Глава 20

Глава 21

Глава 22

Глава 23

Глава 24

Глава 25

Глава 26

Глава 27

Глава 28

Глава 29

Выражение признательности

Примечания

1

2

